

Костёр

6
ИЮНЬ
1972

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Начинается новая
повесть Б. Никольского

6

Зажигалка тоже огонь
дает!

20

Я-то их не боюсь!

27

Как художник и поэт
рассказывают про цирк

54

Кто проедет медленней?

58

Первое июня — международный день защиты детей

Рисунок для нашей обложки сделала СВЕТА КОЛЕСНИЧЕНКО. Ей 7 лет. Она живет в Ленинграде.

„Вся власть Советам!“ — так назвал свой рисунок АНДРЕЙ ЛОЩИЛИН (7 лет) из Москвы.

Десятилетняя СТОЯНКА СТЕФАНОВИЧ из Югославии нарисовала, как бесстрашный партизан взрывает фашистский танк.

Следующий рисунок нам прислал японский мальчик. Только он забыл написать свое имя.

„Мои друзья“ называется веселый рисунок БРЕНДА ДЖОЙСА РИЧАРДСА из Америки. Ему 8 лет.

„Белоснежку“ нарисовала ДОРОТА СВЕЖИ из Варшавы (8 лет), а бравого моряка — ИОНАС ВИДМУНАС из Вильнюса (9 лет).

Такие нарядные шапки с пером носят шахтеры Польши. Это рисунок МАРЕКА СОКОЛОВСКОГО (9 лет).

Одного из героев польского телевизионного фильма „Четыре танкиста и собака“ вы все узнаете. Его нарисовала МАГДА НАЛЕЦКА, ей 13 лет. Марек и Магда живут в Варшаве.

В школах год делится на четверти. В институтах — на семестры. Первый семестр кончается зимой. Второй — в начале лета.

В коридорах становится пусто. В библиотеках пусто. В аудиториях ни души.

Но тут начинается третий семестр, трудовой.

Возле институтов выстраиваются отряды. Гремят барабаны. Играют оркестры. Мамы утирают слезы.

Студенты уезжают на целину. Нет больше филологов, историков, математиков, химиков. Есть каменщики, штукатуры, плотники, механизаторы, столяры, маляры, путеукладчики.

Все в одинаковых защитного цвета формах. Каждый — боец ССО. Боец студенческого строительного отряда.

Ждут студентов в Казахстане и Средней Азии, в Сибири, на Алтае, в Приморье, на Севере.

Ждут и в своих областях — до местной целины час-другой пути.

Это началось много лет назад. Первые студенческие бригады в летние каникулы уезжали строить гидроэлектростанции, распахать целинные земли.

С тех пор

У СТУДЕНТОВ ЕСТЬ СВОЯ ПЛАНЕТА

Битва с пустыней

Ночами плато Устюрт тревожат ветра. Уставшая от солнца земля оживает. Пустыня становится ласковой, доброй, даже романтической. Флаг отряда звенит на ветру.

День начинается стремительно. Дежурные, всовываясь в палатки, негромко говорят: «Подъем, парни, подъем!» Но эти голоса громче всякой трубы.

Просоленная роба с треском усаживается на плечах.

Линейка. Сегодня командира Григория Быстрова не будет. Еще в пять утра я слышал его охрипший голос, кричавший

в телефонную трубку: «Опять задержка со стройматериалами!» Быстров уехал в район выколачивать щебень и окончательно терять голос.

Но вот отряд разворачивается в цепь. Мерная поступь грубых башмаков по растрескавшейся земле. А там на дороге уже нетерпеливо забился мотор дрезины. До места назначения ехать полчаса.

Отряд Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта выходит на трассу.

* * *

Как и каждая дорога, эта, Бейнеу — Кунград, имеет свою историю. Через пару десятков

лет исследователь станет копаться в архивах. Что он найдет? Цифры, графики... То, чем живет она сейчас, унесут студенты.

Этой дорогой можно измерять совесть и честность. Здесь боролись с пустыней, а кто — с самим собой. Сюда никого не тянут насильно, и тем не менее сотни прошли и проехали по еще не окрепшим рельсам.

Об этом случае я слышал не однажды. Отряду «Звездный» оставалось проехать до места всего двадцать километров. Один из хулиганов-подростков, которого студенты взяли с собой на целину, чтобы поучился уму-разуму, зазевался, отстал от поезда. Можно было... и

Оформление В. Прошкина

тут я слышал множество вариантов. Но парнишка выбрал именно этот. Не раздумывая, в сорокаградусную жару припустил «за своими». Когда его подобрала случайная машина, он не мог говорить — запекся рот.

* * *

За лето отряду надо построить 19,9 километра дороги.

Парни спинами чувствуют температуру: «Сегодня больше сорока».

Но битва с пустыней из-за этого не прекращается, идет по всем правилам, победит сильнейший. Отряд победит. Кто сомневается!

— Щебень, щебень пришел, — поскакало по рельсам птичье слово. Отряд развора-

чивается на разгрузку. Но вместе со щебнем налетел «коэффициент» — смерчеподобный ветер. Лавина пыли обрушилась внезапно и нещадно, словно за горизонтом тысяча чертей принялась выколачивать огромный пыльный матрас. Ночь днем. Вспыхивает прожектор. А щебень все сыплется благодатным дождем.

19,9 километра дороги надо построить отряду.

Р. Ибраимов,

студент факультета журналистики
Ленинградского университета
Бейнеу—Кунград

Послесловие редакции:
Сейчас по дороге Бейнеу—Кунград уже идут поезда с манглышлакской нефтью.

ДОКТОР

Ночью во двор въехала машина, засигналила. Кто-то закричал:

— Где доктор?

Борис Колосов знал, что это значит, и начал собираться.

По дороге в машине приехавший рассказал: днем его сына покусала собака, сейчас у мальчика жар.

Врач застал мальчика без созна-

ния. Быстро сделал укол, стал обрабатывать раны.

Родителей мальчика отправил спать:

— Все обойдется. Я здесь пока посижу.

Этот мальчик был трехсотым пациентом врача стройотряда Бориса Колосова. Трехсотым за месяц работы в отряде.

НА ВСЕ РУКИ МАСТЕРА

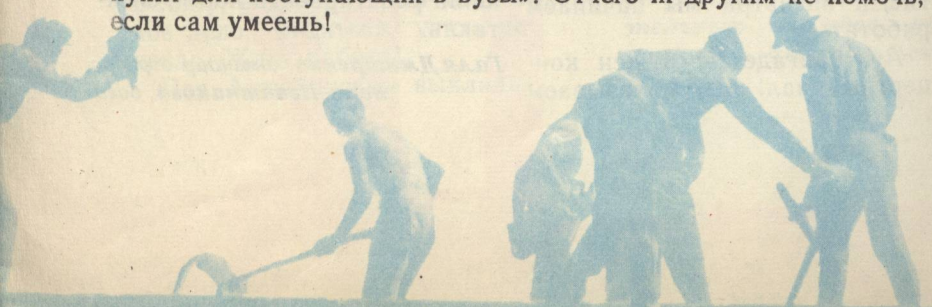
Фотоателье в Барвиновском зерносовхозе открыли студенты. Строили они в совхозе коровник, свинарник, жилые дома, прокладывали теплотрассу, а в свободное время занимались фотографией. Над домом, где жили, вывеска: «Фотоателье «Улыбка». Работает бесплатно». Ну, раз бесплатно, значит, плохо работает! Так решили местные жители. И поначалу обходили ателье стороной. А потом нашлись смельчаки. Заглянули. Сфотографировались. Как увидели свои портреты — ахнули! Первыми красавцами получились!

Стало в ателье работы невпроворот.

Как-то вечером к одному из студентов подходит деревенский парень. «Помоги, — говорит, — задачку решить. Не получается что-то». Парень этот к экзаменам в вуз готовился.

Студент решил. Назавтра приходят двое. Также с задачками.

Пришлось студентам открыть в совхозе «Консультационный пункт для поступающих в вузы». Отчего ж другим не помочь, если сам умеешь!

ВСЕ НАМ ПРАВИТСЯ В ЭТОМ ГОРОДЕ

Шесть девушек, двенадцать парней со всех курсов Ленинградского института культуры, всего восемнадцать. Это наша агитбригада, наш отряд. По путевке ЦК комсомола мы летим в Норильск, в Заполярье.

Август. В Ленинграде жара. Одна знакомая, бывшая норильчанка, сказала нам, что и в Заполярье летом иногда загорают и купаются. Мы легковерны, мы берем с собой купальники.

В Норильске все ходят в пальто. Замерзли, едва вышли из самолета.

Со всем скарбом — рюкзаками, гитарой, магнитофоном — вваливаемся в кабинет секретаря горкома комсомола. И он встречает нас, как самых дорогих друзей!

Нас устраивают в общежитие, и на завтра мы начинаем работать.

Агитбригаде не нужен концертный зал! Мы показываем

свои спектакли где угодно, — на сцене клуба, на стройплощадке, в заводском цехе.

Мы дали около ста представлений, и ни одно из них не оканчивалось просто как всегда: поаплодировали и разошлись. После представлений начинались долгие беседы. Нас спрашивали о Ленинграде, а мы хотели все узнать про Таймыр.

Здесь, за полярным кругом, мы впервые в своей жизни увидели, как плавят медь, как получают никель, как делают бетонные панели, как работает швейное объединение...

Под Норильском богатейшие залежи меди и никеля. Там рудник, там поселок Талнах. На Талнахе открывали памятник «Первая палатка», в честь строителей поселка. Нас пригласили на открытие. Ребята надели буденовки, а мы — красивые косынки.

Все пели и плясали вокруг огромного костра. А ветер рвал наши косынки! И мы завидовали этим талнахским парням и девчонкам, потому что в свои молодые годы они уже успели построить этот поселок. С пятиэтажными домами. Со школой и детским садом. С клубом, в котором прекрасный орган.

За короткое время у нас появилось столько друзей и знакомых! Пришли выступать в одно общежитие. После концерта хозяева стали показывать свой дом. В одной из комнат, оформленной как изба, живут трое художников. Они все общежитие оформили так, что оно не похоже на другие.

В день приезда нас удивило радушие секретаря горкома. А потом мы поняли — это черта норильчан. Придем в столовую — дают огромные порции: «Ешьте, студенты, ешьте!» А в детском кафе — есть такое в Норильске — нам даже разрешили репетировать новый спектакль.

*Гая Дмитриенко, командир отряда,
Вера Печатникова, боец*

БЕРЛИНЦЫ В КАЗАХСТАНЕ

Бетонную опору вместе с советскими студентами строил Миша Тельшоф из Германской Демократической Республики

На бетонной опоре Миша написал: «М. Тельшоф + Х. Бауэр».

— Христина, — сказал Миша, — моя невеста. Она сейчас не здесь, в Казахстане, а в Берлине, строит жилой комплекс на Александер-плац.

Стены дома выбелила Маргрит Лютце, студентка химического отделения университета имени Гумбольдта

— Я приехала в Советский Союз впервые, — говорит Маргрит. — И попала в строительный отряд, в Казахстан — столько впечатлений! Стала здесь маляром. Ох, трудно было сначала с малярной кистью! Это не то что в лаборатории с пробирками! Но химия мне и на целине пригодилась. Ведь приготовить хорошую известь для побелки — значит на практике применить законы химии.

ГЕЙ, МАЛЬЧИШИ!

«Или нам, мальчишам, только в прятки играть да в скакалки скакать?»

А. Гайдар

Прораб оглядел каждого бойца с ног до головы и спросил как будто простодушно:

— Это из какого же детского сада приехали молодцы?

Ответили тоже простодушно, словно и не обиделись:

— Да мы первокурсники!

Это была чистейшей воды неправда. Все они — весь отряд «Мальчиши» — только что перешли в восьмой класс. Очень боялись, что сейчас прораб начнет браниться, прикажет полезать в машину и всем «детским садом» уезжать туда, откуда приехали.

Есть отряды под названием «Осип» — отряды студентов и подростков. А в Актюбинске в горкоме комсомола решили: пусть будут отряды школьников. Всем понравилась идея. Со всех школ посыпались заявления: «Прошу принять... Родители не возражают...»

Но, кроме согласия родителей, требовалось и еще кое-что: крепкое здоровье, отличная дисциплина. Было и еще одно требование, а его никто из претендентов не мог выполнить: умение строить. Приедешь на целину, и доверят тебе серьезное дело. Возиться, учить некогда. Ждет работа!

Под Актюбинском выклады-

вали стены, которые валились то в одну, то в другую сторону. Это называлось «подготовительный период». К школьным учебникам добавились учебники по строительству.

И вот теперь, когда прораб вместе с мастером пришел проверять кладку стен, — ни одного замечания.

Через полмесяца комсорт отряда Олег Саврасов получил шесть заявлений — шесть ребят просили принять их в комсомол. На общем комсомольском собрании, кроме обычных вопросов, спрашивали поступающих об Уставе студенческих строительных отрядов и правила по технике безопасности. Все знали назубок. Абай Шаликенов помнил пропорции раствора для штукатурки с точностью до одного процента.

„Мальчиши“ сумели за лето построить только два дома. Это, конечно, мало. Обычный студенческий отряд успевает сделать гораздо больше.

Но может, через несколько лет мальчиши приедут на целину с настоящими студенческими отрядами. Это будет для них не началом студенческой целины, а ее продолжением. Гей, мальчиши!

В. Рыжов

Материалы для этих страниц подготовили студенты — бойцы строительных отрядов, участники комсомольских строек

РАЗГОВОР С КОМИССАРОМ

Святослав Кузьменко — комиссар всех студенческих строительных отрядов нашей страны.

— Расскажите, пожалуйста, Святослав, — куда поедут бойцы стройотрядов этим летом?

— Не только поедут! Многие уже уехали, досрочно сдав экзамены.

Сейчас в нашей стране почти во всех институтах летом студенты становятся бойцами ССО. Прибавьте к ним бойцов стройотрядов техникумов и училищ! Представляете, какая огромная получается армия?!

Студенты едут на Камчатку — строить дома, на Север — возводить Кольскую атомную электростанцию, Печорскую ГРЭС, заводы, в Голодную степь — сооружать оросительные системы... Словом, этим летом мы трудимся на всех объектах, намеченных Девятым пятилетним планом.

— Счастливого вам пути!

БРАТЯ СОРОКИНЫ

ПОВЕСТЬ

Борис Никольский

Рисунки И. Латинского

1. „Сорокин! Тебе письмо!“

Рядовой Сорокин был из тех людей, с кем все происшествия, выпадающие на их долю — и плохие и хорошие — непременно случаются в самый неподходящий момент. Ну, плохие — это понятно, иначе и быть не может, на то они и плохие. Но вот хорошие-то почему?

Так было и в этот раз.

В субботу вечером Сорокин мыл пол в казарме. И, конечно, настроение у него было отвратительное. Что-то слишком уж часто последнее время приходилось ему мыть полы. А если не мыть полы, так чистить картошку. А если не чистить картошку, так драить котлы на кухне. Одним словом, дело для него всегда находилось. Старшина роты об этом заботился чересчур старательно.

Фамилия старшине нравилась, что ли? Как скажет своим старшинским раскатистым голосом: «Сор-р-рокин, кому я говор-рю!» — так даже на другом конце военного городка слышно. И мало, что за каждую мелочь закатит наряд вне очереди, так еще и нотацию прочитает. Просто не может без этого.

— Вас, — говорит, — Сорокин, характер подводит. Скверный у вас характер, неподходящий для армии. А парень вы вроде неглупый, и выносливость у вас есть...

Это у старшины такая привычка, такой педагогический прием: нельзя, мол, только ругать солдата, надо между делом и похвалить его, что-нибудь хорошее вставить, чтобы совсем уж не отчаивался человек.

А чего Сорокину отчаиваться? Он и сам про себя все знает получше старшины.

Однажды он не вытерпел и так прямо и сказал:

— Это, товарищ старшина, не мой характер виноват. Это ваш, товарищ старшина, характер виноват. Если бы вы ко мне по каждому пустяку не придирались, я бы... — и тут он прервал себя на полуслове: вдруг старшина сразу рассвирепеет из-за таких слов.

Но старшина не рассердился. Он даже как-то добродушно посмотрел на Сорокина и сказал спокойно:

— Устав надо выполнять, устав, тогда я и придираюсь не буду. Вон ваши товарищи как служат — любо-дорого посмотреть — разве я к ним придираюсь? А вы что? В строй сегодня кто опоздал? Сорокин. На зарядке кто руками шевелил, как умирающий лебедь? Сорокин. Утром сапоги кто не почистил? Опять Сорокин. А говорите — придираюсь...

— Сапоги... — обиженно отозвался Сорокин. — Так разве я виноват, что моя щетка куда-то задевалась? Я спросил щетку у Вавилина, а он сказал, что отдал ее Толстопятову, а пока я искал Толстопятова, он, оказывается, уже успел вернуть щетку Вавилину, а когда я снова спросил Вавилина...

— Погодите, погодите, — сказал старшина, — а то вы, я смотрю, меня совсем запугаете. Поймите же вы наконец, Сорокин: не то плохо, что вы ошиблись, что-то не вовремя выполнили, а то, что вы каждый раз оправдание себе ищете. Вот уж это никуда не годится.

Подобные обстоятельные разговоры между

старшиной и Сорокиным происходили не раз и, кажется, доставляли старшине некоторое удовольствие, может быть, он даже предполагал, что и Сорокину они приносят наслаждение. На самом деле, разумеется, это было совсем не так, потому что сколько бы ни длился такой разговор — десять минут, двадцать или полчаса, — он неизменно заканчивался в пользу старшины.

— Ну вот видите, Сорокин, — говорил он в конце концов, — опять вы пререкаетесь. Придется вас наказать, раз уж вы слов не понимаете...

Так получилось и в этот раз, в субботу. И теперь Сорокин скреб половицы и поминал в душе старшину недобрыми словами — причем и это, конечно, тоже было нарушением устава, потому что поминать недобрыми словами своих начальников, пусть даже и в душе, никому не разрешено.

И вот именно в этот весьма печальный для Сорокина момент он услышал громкий голос дневального Бегункова:

— Сорокин! Тебе письмо!

Бегунков прокричал это таким ликующим голосом, каким, вероятно, в старину матросы после долгого плавания кричали: «Земля! Земля!» Вообще, у этого Бегункова была одна особенность: он умел радоваться чужим радостям ничуть не меньше, а может быть, даже больше, чем своим собственным. Кое у кого эта черта его характера даже вызывала раздражение: событие, о котором он сообщал, обычно оказывалось менее значительным, чем тот восторг, с которым Бегунков возвещал о нем.

И в этот раз письмо оказалось как письмо, обычное письмо из дому, от матери. Конечно, Сорокин ждал письма и был рад, но все же ничего сверхнеожиданного, невероятного тут не было.

Сорокин хотел было сначала домыть пол, а потом уже взяться за конверт, но нетерпение все же пересилило. «Ведро с тряпкой от меня никуда не убежит», — решил он.

Первые слова шли самые привычные: приветы, расспросы о здоровье, о службе... А потом!..

Вот что прочел Сорокин потом:

«Дорогой сынок, соскучилась я о тебе очень и хочется тебя повидать, и дела мои сейчас сложились так, что могу я приехать навестить тебя. Я узнавала в военкомате — говорят, можно. Но хоть

и соскучилась я, главная причина, отчего решила ехать, другая. Валерка наш совсем разболтался, меня не слушается, озорничать начал, помогать — совсем не помогает. В магазин сходить — и то не допросишься. Грубит,

я ему слово — он мне десять. Вот я и подумала: свожу-ка его к тебе, ты его приструнишь, пристыдишь как следует. И пусть на жизнь вашу солдатскую посмотрит, может, это подействует. Боюсь я за мальчишку. А ты подумай, как с ним получше поговорить, тебя-то он по-

слушает. Билеты я уже купила. В понедельник встречай нас».

Вот такое письмо получил рядовой Сорокин в субботу вечером, когда мыл полы в казарме.

— Вот так номер! — только и сказал он, еще не зная, радоваться ему или огорчаться...

2. Как Сорокин просился в увольнение

На другой день, с утра Сорокин отправился к замполиту роты, старшему лейтенанту Кудрявцеву. Не очень-то хотелось ему вступать в лишние объяснения с начальством, но ничего не поделаешь: кто еще мог отпустить его завтра в город на вокзал встречать мать и братишку?

Старший лейтенант в это время сидел в ленинской комнате и играл в шахматы с ефрейтором Халдеевым.

— Сорокин, вы ко мне? — спросил он.

— Никак нет, — поспешно ответил Сорокин, потому что именно в этот момент ефрейтор Халдеев поставил старшему лейтенанту мат.

— Нет так нет, — сказал старший лейтенант Кудрявцев и принялся снова расставлять фигуры.

Вторую партию опять выиграл ефрейтор Халдеев, и замполит снова сказал Сорокину:

— По-моему, у вас все-таки дело ко мне... — и хмуро посмотрел на Сорокина, словно тот своим присутствием мешал ему одолеть Халдеева.

— Никак нет! — повторил Сорокин.

— Вы же, кажется, никогда шахматами не интересовались? — сказал замполит.

— Учусь, товарищ старший лейтенант, — скромно ответил Сорокин.

Конечно, он мог уйти, но за это время мог уйти из казармы и замполит. И тогда жди-дождайся завтрашнего утра!

Сорокину ничего не оставалось делать, как терпеливо сидеть и наблюдать за совершенно таинственными для него передвижениями пешек, коней и слонов. В душе он, конечно, болел за старшего лейтенанта, наверно, ничуть не меньше, чем болеют за чемпиона мира его поклонники.

В который раз пожалел себя Сорокин, в который раз называл себя в душе несчастным человеком — и за что только выпала ему такая доля? Будь он отличником учебно-боевой и политической подготовки, будь он образцовым солдатом, ну хотя бы таким, как ефрейтор Халдеев, ему не пришлось бы выжидать и хитрить и набираться решимости. Тогда бы он просто подошел к замполиту, вытянул руки по швам и молодецкато сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант, по личному вопросу?..

— Пожалуйста, обращайтесь, — приветливо сказал бы ему старший лейтенант.

И тогда бы Сорокин, то есть не теперешний Сорокин, а тот, отличник Сорокин, изложил, не торопясь, свою просьбу, и замполит сказал бы ему:

— Ну, конечно, какой может быть разговор! Вот вам увольнительная, товарищ Сорокин. Это очень даже хорошо, что к такому солдату как вы приезжает мать. Командир и я лично обязательно расскажем вашей матери о ваших успехах в учебно-боевой и политической подготовке...

Вот какая замечательная жизнь могла бы быть у того, другого Сорокина!

В своих мечтах Сорокин пошел даже дальше. Он увидел целый полковой оркестр, выстроенный на перроне. Увидел себя в парадной форме со сверкающими на груди значками. Услышал...

— Ага, Халдеев, наконец-то вы и попались! — услышал Сорокин голос замполита. — Если я ладью вот так сыграю, что вы на это скажете?..

— Сдаюсь, — сказал ефрейтор Халдеев и смешал фигуры.

— Товарищ старший лейтенант, — быстро проговорил Сорокин, — разрешите обратиться по личному вопросу?..

— Ну и хитрец же вы, Сорокин! — засмеялся старший лейтенант Кудрявцев. — Диплома-ат! Дождались все-таки! Ну, давайте выкладывайте, что там у вас?

— Товарищ старший лейтенант, разрешите наедине?..

Сорокин покосился на ефрейтора Халдеева. Он слишком хорошо представлял, что будет, если в роте узнают, что Сорокина-младшего везут на перевоспитание к Сорокину-старшему... Уж кого-кого, а остряков в роте более чем достаточно! Им только дай повод!

— Ну что ж, наедине так наедине, — сказал старший лейтенант Кудрявцев.

Он бросил прощальный взгляд на шахматы и вместе с Сорокиным пошел в ротную канцелярию. Там он предложил Сорокину сесть, но тот остался стоять — он надеялся хоть таким образом, хоть в эту минуту продемонстриро-

вать свою высокую дисциплинированность. Он не стал ничего объяснять — боялся запутаться, да и приврать невзначай, нафантазировать тоже боялся, знал, что со старшим лейтенантом Кудрявцевым это ни к чему хорошему не приведет, и потому просто протянул замполиту письмо: вот, мол, решайте, все в вашей власти, а я тут ни при чем, сами видите, это не моя инициатива.

Старший лейтенант внимательно прочел письмо, повертел его в руках, задумчиво посмотрел сначала в окно, на солдат, играющих в волейбол, а потом — на Сорокина.

— Ах, Сорокин, Сорокин, — сказал он и вздохнул. Удивительно, но почему-то и ему очень нравилось произносить эту фамилию. Только делал он это не так, как старшина — без раскатистого старшинского «р», а с нажимом на «о».

— Ах, Сорокин, Сорокин, — повторил он, — ну что мне с вами делать? Разве вы заслуживаете внеочередного увольнения — сами посудите?

Сорокин скромно промолчал.

— Старшина на вас жалуется, командир взвода вами недоволен...

Сорокин продолжал молчать. По тону, по выражению лица старшего лейтенанта он уже чувствовал, что дело идет на лад. Дадут увольнение. Не могут не дать, раз такой исключительный случай.

— Вот видите, как получается... — сказал старший лейтенант и опять посмотрел в окно. — Мать на вас надеется. Нелегко ей приходится, а вы...

«И что ей вздумалось ехать именно сейчас, — тоскливо размышлял Сорокин, — да еще Валерку везти... Одни неприятности из-за этого. Хоть бы меня раньше спросила, так нет же... И что вздумалось?..»

Впрочем, конечно же, он сам был виноват. Напиши он домой, что дела в армии идут у него совсем не так уж блестяще, и дисциплина у него, как любит говорить старшина, «хромает на обе ноги», и с командирами не очень ладит, напиши он все, может быть, тогда бы и не пришла матери в голову мысль везти сюда Валерку «приструнивать». Так ведь не писал. «Служба идет нормально, все в порядке, жив, здоров, того и вам желаю». А однажды ночью, в караульном помещении, скучно было, длинное письмо настроил и так там разошелся —

мол, чуть ли не к ноябрьским в отпуск ждите. И что его тогда дернуло? Другие-то пишут. Вот ему и стало обидно. Ночь, темно. Скоро на пост заступать. Дождь моросит. Стой два часа один в темноте. Карауль боевую технику. Да и то сказать — разве плохим солдатам доверят охранять боевую технику? Ясно, не доверят. А ему, Сорокину, доверяют. Вот от этих мыслей он, наверно, и расчувствовался тогда в караульном помещении...

— Ладно, — сказал замполит и легонько хлопнул по столу ладонью. — Но чтобы все было без нарушений, без малейших, ясно?

— Так точно! — радостно гаркнул Сорокин.

Он и сам не знал, чему он обрадовался в эту минуту больше: тому ли, что разрешение получено и все уладилось, или тому, что закончился этот неприятный разговор. Он четко повернулся, вышел за дверь канцелярии и только тут спохватился, что обрадовался слишком рано: самая неприятная часть разговора еще впереди.

Ничего не поделаешь — пришлось возвращаться.

— Ну что еще у вас, Сорокин? — удивленно взглянул на него замполит.

— Товарищ старший лейтенант... Я хотел... хотел... я...

— Ах, Сорокин, Сорокин, — с удовольствием выговаривая его фамилию, сказал замполит, — если бы вы были так же нерешительны, когда препираетесь с командирами... Так что же вы хотели?..

— Я хотел попросить вас... хотел, чтобы вы... — Сорокин опять замолчал и потом выпалил одним залпом: — Ну, в общем, не рассказывайте обо мне матери...

— Ага! Понятно! — сказал старший лейтенант Кудрявцев. — Вообще-то, раньше об этом надо было думать... Разве я не прав? А, Сорокин?

Конечно, он был прав, ничего не скажешь. Но как это часто бывает, когда человек, твой собеседник, укоряющий тебя, прав, тебе особенно не терпится возразить ему, тебя так и тянет вступить в спор.

Сорокин едва сдержался. И промолчал. Только вздохнул.

— Ну что ж, посмотрим. Это будет зависеть и от вас, — несколько загадочно сказал старший лейтенант. — А сейчас идите. Все.

3. „Вы не смотрите, что он такой тихий...“

Бывают же все-таки в жизни поразительные неожиданности!

Еще накануне вечером, когда он старатель-

но отглаживал обмундирование и до зеркального блеска надраивал сапоги, думал ли Сорокин, что на другое утро он покатит на вок-

зал на командирском «газике»?! А рядом с ним будет сидеть замполит — торжественный и одновременно веселый.

Честное слово, все это поразило Сорокина ничуть не меньше, чем если бы он, и правда, увидел на перроне полковой оркестр.

— Ты только не зазнавайся, Сорокин, — смеясь, сказал ему старший лейтенант Кудрявцев. — Это не ради тебя делается, ради твоей матери... Понял?

Но Сорокин как следует не расслышал этих слов, потому что еще не пришел в себя от удивления.

Он удивился бы еще больше, если бы мог увидеть в этот момент своего брата, Сорокина-младшего, человека десяти лет. Потому что Валерка Сорокин в этот момент стоял в коридоре вагона и с воодушевлением рассказывал проводнику, на каком замечательном военном автомобиле приедет встречать его старший брат.

«Газик» с Сорокиным-старшим стремительно мчался по шоссе к вокзалу, и к тому же вокзалу по стальным рельсам так же стремительно летел скорый поезд с Сорокиным-младшим. Мгновение торжественной встречи приближалось.

И встреча действительно получилась торжественной — лучше не придумаешь!

«Здравия желаю, здравствуй, сыночек, здорово, Валерка, привет, привет!» — все перемешалось: объятия, поцелуи, крепкие рукопожатия.

И многие пассажиры смотрели на них из окон скорого поезда и улыбались. А у тех, у кого почему-либо было плохое настроение, оно моментально исправлялось.

Мать Сорокиных совсем растрогалась, а самым спокойным, конечно, оставался Валерка — ведь он с самого начала несколько не сомневался, что встреча будет такой торжественной.

Потом тот же веселый «газик» повез их в военный городок.

— Смотри, смотри! — говорил Сорокин-старший.

На фоне голубого неба уже видны были причудливые очертания антенн радиолокаторов, навстречу им по обочине катил тяжелый гусеничный тягач, а слева, со стрельбища доносились хлопки выстрелов.

Кажется, сто раз, не меньше, видел и слышал все это Сорокин-старший, кажется, сто раз, не меньше, проходил и проезжал он по этой дороге, но сейчас он внезапно испытал какое-то новое чувство — словно сам был командиром и хозяином всей этой могучей техники. Словно показывал младшему брату свои владения.

— Что? Интересно? — сказал Валерке старший лейтенант Кудрявцев. — Только запомни крепко-накрепко — здесь повсюду часовые. С нарушителями они не церемонятся.

— Стреляют? — спросил Сорокин-младший.

— Бывает, и стреляют, — сказал замполит.

— Вы не говорите так при нем, — сказала мама Сорокиных, — а то ему обязательно захочется проверить...

Конечно, она сказала это в шутку, но лучше бы, лучше бы она совсем этого не говорила!

Тем временем они въехали в военный городок.

Замполит пригласил их в комнату для приезжих, там они чинно расселись, все четверо, и заговорили о том, о чем, наверно, говорят все люди в первые минуты после встречи.

— Ну, как доехали? — спрашивал старший лейтенант Кудрявцев.

— Спасибо, хорошо, — отвечала мама братьев Сорокиных.

— А у вас здесь, я вижу, совсем тепло, настоящее лето, — говорила мама Сорокиных.

— Да, тепло, — отвечал старший лейтенант Кудрявцев, — а у вас какая погода?..

— Трудновато вам, наверно, с ними приходится, — уже несколько позже говорила мама Сорокиных. — Тут с двумя, и то намаешься, а у вас их вон сколько!..

— Да, всякое бывает. Но ничего — управляйся, — скромно отвечал старший лейтенант Кудрявцев.

Сорокин-старший помалкивал — только время от времени улыбался, но в разговор не вступал, не вмешивался. Что же касается Сорокина-младшего, так тот в своем новеньком костюмчике, с аккуратной челочкой на лбу выглядел совсем как воспитанный, застенчивый, интеллигентный мальчик, пришедший на день

рождения к своей бабушке. Он даже не шевелился, даже стул под ним не скрипнул ни разу.

— Ну, а мой-то как служит? — спросила наконец мать Сорокиных.

— Ничего, — хитровато улыбаясь, ответил замполит, — я думаю, он сам лучше расскажет...

— В детстве он, знаете, болезненный был, простужался часто, так я все боялась за него — солдату ведь и мерзнуть и мокнуть приходится, правда? А вот вроде теперь не простужается...

— Не простужаешься, Сорокин? — весело спросил замполит.

Сорокин покраснел.

— Никак нет, — сказал он. — Не простужаюсь.

— За него я теперь спокойна, он в надежных руках, а вот с младшим беда. Вы не смотрите, что он такой тихий, на самом-то деле...

Тут все повернулись к Сорокину-младшему, чтобы выяснить, какой такой он есть на самом деле.

Да так и замерли.

Стул, на котором только что сидел Сорокин-младший, был пуст.

Мама Сорокиных покраснела и растерянно посмотрела на замполита.

А замполит смущенно усмехнулся и взглянул на Сорокина-старшего.

Сорокин-старший нахмурился.

Все молчали и чувствовали себя неловко.

— И куда он мог деться? — сказал наконец Сорокин-старший. — Ну, я сейчас ему покажу!

4. Как Сорокин-младший гулял по военному городку

Пора сказать, что этой своей изумительной способностью — исчезать совершенно неожиданно, незаметно и необъяснимо — Сорокин-младший прославился еще с самого раннего детства, а точнее — с пятилетнего возраста. Тогда он исчез в первый раз. Мама шла с ним в магазин и крепко держала Валерку за руку. И вдруг обнаружила, что ее рука свободна, а Сорокина-младшего нигде поблизости не видно. Она обошла все соседние магазины, расспрашивала встречных, заявила в милицию, а когда, наконец, вся в слезах, вернулась домой, Сорокин-младший уже преспокойно ждал ее дома. На вопрос, где он был, он ответил: «В кино». И хотя было полнейшей загадкой, как он сумел попасть в кино без взрослых, без билета, без денег, все же факт оставался фактом, он даже рассказывал содержание фильма.

Исчезнуть с уроков в школе Сорокину ничего не стоило. В первом классе, например, он

просто вставал и выходил из класса, когда считал нужным, пользуясь рассеянностью учительницы. Правда, когда ему пробовали подражать другие первоклассники, им это почему-то не удавалось. Значит, был у него все-таки особый талант, умение выбрать момент. Став старше, он не утратил этого таланта, а стал только изобретательнее.

Больше всего учителей сердило, что Сорокин даже не обещал исправиться. Другой чуть что: «Больше не буду». А Сорокин молчит. А спросят его, зачем вытворяет он свои проделки — только пожмет плечами. И сам, оказывается, не знает зачем. На спор, храбрость проверить, а то и просто так. Сначала сделает, а потом подумает — зачем?

Вот такой человек был Сорокин-младший.

...К тому времени, когда Сорокин-старший вышел из комнаты для приезжих, чтобы отыскать своего младшего брата и объяснить ему,

как полагается вести себя в гостях у военных, Валерка был уже довольно далеко.

Сначала он без особого интереса прошел мимо четырехэтажной казармы, мимо солдатского магазина и мимо столовой. Потом немного постоял, разглядывая плакаты. На плакатах были изображены солдаты, марширующие строевым шагом. Как на параде.

Потом Валерка отправился дальше по аллее среди кустов и встретил собаку. Собака была рыжей и приветливой. Она бросилась к Валерке так радостно, словно узнала своего хозяина после долгой разлуки. На чистенькой Валеркиной рубашке остались следы грязных лап, но это не испортило настроения Сорокину-младшему.

В самом лучшем расположении духа он двинулся дальше. Мысль о том, что ждет его за это путешествие, без разрешения взрослых, еще не успела прийти ему в голову. Солдаты, которых он встречал, спешили по своим солдатским делам, и никто не обращал на него особого внимания. В военном городке, видно, было немало офицерских детей, и, конечно, солдаты не догадывались, что он вовсе не офицерский сын, а только заезжий гость, брат рядового Сорокина, посторонний человек, к то-

му же удравший гулять по военному городку без всякого позволения старших.

Да и сам он по-прежнему не встречал на своем пути ничего примечательного. Дома как дома. Кусты как кусты. Дороги как дороги. Ни тягачей, грозный рев которых он слышал давеча, ни машин с замысловатыми антеннами, которые видел он мельком из «газика». Наверно, хранят их где-нибудь подальше, и часовые с автоматами днем и ночью стерегут их.

Потом Валерка увидел солдат, занимавшихся физкультурой.

Это было уже поинтереснее. Одни солдаты вертелись на перекладинах, другие прыгали через «коня», а третьи выделяли сложные фигуры на брусьях.

Солдаты были мускулистые и загорелые. Только одному солдату никак не давался прыжок через «коня». Разбежится и перед самым «конем» остановится, разбежится и остановится.

Валерка едва удержался, чтобы не фыркнуть — таким смешным был этот солдат. Разбежался он, шумно дыша и громко топая сапогами, грозный, как надвигающийся паровоз. А затем, вдруг вильнув в сторону, остановившись — не рещался прыгнуть. И смущенно, даже виновато оглядывался на своих товарищей.

На его месте Валерка провалился бы от стыда. Или просто не стал бы делать это упражнение, и все. Лучше, чем так позориться.

Однажды, в третьем классе, его вызвала учительница к доске, а у него никак не получалась задача. Учительница говорила ему: «Попробуй-ка, Сорокин, еще разок... Ну-ка, подумай спокойно, каким еще способом можно решить...» Задача была совсем не сложная, пустяковая задача, и ребята начали посмеиваться над Валеркиной несообразительностью. Тогда он сказал: «Не буду», — и положил мел. «Не буду и все». Конечно, в дневнике у него тотчас же появилась двойка — зато все узнали, какой гордый человек Сорокин.

А у этого солдата, видно, не было гордости ни на грош — он терпеливо выслушивал советы и насмешки товарищей и послушно разбежался снова, и все пытался прыгнуть до тех пор, пока командир наконец не сказал ему:

— Достаточно, Кравчук, на сегодня. Потренируетесь еще вечером в личное время...

Валерка еще немного понаблюдал за другими солдатами, но чутье подсказывало ему, что здесь еще не самое интересное, что сегодня он наверняка увидит еще кое-что.

И Сорокин-младший не ошибся.

Он прошел по дорожке прямо, затем свернул влево, потом снова вправо и тут остановился.

Он увидел людей, похожих то ли на водолазов, то ли на пришельцев из космоса. На людях этих были резиновые противогазные маски с длинными хоботами, желто-коричневые клейкие костюмы и резиновые перчатки. Некоторые держали в руках какие-то приборы. И правда, они словно только что высадились на землю и теперь присматривались к ней.

Тут же, неподалеку, возвышалось какое-то деревянное сооружение, и время от времени эти существа с хоботами отправляли туда обыкновенных солдат в обыкновенных галифе и гимнастерках.

Хотя Сорокин-младший в свои десять лет успел уже прочесть немало фантастических книжек, он, конечно, ни на секунду не поверил, что эти существа в резиновых масках — при-

шельцы с других планет. Он сразу догадался, что это тоже солдаты, только переодетые.

Сорокин-младший сначала на всякий случай скромно постоял в стороне, а потом осмелел и подошел поближе. Ему не терпелось разобратся, чем занимаются эти люди. И приборы их рассмотреть тоже не мешало бы. Кто знает, может быть, ему дадут поддержать такой прибор или пощелкать переключателями! А что, однажды в городе бульдозерист разрешил ему забраться в кабину и подержаться за рычаги, а в другой раз...

Что было в другой раз, Сорокин-младший припомнить не успел, потому что услышал приглушенный, словно доносящийся издали, голос:

— Ты что, пацан, здесь потерял?

Человек, которому принадлежал этот голос, был небольшого роста, самый маленький среди солдат, но так же, как и остальные, в противогазе и прорезиненном комбинезоне.

— Ничего, — сказал Сорокин-младший.

— Ну и чеши отсюда! Видишь — здесь люди работают.

— А вам что — жалко? — сказал Сорокин-младший довольно дерзко. — Посмотреть, что ли, нельзя?

Вот тут он совершил ошибку. Почему-то он никак не предполагал, что этот малорослый человечек может оказаться начальником. За начальника он принял совсем другого — медлительного и сутуловатого солдата.

— Здесь не цирк, чтобы смотреть, — сказал маленький. — Здесь зараженная зона. Понял? Ну, быстро отсюда!

Валерка отступил только на шаг. Зараженная зона! Глупенький он, что ли! Это только так говорится: «зараженная»! А на самом деле никакая не зараженная. Как в военной игре. Говорят — «убитый», а на самом деле этот «убитый» потом еще лишнюю порцию компота просит!..

— Что я сказал? Иди по-хорошему! — повторил маленький человек.

Бывают же такие люди — как привяжутся, так ни за что не отстанут! Жалко ему, что ли, что Валерка здесь стоит? Так нет, заладил: «Иди! Иди!»

Из-за того, что этот человек был в резиновой маске и в особом костюме и смотрел на Валерку через круглые стекла противогазных очков, а сам Валерка стоял перед ним в легкой рубашке, к тому же уже испачканной лапами приветливой рыжей псины, он чувствовал себя как-то неловко, неуверенно. Слово зимой, в мороз выскочил на улицу не одетым и стоит, разговаривает с человеком в шубе.

И все-таки упрямство уже накатило на Сорокина-младшего.

— Где хочу, там и стою! Земля не купленная! — храбро сказал он. Но на всякий случай отступил еще на шаг.

— Ах, не купленная? Сейчас узнаешь — купленная или не купленная!

И маленький человек что-то быстро сказал своим товарищам, кивнув на Валерку.

В следующий момент солдаты стремительно подскочили к Сорокину-младшему и подхватили его под мышки.

— Пустите! Пустите! — закричал Сорокин-младший.

Он дрыгал ногами, извивался всем телом, пытался вырваться, но где ему было справиться с двумя солдатами!

Солдаты приволокли его за деревянную загородку и — тут уж Сорокин-младший перепугался по-настоящему — начали стягивать с него рубашку.

— Пустите! Пустите! — закричал он еще громче. — Не имеете права!

Почему-то он подумал, что сейчас ему будут делать укол.

— Ну что, испугался? Не будешь больше?

Откуда было знать солдатам, что труднее всего выдать из Сорокина-младшего эти слова: «Больше не буду»? И хотя Валерке сейчас приходилось несладко, он и тут остался верен себе.

Кроме того, он уже успел осмотреться — увидел солдатские гимнастерки, лежащие на скамейках, услышал за перегородкой плеск воды и решил, что уколов не будет.

— Раздевайся! — приказал сутулый длиннорукий солдат, и стекла его противогазных очков грозно блеснули.

Сорокину-младшему ничего не оставалось, как послушно и быстренько раздеться.

Через минуту он уже оказался под прохладным душем. Душ был сильный, колочий — струйки воды жестко колотили Сорокина-младшего по спине, по плечам и по макушке.

И все же Валерка повеселел. Храбрость вернулась к нему. Он уже видел, что ничего страшного с ним не случится. Чего было бояться! И вообще, советские солдаты должны защищать советских детей. Это каждый знает.

Он уже прикидывал, как станет рассказывать у себя в классе о том, как попал в зараженную зону и как отмывали его потом в душе.

Из-под душа он вышел окончательно осмелевшим. Он хотел было сунуться обратно, туда, где раздевался, но красная стрелка, приколоченная к стене, показывала, что выходить нужно в противоположную сторону. Туда он и направился.

Солдат — уже самый обыкновенный, в обычной солдатской форме, протянул ему короткое вафельное полотенце и трусы. Трусы

были широченные, старые, давно потерявшие свой синий цвет.

— Это не мои, — весело сказал Сорокин-младший. И даже хихикнул. Наверно, пять таких Сорокиных можно было поместить в эти огромные трусы.

— А твои мы сожгли, — равнодушно сказал солдат.

— Как сожгли?!

— Очень просто. Как положено. Зараженное обмундирование.

Он говорил по-прежнему спокойно, равнодушно, без улыбки, но все-таки у Валерки еще оставалась надежда, что он шутит. В другой бы раз он обрадовался, что его одежду назвали обмундированием, но теперь было не до смеха.

— Да-а... сожгли... — протянул он. — У меня там еще рубашка была... Новенькая... И штаны...

— И штаны сожгли, — сказал солдат.

Он отвернулся и принялся считать полотенца.

— А как же я? — все еще не веря в то, что произошло, спросил Сорокин-младший дрогнувшим голосом.

Солдат продолжал считать полотенца. Он только молча пожал плечами.

Потом оторвался от своих полотенца и сказал:

— А так и шпарь... Только не забудь трусы придерживать.

Валерка представил себя, бегущего по военному городку в этих широченных, выцветших, развевающихся трусах, и чуть не заплакал.

Все было так хорошо, так здорово, так весело — и на тебе! Что же делать?

Он надел трусы. Ну, пятерых не пятерых, но троих Сорокиных в них вполне можно было всунуть.

Валерка опустил на деревянную скамейку и сидел так, не шевелясь, притихнув от горя.

Он и не подозревал, что как раз в этот момент там, за деревянной перегородкой, всего в нескольких метрах от него прошагал его старший брат.

Сорокин-старший обошел уже добрую половину военного городка.

«Уж я ему покажу! — повторял он про себя. — Я ему покажу!»

Если бы он догадывался, в каком плачевном положении находится сейчас его младший брат, наверняка он пожалел бы его и пришел ему на выручку. Еще утверждают, что существует какая-то телепатия, передача мыслей на расстояние! Да разве, если бы существовала эта самая телепатия, мог бы Сорокин-старший пройти мимо и не почувствовать, что его младший брат сидит, печальный и полуголый, всего в нескольких шагах от него! А он про-

шел и не почувствовал. И уж если родному брату ничего не подсказало сердце, то на чью же еще помощь мог теперь рассчитывать Валерка?!

Выходит, ничего не оставалось ему, как мчаться в солдатских трусах через весь военный городок мимо казармы и мимо столовой, мимо солдатского магазина. И все наверняка будут спрашивать: «Кто это мчится в таких чудовищных трусах?» И кто-нибудь ответит: «Это брат рядового Сорокина!» Валерка представил себе, какой это длинный путь, и еще представил, как явится он в таком виде перед замполитом, перед старшим лейтенантом Кудрявцевым! Он даже зажмурился и головой замотал, как от зубной боли.

— Ну что — допрыгался? — услышал он.

Это был тот самый маленький солдат, который приказал тащить Валерку под душ. Только сейчас он появился уже без противогаза и без защитного костюма, и теперь Валерка увидел три нашивки на его погонах — сержант!

У сержанта оказалось кирпично-красное от загара лицо и рыжеватые брови.

— Допрыгался, говорю? Ты чей будешь?

Сорокину совсем не хотелось разговаривать с этим человеком, но попробуй тут не поразговаривай, когда даже подняться на ноги не можешь, не придерживая одной рукой трусы!

— Я — Сорокин, — хмуро сказал он.

— Ах, ты еще и обманщик! — сердито сказал сержант. — Испугался, что родителям доложу? Признавайся, как твоя фамилия!

— Сорокин, — обиженно повторил Сорокин.

— Ну, вот что, друг, — сказал сержант, — ты мне не заливай, я тут второй год служу, всех офицеров знаю, нет у нас такого — Сорокина...

— А я не офицерский, — сказал Сорокин, пошмыгивая носом, — я к брату приехал... К рядовому Сорокину.

И тут он заметил, что сержант несколько смутился. И как это нередко бывает со взрослыми, от смущения рассердился еще больше.

— Видишь ведь, что люди делом заняты. Серьезным делом. Может быть, даже самым серьезным, серьезнее не бывает. Слышал небось, что такое химическая разведка? Учатся люди, тренируются... Зачем мешать? Под руки зачем лезть? Чтобы этого больше никогда не было! Понял? Щавелев! — крикнул он. — Принеси-ка хлопцу обмундирование!

Появился сутулый Щавелев, и — о чудо! — у него в руках Сорокин-младший увидел свою рубашку и свои штаны. Какая это была замечательная рубашка и какие замечательные штаны! Ни у кого никогда не было рубашки и штанов замечательнее!

Одеваться Сорокина не пришлось уговаривать. Он очень вежливо попрощался с солдатами и вылетел на улицу. И тут сразу же попал в объятия Сорокина-старшего. Сорокин-старший как раз возвращался после бесплодных поисков.

Какие именно слова он произнес, увидев своего брата, пожалуй, не стоит рассказывать. Об этом нетрудно догадаться. Но все равно Сорокин-младший был счастлив.

5. Что сказала мама

— Какой стыд! Какой стыд! — сказала мама братьев Сорокиных. — Неужели мы для того ехали сюда тысячу двести километров, чтобы моего сына, как поросенка, мыли под душем?! И чтобы потом он сидел полуголый, как какой-нибудь арестант! И позорил бы нашу семью на весь гарнизон! Какой стыд! Какой стыд!..

Мама братьев Сорокиных так расстроилась, что хотела немедленно отправиться обратно домой, но потом все-таки передумала и осталась.

— Только смотри — от меня ни шагу! — строго сказала она Сорокину-младшему.

Они поселились в гостинице неподалеку от военного городка. И хотя гостиница тоже была военная и там жили военные люди, Валерка понял, что теперь путь в военный городок для него закрыт. Одно дело въехать туда на «газике» вместе с замполитом роты, в которой служит твой брат, а другое — явиться самому.

И теперь в первый раз Сорокин всерьез пожалел о своем поступке: не случись всей этой истории, может быть, их поселили бы и в самом военном городке, кто знает...

— Ты бы хоть о своем брате подумал, — еще сказала мама, — каково ему теперь перед командирами?..

Окончание следует

ОТВЕЧАЕМ НА ТВОЙ ВОПРОС

У нас в классе очень недружные ребята. Девочки ссорятся с мальчиками, ссорятся и между собой...

*Катя Лукьянова,
Читинская обл.*

К нам в класс пришла новенькая. И вскоре стала дружить с моей подругой. А со мной они не дружат и даже не разговаривают...

*Ира Спиридонова,
Башкирская АССР*

Пишут вам три подруги. Не скажем, в каком классе учимся, не назовем имени своего, потому что не хотим, чтобы над нами еще больше смеялись... А смеются над нами потому, что у каждой из нас есть друг-мальчишка. Нам кажется, что остальные не понимают, что такое дружба...

А. Г., О. Б., Г. С., Ярославль

...Долго просидел я над этими письмами. Все думал, как ответить девочкам, чтобы прошли их обиды друг на друга. Думал, думал и решил: напишу, как было у нас, в мои школьные годы... Конечно, время было другое и жизнь складывалась по-другому, а все-таки...

Помню, наш шестой класс был не очень дружным. Мальчишки ввели свою компанию, девчонки дружили сами по себе. И, конечно же, частенько мальчишки обижали девочек. То за косу дернут, то бант чернилами вымажут, то на перемене подножку подставят. Всякое бывало. Но вот пришел к нам новый руководитель — географ Александр Фотиевич. Вся школа давным-давно сокращенно звала его Аль Фотом.

Аль Фот был человеком строгим. Посмотрел он на нас и решил переделать весь класс по-новому.

Получилось, что каждый мальчишка оказался на одной парте с девочкой. Хочешь не хочешь — сиди. Аль Фот добавил шутиливо:

— Каждый мужчина рядом с дамой должен стать рыцарем... А это не просто — быть рыцарем...

С Аль Фотом никто не спорил. Его хоть и побаивались, но любили.

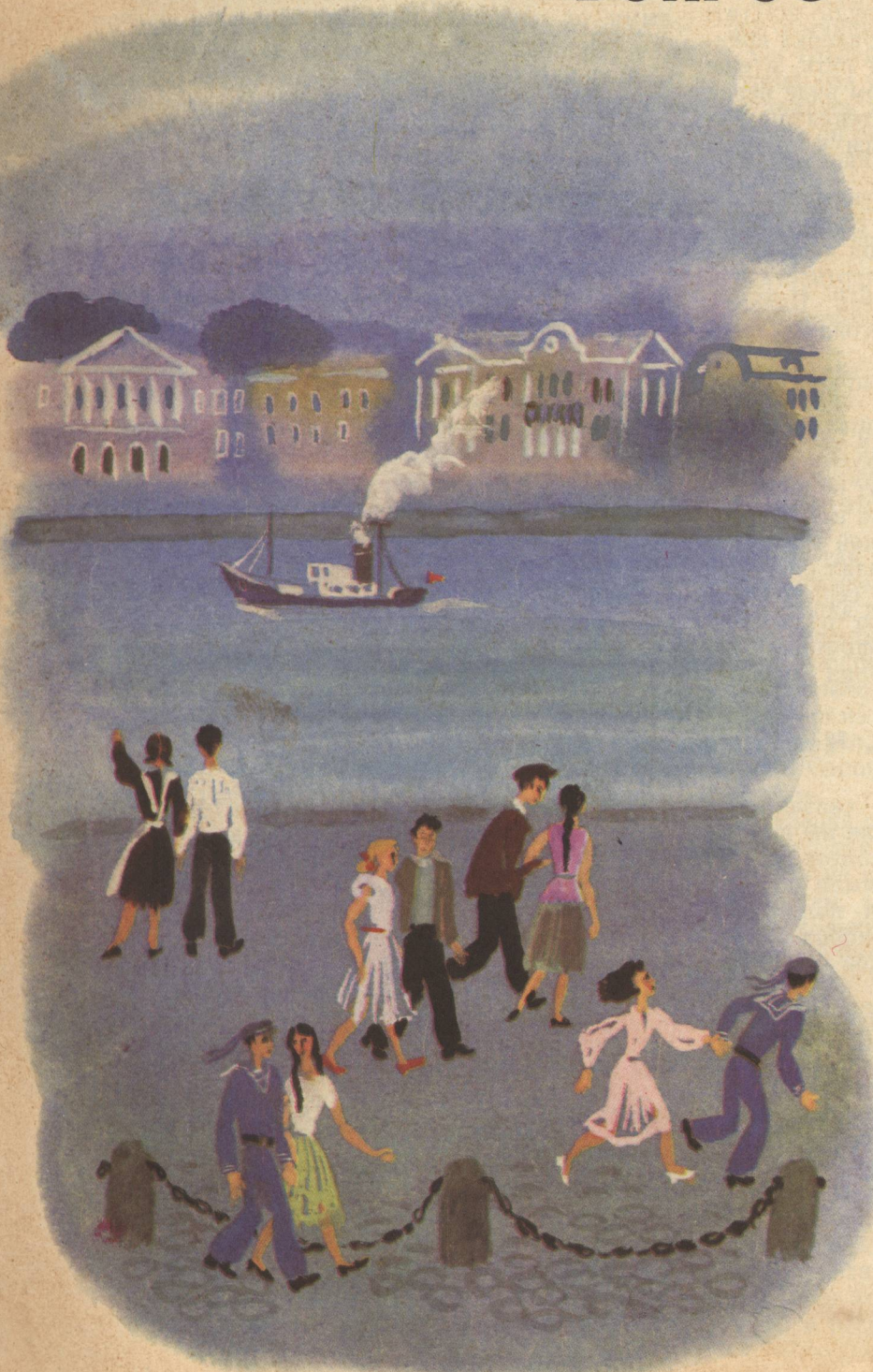
Помню, посадили меня на одну парту с Томкой Ивановой. Сел я рядом с ней очень неохотно. А многие мне завидовали...

Томка ведь была красавицей, влюблялись в нее поголовно все мальчишки, даже старшеклассники.

Каждый день поджидали ее после уроков, чтобы проводить до дому, в парту записочки подбрасывали, в кино приглашали...

В первый же день я ей сказал:

— Мусор от этих записок да и только...

Она улыбнулась:

— А ты и следи, чтобы чисто было, рви их не разворачивая...

Тамара была девчонкой гордой. Словно не замечала, как на переменах вертелись возле нее мальчишки, демонстрируя свое «геройство»: затевали драки, фокусы разные выделывали, чуть ли не на голове ходили...

А мне нравилась совсем другая девчонка...

С Томкой, соседкой по парте, мы не ссорились. Мирно делились карандашами, резинками, промокашками. И как-то так случилось, что совсем незаметно стали мы друг другу помогать.

Перед уроками торопливо повторяли заданное, вместе решали задачи, вместе учили стихи.

Когда дежурили по классу, я старался сделать работу потруднее: открыть форточку, вымыть доску.

Однажды Тамара заметила, что на моей потертой вельветовой курточке пуговица на волоске висит:

— Эх, ты! Давай пришью...—Взглянула на мои брюки и тихо добавила: — Брюки погладил бы, рыцарь...

Мне стало стыдно. Неожиданно для мамы и для самого себя я стал старательно гладить брюки перед школой, начищать до блеска ботинки, аккуратно повязывать пионерский галстук и даже причесываться.

Я чинил замки на портфеле Томки, затачивал ей карандаши и, чего греха таить, чертил для нее замысловатые орнаменты, которые обожал наш учитель черчения.

Иногда Томка просила:

— Проводи до дома, мальчишки надоели...

И я провожал ее до дома. А в стороне шагали мальчишки, готовые поколотить меня. А я почему-то их не боялся.

Аль Фот мудро пересадил весь класс: мальчишки как-то повзрослели, стали следить за своей внешностью, за прическами, да и девочек почти не обижали...

Аль Фот заставил нас полюбить географию. Мы зачитывались приключениями. Наверное, поэтому половина мальчишек нашего класса ушла в Военно-морскую специальную школу. Ушел в спецшколу и я...

Случилось это давно. Мы тогда не знали, что всего через год грянет Великая Отечественная, что мы встретим ее «салажатами» — мальчишками в военно-морской форме.

А тогда... Тогда мы гордились своей формой: медная бляха сияла как зеркало, похрустывал новенький кожаный ремень, солидно поскрипывали ботинки...

Нам завидовали все мальчишки, девчонки оглядывались нам вслед.

Мы пришли в школу все вместе, на последний урок, на географию. Выстроились перед дверью в коридоре и самый смелый, постучавшись и приложив руку к бескозырке, вежливо спросил Аль Фота:

— Разрешите присутствовать на уроке?

Помню, Аль Фот поднялся из-за стола, руки по швам вытянул и сказал серьезно:

— Разрешаю! Только не шуметь! Мы тихоно прошли в класс.

Я подошел к своей парте. Рядом с Томкой сидел Борис Брагин — долговязый мальчишка, как видно, влюбленный в Томку.

Я подошел к своей парте... Томка толкнула под локоть Борьку:

— Встань! Это его место...

Борька без возражений перешел на последнюю парту. А я снова сидел рядом с Томкой, в последний раз...

Аль Фот вел урок, но мы его плохо слушали. Томка написала на промокашке: «Тебе очень идет форма». И потрогала красную звездочку на рукаве суконной форменки.

Потом мы танцевали на школьном вечере, потом всем классом ходили в кино...

И девчонки шли рядом с нами, гордые, улыбающиеся...

А потом началась война. Мы даже не успели сдать всех экзаменов. Нам было по 15—16 лет...

Я помню затемненный ночной город, лучи прожекторов в черном небе, узкие бумажные полоски на окнах. Помню ночные дежурства на крышах, ящики с песком, бочки с водой.

И опять прошло немало лет. Жизнь раскидала нас по всему свету, и мы словно бы забыли друг друга...

Но когда мне бывает грустно, я снова вспоминаю далекое детство, школу, Аль Фота — мудрого и доброго человека.

Я вспоминаю его слова:

— Девочку не надо обижать, она твой товарищ. Она слабее, помоги ей — ты же мужчина, ты же рыцарь!

Я вспоминаю свою парту, на которой когда-то я вырезал силуэт крейсера.

Вспоминаю все-все, до мельчайших подробностей. Вспоминаю нашу дружбу, которая помогла нам повзрослеть и стать людьми.

М. Мамедов

Рисунок А. Коковкина

Знаете, чей это портрет? Это портрет известного писателя Юрия Яковлевича Яковлева, автора многих книг для детей и не только для детей.

Юные читатели «Костра» помнят его повесть-сказку «Лев ушел из дома» — она печаталась в нашем журнале в 1970 году. А те, кто постарше, помнят, наверно, что Юрий Яковлев печатался в «Костре» уже давно — с 1958 года.

26 июня Юрию Яковлевичу исполняется пятьдесят лет. Поздравляем его с юбилеем и надеемся, что скоро сможем познакомить наших читателей с его новым произведением.

Маленький Геринг и Большая Димитрова

Тридцать девять лет назад в немецком городе Лейпциге фашисты судили коммунистов.

Их обвиняли в чудовищном, бессмысленном злодеянии — поджоге здания Имперского государственного совета, рейхстага.

Всем, в том числе и судьям, было ясно, что ничего коммунисты не поджигали, что Гитлер просто придумал повод, чтобы объявить компартию вне закона и тем самым окончательно проложить себе дорогу к господству.

Но процесс тем не ме-

нее шел, пышно, торжественно, якобы по всем правилам, с радиотрансляцией речи прокурора, с толчеей фотографов в зале.

В те дни выдающийся журналист, художник и фотомонтажер, тельмановец Джон Гартфильд создал одну из своих лучших работ.

На стол Гартфильда легли снимки, сделанные в зале суда. На одном из них давал показания обвиняемый Георгий Димитров из Болгарии; на другом давал показания рейхсминистр Герман Геринг.

Геринг был вызван в качестве свидетеля. Но держался так, будто он — самый главный обвинитель. Стоял, подбоченясь, и сыпал бранью и угрозами.

Гартфильд вырезал по контуру фигуру рейхсминистра и наклеил ее на портрет Димитрова. Геринг стал сразу выглядеть крошечным и жалким.

У Геринга в те дни была в руках почти безграничная власть, а Димитрова привозили на суд в наручниках. Фашисты торжествовали, праздновали победу, а героям-

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОЛГАРСКОГО КОММУНИСТА, ДЕЯТЕЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА

Георгий Димитров родился 18 июня 1882 года в болгарском селе Ковачевцы.

В двадцать лет стал членом Болгарской рабочей социал-демократической партии.

1921 год. Послан в Москву на Конгресс Коминтерна. Встречался с В. И. Лениным.

1923 год. Георгий Димитров и Василь Коларов возглавили Сентябрьское вооруженное восстание против фашистского правительства. Это восстание закончилось поражением в неравной борьбе. Димитрову пришлось уехать в Германию.

1933 год. Фашисты лживо обвинили Димитрова и других коммунистов в поджоге рейхстага (парламента). В Лейпциге начался суд, но фашисты потерпели провал.

1934 год. Правительство СССР приняло Димитрова в советское гражданство.

В СССР Димитров работал в Коминтерне. В 1937 году его избрали в Верховный Совет СССР.

1946 год. Димитров возвращается в Болгарию, возглавляет Болгарскую коммунистическую партию.

В 1949 году Георгия Димитрова не стало.

коммунистам грозила смертная казнь.

И все-таки Гартфильд выбрал для своего нового плаката правильный, точный масштаб. Как бы ни были сильны фашисты, как бы ни было еще далеко до другого, Нюрнбергского процесса, гитлеризм неминуемо должен был потерпеть крах.

Димитров возвышается над Герингом, как гора.

— Я запрещаю вам заниматься в зале суда коммунистической пропагандой! — орет Геринг.

— А почему же вы занимаетесь здесь национал-социалистиче с к о й

Наш корреспондент Эльвира Дурыгина позвонила в столицу Болгарии Софию и побеседовала с журналистом и писателем Тодором Геновым, который в дни Лейпцигского процесса возглавлял Национальный комитет защиты жертв фашизма.

Вот что рассказал Тодор Генов:

— Когда фашисты в Германии судили Димитрова, в Болгарии у власти тоже стояли фашисты. Коммунистическая партия была в подполье, но нам, коммунистам, все же удавалось издавать антифашистскую газету «Вик». По заданию партии я редактировал эту газету и официально числился ее владельцем.

То была моя дневная работа. По ночам я сидел в каком-нибудь глухом подвальчике у радиоприемника. Я записывал сообщения иностранных радиостанций. А товарищи мои, которые работали в Болгарском телеграфном агентстве, добывали сведения из секретных информационных бюллетеней. Так читатели нашей газеты узнавали правду о многих событиях. Узнали они и о Лейпцигском процессе.

На последнем заседании суда Георгий Димитров произнес заключительную речь. Он открыто говорил о том, кто такие фашисты. И он боролся с ними: «Я защищаю свои коммунистические убеждения. Я защищаю смысл и содержание своей жизни».

Текст этой речи я показал своим товарищам. У всех появилось одно-единственное желание: речь Димитрова должен прочесть каждый болгарин. Пусть все знают правду. Пусть знают, что творят фашисты и почему коммунисты борются против них.

Но как же речь напечатать? Как обмануть полицию и владельца типографии?

Часто бывало так, что полиция запрещала номер нашей газеты, если ей удавалось понять

смысл некоторых материалов. Тогда по договору с владельцем типографии мы могли печатать второй выпуск.

И как раз в тот день номер нашей газеты был конфискован! Этим я и предложил воспользоваться. Только вместо газеты напечатать брошюру с речью Димитрова.

Мои товарищи согласились.

— Господин директор, — сказал я, придя к хозяину типографии, в которой печаталась наша газета, — нам придется работать ночью, готовить второй выпуск газеты.

Как всегда в таких случаях, директор закричал на меня:

— Вы меня по миру пустите своими сверхурочными работами!

Но я знал, чем его успокоить:

— Мы заплатим дополнительно.

Уговаривать наборщиков не пришлось. Они сразу поняли, какое важное и опасное дело мы затеяли.

За ночь брошюра была напечатана. Даже портрет Георгия Димитрова поместили на обложке! Это была уже неслыханная дерзость. Мне грозила тюрьма.

Готовые книжки быстро сложили в пакеты по пятьдесят экземпляров. И ночью же по пустынным софийским улицам разнесли в киоски, отправили с ночными поездами в провинцию.

Наутро полиция захватила в редакции лишь сто экземпляров, которые мы специально для нее оставили. А в это время речь Димитрова уже читала вся Болгария. Мне удалось ускользнуть из рук полиции и перейти на нелегальное положение.

пропагандой? — спрашивает Димитров.

— Ваша партия — кучка злодеев и отщепенцев!

— А известно ли свидетелю, что на одной шестой земного шара эта партия главенствует, стоит у руководства государством, с которым у Германии есть дипломатические отношения?

— Пусть только вас оправдают! Я доберусь до вас, как только выйдете из суда! — визжит Геринг.

— Я солдат коммунизма. Коммунизм — дело моей жизни, — отвечает Димитров.

ЗАЖИГАЛКА

М. Демиденко

РАССКАЗ

Рисунки Н. Кустова

Я бывал здесь мальчишкой в сорок третьем... Приходил сюда из разбитого войной Воронежа, нес за тридцать шесть километров два магнето, снятых со сбитых самолетов.

Около Воронежа было самолетное кладбище. На него свезли останки множества немецких боевых машин. В кабинах удавалось найти неисправные приемники, в крыльях — скорострельные крупнокалиберные пулеметы. Мы снимали сидения, обтянутые бесценной в то время кожей, выкручивали всевозможные моторчики, которые даже не сняты теперь юным авиамоделистам. Но самым желанным трофеем были магнето. Определенной марки, с определенного типа самолетов. Но ставились такие и на танках, и на гусеничных тракторах.

Ученик, регулярно посещавший школу, получал в 43-м году иждивенческую карточку, по которой каждый день выдавали четыреста граммов хлеба, независимо от того, какой у тебя аппетит. Четыреста граммов и все!

Шла война. Страна строго контролировала свои ресурсы. А хлеб, как известно, самый важный продукт. Когда его много, кажется, что без него можно обойтись, но когда тебе каждый день дают четыреста граммов, то оказывается, норма такая маленькая, что получишь ее — и тут же в магазине и проглотишь, как леденец.

Отцы наши воевали на фронтах, у многих отцы погибли, наши матери работали на восстановлении города, мы были предоставлены сами себе и целыми днями шныряли по развалинам, стремясь раздобыть где-нибудь что-нибудь, затем продать и купить на рынке хотя

бы две картофельные лепешки. Одну съесть, а другую принести домой, братишкам и сестренкам. И, конечно, самой большой мечтой было купить кусок хлеба, чтобы, когда поздно вечером вернется домой с работы мама, дать ей ломтик.

С дровами было плохо. Мы искали обгоревшие деревянные балки в развалинах. Ими топили самодельные печи. Кое-как обходились. Вот только электричества не было. Освещались коптилками, сделанными из гильз снарядов.

Мы мечтали об электричестве — надоела темень на улицах. Мы знали, что без тока не побежит трамвай, не заговорит радио, не включишь электроплитку... Но электростанции в нашем городе были взорваны.

Спичек тоже не водилось. Высекали огонь кресалом. Кто помнит войну, знает, что курящие носили с собой патронную гильзу, в ней прятали ватный фитиль, чтобы не сбить пепла. Прежде чем закурить, человек доставал фитиль, прилаживал его на кремне и бил кресалом — куском напильника. Высекалась искра, она попадала на фитиль, и вата тлела. От нее и прикуривали. Если хотели разжечь печь, прикладывали к огоньку стружку, лоскутки бересты... Еще можно было добывать огонь от магнето — очень удобно. Взял тряпочку, обмакнул в бензин, приладил проволочку от магнето, на штиф «зажигательной машины» накрутил ремень, штиф закрутился — между проволочкой и корпусом магнето с треском проскакивал сноп искр. Бензин вспыхивал... Быстро. Удобно.

Я нес два магнето, снятых со сбитых само-

летов, вдоль левого берега Дона. Потом перешел на правый и очутился в деревне Голышевка. Странное название. Но деревня действительно была голой. Ее фашисты дотла сожгли. Жили люди в землянках.

Меня привели к председателю колхоза — усталой женщине в немецкой трофейной шинели. На ногах у нее были валенки в чунях из автопокрышек. Она посмотрела на меня усталыми воспаленными глазами и спросила.

— Чего принес, купец?

Неожиданно в землянку спустился парнишка моего возраста. В такой же телогрейке, как у меня, в таких же кирзовых сапогах и солдатском треухе без тесемок. Наушники были завернуты внутрь, отчего шапка казалась раздутой.

— Иван Иваныч, — сказала председатель, — будь ласков, посмотри механизмы, годны чи нет? Они тебе треба?

Парень нежно притронулся к машинкам.

Я вынул из мешка две машинки, поставил в ряд и замер.

— Боже мой! — восторженно воскликнула женщина. — Магнето! Исправное? Ой, как они нам нужны! Ой, какой молодец, что принес. Да теперь, бабы... Зинка, — крикнула она, — зови механика, Иван Иваныча! Нехай придет, нехай посмотрит... Скажи, что целых две штуки.

— Они! — сказал он важно, как и должен был говорить главный механик.

Я глядел на него с усмешкой — тоже мне, нашли Иван Иваныча. Пацан и есть пацан.

Потом он посмотрел на меня как-то странно, вроде бы со злостью, и спросил:

— Чего хочешь?

— Полмешка пшеницы за штуку, — сказал

я, чувствуя, что продешевил. Но больше я не просил, потому что тридцать шесть километров до Воронежа мешок придется нести на себе.

В землянке стало тихо. Парнишка отвел глаза в сторону. Председатель закашлялась от глубокой затыжки самосада.

— Правление, что ж будем делать? — спросила она растерянно.

— Хотя бы одну! — сказали женщины. — Тогда вспашем... Не на себе и не на коровах. В танке-то сил пропасть... Всю землю поднимем.

Оказывается, в деревне был танк. Его подбили в бою, и снарядом снесло башню. Мотор парнишка сумел починить, но сердце мотора, его «электростанцию», чуткую и хрупкую, как всякое сердце, не наладили потому, что магнето в нем вышли из строя. Они от огня потеряли силу и размагнитились.

— Спекулянт! — обругал меня механик и вышел.

Я разозлился... Надулся от гнева и выпалил:

— Сам спекулянт! Не хочешь — не бери. Без вас проживу... Думаешь, просто найти такую ценную вещь? Танков я тебе хоть десять дам. Ты магнето найди, механик!

Я, как настоящий купец, стал укладывать товар в мешок, оскорбленный невежеством покупателей.

— погоди ты, погоди, хлопец! — всполошилась председатель. — Договоримся... Да чего калякать! Да мы... да ты... не сердись.

— Мешок зерна за технику! — не сдавался я.

— Понимаешь, — сказала певуче какая-то женщина. — Пшеницы-то у нас с гулькин нос. Наскребли по горсточке. Первая ведь посевная... Если бы пришел осенью, мы тебе по мешку бы дали, по два, а сейчас... Все фашист унес. Начисто выгреб.

— Не врите, — не поверил я, потому что был истинным горожанином и был уверен, что деревенские — хитрые, жадные и разве только в масле не катаются.

— Це правда, — сказала председатель. — Ты-то в городе четыреста граммов получаешь, а мы... От картошки у детей животы пухнут.

— Так я вам и поверил, — сказал я, не сомневаясь, что меня хотят обвести вокруг пальца.

— Как тебя зовут? — спросила председатель.

— Михаил...

— Отчество?

— Иванович.

— Не веришь — пошли, Михаил Иванович, поглядишь. Поглядишь все наши запасы.

Мы пошли по деревне, вернее, по улице, так как домов не было. Мне показали склад. И три мешка семян, которые собрали в каждой семье по горсточке.

Я им отдал магнето... Иначе не мог. Иван Иванович взял их, засмеялся и побежал к танку. Долго возился в моторе, потом вылез, поглядел сурово на женщин и ребятишек, собравшихся со всей деревни, вздохнул и нырнул в машину.

Мотор долго не заводился, наконец заревел, танк дрогнул и пошел... Пошел! Пошел! Прямо в поле. И женщины и ребятишки побежали за ним. Они что-то кричали невообразимое. И прыгали, и плясали. И я бежал вместе с ними. Я тоже орал. Ребятишки облепили танк. Как десант. Лезли внутрь. Радостные, чумазые.

Я ушел незаметно. На душе скреблись кошки. Я ничего не нес в город. Даже мерзлой картошки. Сладкой, как яблоки.

И когда я переходил по льду на левый берег, я услышал, как кто-то зовет меня... Следом бежал механик.

— Эй, Мишка! Стой! — кричал он. — Стой, те говорят!

Я встал.

— Чего тебе? — спросил я, глядя под ноги.

Парнишка подбежал. Он запыхался, ватник у него был распахнут.

— Держи! Бери на память.

Он протянул зажигалку. Красивую! Изумительно красивую зажигалку. С красными разводами из плексигласа.

— Бери... Тоже огонь дает.

И он по-приятельски стукнул меня по плечу.

ЛЕГЧИК-ИСПЫТАТЕЛЬ

Николай Евстифеев

Рисунки А. Гетманского

1.

На портретах он выглядит строже,
дома прост — не герой, не власть.
Шутит: «Ангел в полете тоже
может чертом с небес упасть...»

Было все! И терял управление.
И на брюхо сажал самолет.
И горел он. Но тем не менее
верить в небо не перестает.

Он, сидящий в пилотском кресле,
в марсианский костюм одет,
снова первенца в небе «крестит»,
оставляя летучий след...

Люди, вас окрыляет гений,
в небо рветесь вы как домой.
И не верится, что с падений
начинался полет по прямой!

2.

Полковник знал: профессия такая
гарантий долголетия не дает.
Но, скептиков при случае ругая,
опять садился в новый самолет.

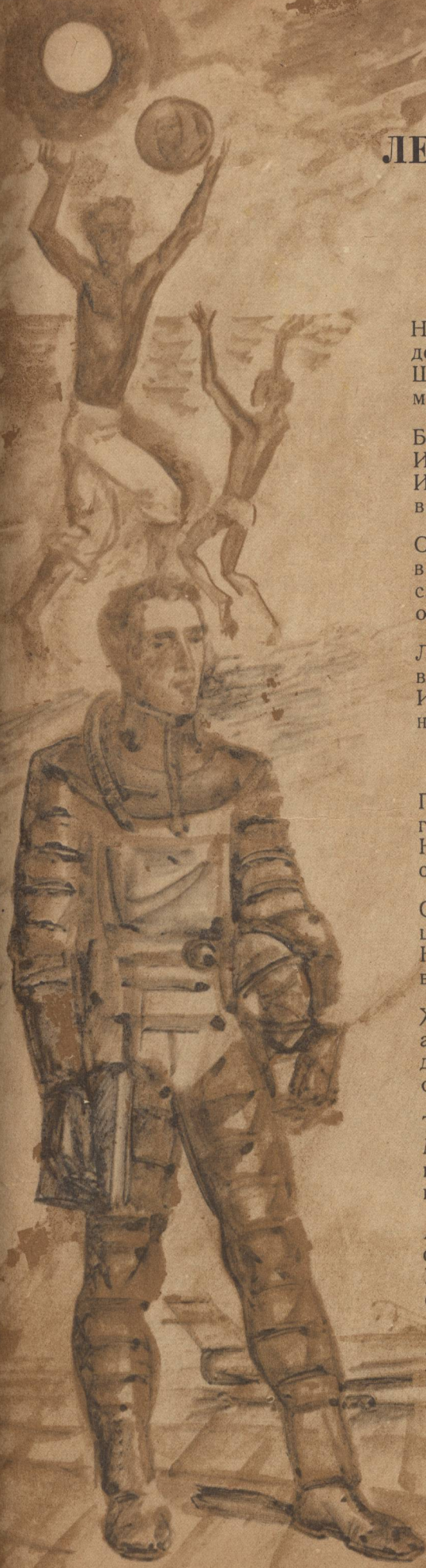
Он сверху видел, как земля красива,
щитом от бед служило ей крыло.
Но мир перевернулся! Силой взрыва
весь городок однажды потрясло.

Жена пилота ничего не знала,
а там, где лес пожарищем пропах,
друзья и два суровых генерала
оцепенели с шапками в руках...

Так без войны погиб отец Сережин.
Могильный холм украсили цветы
и тот металл, который искорежен,
но помнит холод вечной высоты.

А сын упорно делает модели,
фуражку носит с «птичкой», как пилот.
И мама часто плачет: «Неужели
еще одно несчастье растет?..»

Они едины — боль и радость эти!
Жизнь требует: «Крылатый, так лети!
Отцы уходят, но приходят дети
во имя продолжения пути.

Товарищ Саркис и его отряд

Владимир Арро

Я расскажу тебе про то, какой есть отряд в городе Ереване и какой у него вожатый.

Если выстроить этот отряд на линейку, то он растянется на полкилометра, в строю будет тысяча сто шестьдесят человек. (Только не думай, пожалуйста, что я преувеличиваю). На правом фланге окажутся: академики, депутаты Верховного Совета, народные артисты, писатели, директора заводов, знаменитые спортсмены, художники, врачи, учителя, инженеры — цвет Армянской республики. Они придут сюда со своими детьми и внуками, потому что те тоже считают себя членами этого отряда. В середине строя будут стоять старшеклассники и студенты. А на левом фланге выстроятся сорок пионеров из школы имени Максима Горького, из шестого «в».

Двадцати пяти человек в строю не окажется, их убили на войне.

Перед строем отряда будет стоять пионервожатый. Шестиклассники, отдавая рапорт, назовут его — товарищ Мнаканян (в Армении учителей и вожатых называют по фамилии), а для людей пожилого возраста он, как и прежде, товарищ Саркис. Сам он всех без различия называет по имени. На призыв своего вожатого все взметнут руки над головой и скажут: всегда готовы!

...Такой линейки пока еще не было, зато каждый год бывает общий отрядный сбор. Но, вероятно, в недалеком будущем и линейка состоится на площади Ленина, потому что в 1975 году отряду имени Агаси Ханджяна исполнится пятьдесят лет. А вожатый, товарищ Саркис, в этом отряде с 1931 года.

Невероятно все это, да? Ведь отряд чаще всего живет только пять лет. Уходят ребята в комсомол, и от отряда, если да-

же он был боевой и веселый, остаются только воспоминания. А тут — пятьдесят лет. Да это почти вся история пионерской организации.

Передо мной краткая летопись.

«1925 год. 25 июня при второй типографии Еревана создается пионерский отряд. В честь вновь полученной печатной машины отряду дается наименование «Линотип». В первый пеший поход отряд вышел 15 августа, в тот же день в окрестностях города зажегся первый отрядный костер. 10 октября все пионеры в честь создания отряда посадили по одному дереву в саду типографии».

Это, конечно, для нас с тобой далекое прошлое, седая история, но вот что интересно: мы можем поговорить с теми первыми пионерами, и те деревья они нам, наверное, покажут, и до сих пор над отрядом шефствует типография, и главное, что жив сам отряд.

Как же это ему удалось?

Еще одна выдержка из летописи.

«1930 год. 22 апреля состоялся первый прощальный сбор отряда «Смена смене идет». Старшие пионеры прощались с отрядом, а их место занимали октябрята. Это стало самой красивой и важной традицией отряда, которая повторяется каждые пять лет, в день рождения В. И. Ленина».

Теперь ты понимаешь, в чем весь секрет? Бывших пионеров не забывали, их можно было всегда позвать на помощь, с них брали пример.

Вторая смена провела тайный сбор под названием «О чем я мечтаю». Этот сбор на Всесоюзном конкурсе занял одно из первых мест. В награду отряд получил похвальную грамоту, а вожатый — велосипед.

С тех пор каждое новое поколение, достигнув седьмого класса, начинало готовиться к такому сбору. Пионеры в тайне друг от друга мастерили, репетировали, рисовали, тренировались — готовились рассказать о своей будущей профессии.

— Ну, и сбываются их мечты? — спросил я у Саркиса Михайловича.

— Судите сами, — ответил он. — В первой смене почти все до единого добились того, о чем мечтали. Обычно ко дню прощания с отрядом пионер успел овладеть хотя бы элементами какой-то профессии. В пятом, в шестом классе ребята еще мечутся от одного дела к другому, зато в седьмом почти всегда знают, чего хотят.

Теперь ты понимаешь, почему академики, народные артисты, писатели, спортсмены, художники, врачи, инженеры так нежно, так бережно относятся к своему отряду? Потому что самое главное в их жизни начиналось здесь.

От всех смен в наследство нынешнему отряду остался известный и тебе принцип: один за всех, все за одного. Его не просто провозглашают, он становится личным открытием для каждого в особый момент. В пятый класс (не раньше) приходят бывшие воспитанники отряда и рассказывают, как это у них было.

Вот что обычно вспоминают пионеры четвертой смены.

В разгар войны в Испании все пионеры Советского Союза боролись за право получения знамени пионеров города Барселоны. Завоевать его мог отряд, который получит больше оборонных значков. Ну, и конечно, как всегда, дело решала полная успеваемость.

В эти самые дни с одним пионером — Левиком Садояном произошло несчастье — он обварился кипятком и надолго слег в постель.

С этого дня у отряда появилась новая тимуровская тайна: был организован филиал школы. Преподавателями в ней были все пионеры отряда, а ученик один — Левик. Учителя об этом не знали. Через месяц Левик у позволили встать, но ходить он еще не мог, и ребята на руках понесли его в школу. Был конец четверти. На уроке звеньевой сказал учителю физики:

— Спросите Левика.

— Левика я не спрошу, — ответил учитель, — у него большие пробылы в знаниях. Думаю, что он не будет аттестован.

— Спросите, пожалуйста, — настаивал

звеньевой. Все пионеры требовательно смотрели на учителя, и тот согласился.

— Ну, пусть идет к доске. Иди, Левик.

Садоян встал из-за парты, но остался стоять.

— Видите, он сам не хочет идти, потому что ничего не знает. Зачем зря позориться, правда, Левик?

Но тут к Садояну подошли два пионера и отнесли его к доске на руках. Учитель удивленно смотрел на них.

Первую задачу Левик Садоян решил на отлично. Вторую на отлично. Третью на отлично.

Учитель недоумевал...

Да, так я не досказал, как там получилось со знаменем пионеров города Барселоны. ЦК комсомола присудил его отряду имени Агаси Ханджяна. Оно и сейчас хранится в отрядном музее.

Теперь ты понимаешь, почему академики, народные артисты, писатели, спортсмены, художники, врачи, инженеры, студенты в день общего сбора спешат в пионерский отряд? Потому что все самое лучшее в их жизни и началось здесь, в отряде.

Пятому сменному отряду досталось всего два мирных месяца: от 22 апреля до 22 июня 1941 года. В первый же день войны по пионерской цепочке отряд собрался в парке и дал клятву: всеми силами помогать родине в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В июле они провожали на фронт своих старших товарищей. Ушел на фронт и их вожатый товарищ Саркис. Но перед уходом сказал, что... постарается остаться у них вожатым. И действительно, все четыре года войны товарищ Саркис продолжал руководить отрядом. Каждую неделю пионеры получали с фронта письма.

После войны маршал Баграмян подарил пионерам горн с надписью: «Передовому отряду Армении за оказанную в годы войны помощь семьям воинов Советской Армии».

О войне напоминает всем и бронзовый памятник бывшему воспитаннику отряда дважды Герою Советского Союза Нельсону Степаняну. Нельсон защищал ленинградское небо и погиб в воздушном бою.

Война оставила отряду траурный список двадцати пяти верных защитников Родины.

Теперь ты понимаешь, что еще собирает вместе тех, кто остался в живых? Это — светлая память.

Товарищ Саркис ждал меня во Дворце пионеров. Он сказал буднично:

— Ну, пошли в отряд.

Еще бы ему не говорить буднично: вот уже сорок лет он ходит к своим пионерам два раза в неделю.

— Так часто? — удивился я.

— А что тут такого? — удивился и он. — Ведь я их люблю и они любят меня.

Из его рассказа я понял, что воспитанники отряда не расстаются со своим вожатым всю жизнь. Он знает их родителей и друзей. Он провожает их в комсомол, в институт, на работу, в армию.

— Неужели, — спросил я, — за все это время у вас не было плохих ребят?

— А вы думаете, плохие ребята бывают? По-моему, бывают плохие обстоятельства. Вот послушайте, был у меня один воспитанник, сорвиголова. Из школы хотели выгнать его за всякие проделки, но мне удалось мальчишку отстоять. Во время войны он был командиром батареи. Получил за отвагу три ордена Славы. Сейчас — директор республиканской спортивной школы — Саркис Мартиросян. Вот и задумайтесь: тогда, в те дни, когда из школы выгоняли, был ли он плохим? А вот пример еще более поразительный. Был у нас в отряде один пионер, всем неплох, но получал одни тройки по математике. Мы и так с ним, и этак, ничего хорошего не выходило. Кто он сейчас, как вы думаете? Выдающийся математик, академик Сергей Амбарцумян. Значит, не сумели мы тогда подобрать к нему ключик. А плохих ребят, в этом я убежден, нет.

— Как же вы их воспитываете? — не унимался я.

— Их воспитывает жизнь, я для них на первых порах проводник, поводырь, вожатый. А еще я рассказываю им и знакомлю с бывшими моими пионерами и говорю: будьте как они. Вот и вся моя премудрость.

Но не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Товарищ Саркис тщательно готовится к каждой своей встрече с отрядом. И еще надо знать, кто чем живет, и поэтому часто бывает в семьях. С пионерами ходит в походы, зажигает костры, поет песни, играет в шахматы. Еще не было такого случая, чтобы в назначенный день товарищ Саркис не пришел или опоздал.

Однажды он присутствовал на важном заседании бюро Центрального комитета

компартии Армении. Секретарь вдруг прервал свое выступление.

— Товарищ Мнакацян, — спросил он. — Почему ты все время смотришь на часы? Или то, что я говорю, тебя не интересует?

— Очень интересует. Но меня ждет пионерский отряд. Я могу опоздать.

— Иди, — секретарь кивнул. — Я позвоню, чтобы тебе дали машину.

Свои обязанности вожатого товарищ Саркис совмещает с работой директора Дворца пионеров.

Что же основное?

— Основное, — говорит товарищ Саркис, — Дворец пионеров, главное — отряд.

Теперь уж ты до конца понимаешь, почему собираются вместе, надев красные галстуки, академики, народные артисты, писатели, спортсмены, художники, врачи, инженеры, студенты. У них есть вожатый — товарищ Саркис Мнакацян.

Вот она — десятая пионерская смена! Шестой «в» школы имени Максима Горького.

Красивые, смуглые, глазастые. Все в белоснежных рубашках, в алых галстуках. Прямо праздник, а не отряд.

Встают друг за другом, рассказывают про то, как заслужили первое место в дружине, в районе, в городе. И обычные и необычные это дела. Потому необычные, что делают они их с охотой, с выдумкой, с весельем, с задором.

И уже вырисовываются кое-какие черты их будущего.

Амбарцум играет в сборной футбольной команде.

Армен рисует, пишет маслом. Его работы отмечены на выставках детских рисунков в Болгарии и Франции. На одном из них есть надпись «рисуй так». И подпись — Мартирос Сарьян.

Гаянэ — танцовщица, с шести лет солистка ансамбля. Говорят, что танцует прекрасно.

Нина пишет стихи, Гарине играет на каноне — старинном инструменте, Каэн занимается прыжками в воду. Да мне и не перечислить всего, потому что у каждого есть любимое занятие.

Нет, дело не в том, что это занятие станет делом жизни. Из этих сегодняшних музыкантов, шахматистов, фотографов вырастут и врачи, и учителя, и инженеры, и милиционеры, и рабочие. Будущее этих ребят решается сегодня: это будут интересные, образованные, добрые, беспокойные люди.

Привет от Вернера

РОМАН

Юрий Коринец

Рисунки А. Слепкова

Рот фронт!

И вот мы едем в поезде. Мы едем давно — три дня! И за окном уже не СССР — за окном капиталистическая Германия. Это такая иностранная держава. В общем, все почти такое же, как у нас — деревья, города, дома и деревни, — только управляют всем буржуи. А коммунистов сажают в тюрьму.

Но я-то их не боюсь! И отец тоже не боится. И мама. Потому что мы советские. Советские никого не боятся. А они нас боятся. И меня боятся! Не верите? Сейчас я вам расскажу...

Дело в том, что едем мы в отдельном купе. Мама не любит залезать на верхнюю полку, она спит внизу. А отец и я любим наверху — там удобно лежать и смотреть, как за окном мелькает Германия. Мелькают дома, деревья, повозки, лошади, коровы, собаки, люди... Они мелькают и кружатся, и уходят назад — ближние быстрее, дальние медленнее, горизонт с облаками кружится еле-еле, а солнце днем и луна ночью — едут вместе с нами! Солнце и луна везде одинаковые — куда бы вы ни поехали!

Вот так я лежал и смотрел в окно, смотрел долго-долго, и у меня прямо голова закружилась от этой карусели за окном, и я решил выйти в коридор. В коридоре тоже интересно. Он тянется вдоль всего вагона, с одной стороны — окна, с другой — двери купе. Там ехали разные иностранцы, буржуи, конечно, потому что бедные в таких поездах не ездили. Мы ни с кем из буржуев не разговаривали, хотя едем уже три дня. Нечего нам с ними разговаривать! Мы просто смотрим на них свысока. Это не значит, что надо быть выше ростом. Мой папа, например, маленького роста, а смотрит на них свысока — это значит иметь собственную гор-

Окончание. См. «Костер» №№ 4—5, 1972 г.

дость! Папа прочел мне стихи Маяковского, там так и сказано: «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока!»

Вот я и стоял в коридоре и смотрел на них всех свысока. А иногда и совсем не смотрел.

И тут вдруг ко мне подходит один такой толстый со стеклышком на цепочке. Как он выглядел, я сейчас совершенно не помню, помню только его толстый живот и на этом животе золотую цепочку со стеклышком. Так вот, подходит он ко мне и говорит по-немецки: «Добрый день!» — и улыбается. Он, конечно, принял меня за своего, за маленького немецкого буржуа.

Но я в ответ промолчал. А он опять говорит мне по-немецки: «Почему ты молчишь? Ты невежливый мальчик! Ты должен отвечать, когда к тебе обращается взрослый!» У меня прямо в груди все закипело, и тогда я ему сказал: «Rot Front!» — и поднял вверх правый кулак. Это такое приветствие немецких рабочих, и тут этот живот прямо подпрыгнул на месте! Вот было здорово! Он подпрыгнул на месте и задергался, и закричал: «Was? Was?» — это значит: «Что? Что?» — а я опять повторил: «Rot Front!»

А он тогда взял дрожащей рукой свое стеклышко на цепочке, ловко вставил его в правый глаз — будто фокусник! — и стал смотреть на меня, как одноглазый таракан! Мне даже стало немножко страшно. Но я держался. И тогда он спросил: «Was hast du gesagt? Что ты сказал? Ты знаешь, что ты сказал? Это очень нехорошие слова!»

Тут как раз мимо шел проводник вагона, в форме, тоже немец, и этот буржуй спросил его дрожащим голосом: «Это чей ребенок?» А я не дал проводнику ответить, я сказал сам: «Я большевик! И мой папа большевик! И мама!» Тогда этот буржуй стал совсем красный, рот у него открылся, стеклышко выпало из глаза и повисло на цепочке... А проводник сказал только од-

но слово: «Sowjetunion!» — это значит СССР. И буржуй смылся! А проводник погладил меня по голове и тихо сказал: «Ты хороший мальчик! Смелый!»

Так мы ехали в поезде целых три дня и три ночи, и я все смотрел в окно на бесконечный далекий горизонт, на поля и леса, на синие полосы рек, на мелькавшие за стеклом перроны маленьких станций, на которых мы не останавливались, на шумные вокзалы больших городов, на которых мы долго стояли, и вспоминал Москву, и наш дом, и памятник Воровскому, и Вовку — всех-всех! — и, конечно, Гизи с ее мамой, которых мы видели последними, потому что они, грустные, провожали нас на вокзал... Все это как-то сразу осталось позади. Я даже чувствовал себя немножко одиноким...

Когда это начнется?

Как только мы приехали в Берлин, я все время стал ждать, когда это начнется... Что—это? Дипломатическая война, конечно! После того случая в поезде я сразу подумал: вот, началось! То ли еще будет в Берлине! Надо быть начеку, чтобы не выстрелили в спину, как Воровскому! И я все время был начеку, но ничего не начиналось.

Первое время я испытывал странное чувство: как будто я уехал из города на три дня, а когда вернулся, там уже все выучились по-немецки говорить. В трамвае, в автобусе, в магазине, просто на улице — всюду звучала немецкая речь! В Москве всегда удивлялись, когда я говорил по-немецки, а тут наоборот: удивлялись, что я говорю по-русски! Даже собаки удивлялись, честное слово! В одном месте только не удивлялись, но там все между собой говорили по-русски: в нашем посольстве. Наше посольство было таким маленьким русским островком в большом немецком море. Мы с мамой туда ходили. Мама брала там работу на дом, переводила разные русские статьи на немецкий и немецкие на русский.

Мы с мамой в Берлине много гуляли, гораздо больше, чем в Москве. Мы ходили в центре по улицам, по Лейпцигерштрассе, на которой было много магазинов, и по Унтер-ден-Линден, где росли огромные вековые липы. «Унтер-ден-Линден» в переводе означает «Под липами». Это самая главная улица Берлина, она похожа на длинный сквер, хотя по ней и мчатся машины. На этой улице много кафе — столики стоят прямо на асфальте под липами — и ресторанов. И самое главное — на этой улице, в доме № 7, помещалось наше советское посольство, куда мы ходили чуть ли не каждый день.

В Берлине я увидел страшно много машин! Это были машины разных марок: и «линкольны», и «форды», и «паккарды»! Зато извозчиков и ломовиков с телегами почти не было. Ломовиков заменяли грузовики. И я вспомнил слова Кржижановского, которые он говорил в Кремле: что у нас пока еще ездят на телегах, а на Западе на машинах. И это было действительно так, сейчас я в этом сам убедился. «Но ничего! — думал я. — Вот кончим мы свою пятилетку, и у нас тоже будет много машин!»

Автобусы в Берлине были очень смешные: двухэтажные! Такие высокие, что, когда они катились по улице, казалось, что они вот-вот упадут! Мама не любила на них ездить, у нее на втором этаже кружилась голова. А у меня не кружилась. Я любил ездить на втором этаже, оттуда все было очень хорошо видно, тем более что второй этаж был без крыши. Там люди ехали и курили, стряхивая пепел прямо на улицу!

А еще я любил ездить по «S-Bahn» и «U-Bahn». «S» — это надземная железная дорога, а «U» — подземная. Надземка грохочет по середине города, верхом на железной эстакаде, прямо над домами! Представляю, каково было людям спать в этих домах! «Не

хотела бы я быть на их месте», — говорила мама. И я бы не хотел. Но ездить в надземке я хотел! Хотя еще больше я любил ездить в подземке, то есть в метро, которого в Москве тогда еще не было. Московские газеты только еще обсуждали этот вопрос. Потом-то мы метро построили, и оно сразу затмило все подземки мира! Такой красивой подземки теперь нигде нет! В Берлине подземка вся из железобетона, там всюду валялись окурки и кожура бананов, даже целые газеты. Но все равно я любил там ездить больше всего, потому что это было в новинку.

Берлин меня вообще оглушил, когда мы туда приехали. Он оглушил меня своими бесчисленными машинами, двухэтажными автобусами, грохочущими эстакадами надземки и подземными змеепроводами! Берлин ослепил меня своим серебристым каменным-железным обликом и яркими рекламами, особенно вечерними. Днем эти рекламы смотрели спокойно, не двигаясь. А по вечерам они оживали! Буквы на них прыгали как сумасшедшие, они то вспыхивали, то гасли. Они призывали нас что-нибудь купить! Какую-нибудь зубную пасту, или духи, или ботинки, или автомобиль! «Купите, купите, купите!» — беззвучно кричали рекламы. Но все это купить мог, конечно, только очень богатый человек. А бедных эти рекламы только дразнили. И портили им настроение. Мне они тоже портили настроение, когда рекламировали игрушки. Мне тогда сразу хотелось купить все эти игрушки. И некоторые мама покупала. Но все она ведь не могла купить! Так что рекламы, конечно, интересны. Но без них как-то спокойней.

„333-05“

С этими игрушками получилась пренеприятная история. Кто больше всех виноват, сказать трудно. Считалось, что я. Но всю вину я на себя взять не могу. Это было бы несправедливо. Я считаю, что реклама тоже виновата. Она-то как раз виновата больше всего, а я только немножко... Но судите сами!

Когда мы с мамой возвращались по вечерам из посольства, по Унтер-ден-Линден, мы все время любовались рекламами. Я же вам говорил! Одна реклама, выско на крыше, нравилась мне больше всего. Ее можно было разглядывать без конца! Такая она была веселая и богатая. На ней бегал по рельсам игрушечный поезд: зеленый паровоз и разноцветные вагончики — такие же, как у меня дома. Но там было не только это! Там были еще станционные постройки! И семафоры! И зеленая, поросшая лесом гора с туннелем! И мосты через речку, и стрелочные будки со стрелками, и тупики, в которых стояли запасные составы! Когда поезд подходил к станции, семафор поднимал руку. Когда он руку опускал, поезд останавливался. Начальник вокзала на перроне тоже поднимал руку с жезлом, перед отправкой. И даже продавец газет стоял на перроне со своей тележкой. Пассажиры покупали у него малюсенькие газеты, а потом садились в вагоны. Поезд трогался, скрывался в туннеле, потом выскакивал из него, останавливался на станции и мчался дальше... Просто удивительно! Все было сделано из лампочек, как — я уж не знаю! — но вид у рекламы был потрясающий! Все это сверкало, мерцало, двигалось! А над железной дорогой стоял на коленях мальчишка в синей форме с желтыми пуговицами и желтым кантом на фуражке. А изо рта у него выскакивали большие буквы; они бежали по краю рекламы и в конце гасли...

Дома я с мамой занимался и уже знал почти все немецкие буквы, а некоторые она объяснила, и так мы вместе с ней прочитали, что там было написано. Изо рта мальчика катилась все время одна и та же фраза: «Железная дорога со всеми к ней принадлежностями! Звоните 333-05, и вам все доставят на дом! Спасибо!» Через несколько дней я знал все эти буквы наизусть!

Реклама их просто вдолбила мне в голову! Я все время повторял — и вслух, и шепотом, и мысленно: «Железная дорога со всеми к ней принадлежностями! Звоните 333-05, и вам все доставят на дом! Спасибо!» Мне казалось, что это отпечатано у меня в мозгу! Я никуда не мог деваться от этих букв!

И вот как-то раз я остался дома один. Иосиф был на работе, а мама ушла по делам. Она сказала, что вернется к вечеру. Хозяйка квартиры, фрау Аугуста, придет меня проводить.

Мама ушла, а я стал играть со своей железной дорогой. На блестящем пустынном паркете она казалась особенно бедной: ни тебе гор, ни лесов, ни туннеля, ни станции! Не говоря уже о пассажирах! Мне даже плакать захотелось. Было обидно. «Так в чем же дело? — прошептал внутри меня голос. — Звоните 333-05, и вам все доставят на дом! Чего вы медлите?»

«Действительно, — подумал я. — Телефон-то в коридоре! Стоит только набрать номер! И все сейчас же принесут!»

«Спасибо! — прошептал тот же голос. — Разрешите сказать вам спасибо! Позвоните! Ну, что вам стоит! Зачем причинять хлопоты родителям! Вы же серьезный человек!..»

И тут я не выдержал: я побежал в коридор к телефону, поднял трубку и набрал дрожащей рукой заветный номер: 333-05... На том конце провода звякнуло, потом раздался гудок. Я слушал затаив дыхание. Потом опять звякнуло, и где-то вдали зазвучал нежный девичий голос: «Hallo! Bittel!» У меня сперло дыхание, и я на секунду замешкался: «Алло! — повторил голос. — Пожалуйста? Фирма слушает!» И тут меня прорвало: «Железную дорогу со всеми к ней принадлежностями — сказал я погромче, чтобы услышали. — Пожалуйста, доставьте! Скорее!» — «Кто это говорит?» — спросил голос. «Это я говорю!» — крикнул я. «Адрес?» — спросил голос. Я назвал адрес. Адрес я хорошо знал, мама велела мне его вы зубрить на всякий случай. И вот такой случай подвернулся! «Какие вам нужны принадлежности?» — спросил голос. «Все! — заорал я. — Совершенно все! Доставить на дом!» — «Когда?» — спросил голос. «Сейчас!» — заорал я. — «Скорее!» У меня даже руки вспотели. «Сейчас доставим!» — сказал голос. — Вы не волнуйтесь! Большое спасибо!» Я в трубке опять звякнуло и раздался частые гудки. Я положил трубку на место...

«Ничего! Сейчас что-то будет!» — думал я. — Нечто такое удивительно! Железная дорога со всеми принадлежностями! Надо только немножко потерпеть!»

Я выглянул в окно. Там, внизу, в правом углу, виднелся краешек мостовой, если плотно прильнуть к окну носом. «Не увижу ли я, как подъедет машина с игрушками?» — подумал я. Но там ничего нельзя было разглядеть.

Я опять подошел к телефону, взял трубку и набрал 333-05... Раздался гудок и тот же голос сказал: «Hallo! Bittel!» Я молчал, тяжело дыша. «Hallo! Bittel!» — повторил тот же нежный голос. — Фирма слушает!» Я положил трубку. Второй раз спрашивать несолидно, решил я. Так можно все испортить. Да и прошло-то всего минут двадцать, надо же им все упаковать и доехать... И тут вдруг раздался звонок!

Я прыгнул к двери и отодвинул задвижку, даже не спросив, кто там, как велела мама... На площадке лестницы стояла наша квартирная хозяйка фрау Аугуста. Она жила над нами и пришла меня проводить по просьбе мамы. «Вот уж нехстати!» — подумал я.

— Guten Tag! — сказала фрау Аугуста, входя в коридор.

Она была седая, в очках, в синем платье с фартуком. От нее пахло ванилью. От нее всегда уютно и вкусно пахло: мылом, ванилью, куличами...

— Добрый день! — буркнул я.
— Ну, как ты здесь поживаешь?
— Хорошо!

— Играешь?

— Играю!

— Почему ты такой красный? Ты что — прыгал?

— Прыгал! — сказал я.

— Надо пообедать! Пойдем, я разогрею тебе суп...

— Не хочю! — буркнул я.

До супа ли было мне, посудите сами!

— Ты же голодный! Мутти велела тебя покормить! Надо слушаться мутти!

— Я уже ел! — соврал я. — Хлеб с маслом и молоко!

— Ах, бедняжка! — она погладила меня по голове. — Ел холодное! Это я виновата! Я немножко опоздала! — она опять меня погладила. — Может, все-таки суп?

«О, хоть бы ты ушла! — думал я. — Хоть бы скорей ушла!» Ее слова звучали для меня как с того света. Я отвечал ей машинально. Я был, наверное, очень невежлив. Я это потом только понял. И тут опять зазвенел звонок!

— Странно! — сказала фрау Аугуста и пошла открывать.

Я тоже пошел за ней. Она открыла дверь, и тут я увидел его! Мальчишку в синей форме с желтыми пуговицами! И в синей фуражке с желтым кантом! Я его сразу узнал, и сердце у меня провалилось куда-то в пятки...

— Извините! — сказал он, улыбаясь. — Тут заказали железную дорогу...

— Я ничего не знаю... — начала было фрау Аугуста.

— Да, да! — выпалил я из-за ее спины, протискиваясь в дверь. — Заказали! Здесь!

— Ах, это тебе! — весело блеснула очками фрау Аугуста. — Тогда это здесь! Родителей нет дома, но я могу принять...

— Спасибо! — улыбнулся мальчишка. — Так можно вносить?

— Да! Да! Пожалуйста! — и фрау Аугуста широко распахнула дверь.

Я стоял сам не свой. Мальчишка стал вносить картонные коробки с яркими наклейками! Столько коробок с игрушками сразу я в своей жизни еще не имел! И ни у кого не видел! Разве что в магазинах! Мальчишка их вносил и вносил обеими руками, пока не завалил всю комнату! Я стоял посреди этих коробок смущенный, растерянный, вне себя от радости. Я чувствовал себя как во сне! И вместе с тем я чувствовал какое-то странное угрызительное скобление в глубине души от количества этих коробок... Толком я не понимал, в чем дело, но что-то здесь было не так!

— А вот это тебе премия! — сказал мальчишка, протягивая мне огромную коробку с нарисованным на ней автомобилем. — Подарок фирмы! Передай маме нашу глубокую благодарность!

Я взял коробку дрожащими руками. Этого уж я никак не ожидал!

— А вы, пожалуйста, распишитесь! — протянул он листок фрау Аугусте.

Она взяла его двумя пальцами, внимательно глядя сквозь очки.

— Kolossal! — выдохнула она. — Это колоссально: такая огромная сумма! Подумать только! Как тебя все-таки любит твоя мутти!

И она расписалась ручкой, которую вручил ей мальчишка.

— Большое спасибо! — сказал он, забирая листок. — Я могу быть свободен? — и вышел...

Расплата

— Это что такое? — спросил вечером отец, входя в комнату.

Мама выглядывала из-за его спины. У обоих был растерянный вид.

— Железная дорога! — сказал я.

— Откуда? Кто принес? — спросил отец.
— Мальчишка! — сказал я.
— Мальчишка? — переспросила мама. — Какой мальчишка?

Она стояла рядом с отцом, машинально стаскивая шубу. Отец застыл в пальто, со шляпой в руках.

— Ну, какой, какой! — сказал я. — С рекламы! С желтыми пуговицами! Вот какой!

Отец сел в кресло:

— С какой еще рекламы? — спросил он упавшим голосом.

— Ну, как вы не понимаете! — сказал я. — Реклама игрушек! И там нарисован мальчишка! Вот он и пришел...

— Ах! — вздохнула мама. — Помню! «Железная дорога со всеми принадлежностями...»

— Ну, да! — сказал я. — Мальчишка от фирмы!

— Не понимаю! — сказал отец.

— Ну, как ты не понимаешь! — сказала мама. — Служитель фирмы, реклама которой висит на Унтер-ден-Линден, принес вот эту железную дорогу! — и тоже плюхнулась в другое кресло.

Отец посмотрел на разложенные по полу рельсы, на разбросанные вагончики, паровозы, платформы, станции, человечков, на мосты и туннели — потом на меня.

— Кому это потребовалось заказать! — сказал отец. — Ума не приложу.

— Это я заказал! — сказал я.

— То есть как?! — спросил отец.

— Ну да! — сказал я. — По телефону! Вот и квитанция: фрау Аугуста расписалась...

Отец взял квитанцию и углубился в нее. И мама в нее углубилась: она смотрела отцу через плечо. Я видел, как их лица постепенно мрачней. Потом отец опустил руку с квитанцией и посмотрел на меня тяжелым взглядом.

— Немедленно отправить все назад, — раздельно сказал отец глухим голосом.

Я почувствовал, как внутри у меня что-то оторвалось...

— Это невозможно! — сказала мама. — Это скандал!

— А это не скандал? — спросил отец, тряхнув квитанцией.

— Да, — сказала мама. — Это тоже скандал... но это среди нас! А если мы вернем, это примет огласку. Нет, вернуть никак нельзя!

Они помолчали.

— Пятьсот марок! — сказал отец. — Возмутительно! Они помолчали.

Он опять взглянул на меня так, что я опустил глаза. Сердце мое провалилось куда-то в пятки.

— Ты понимаешь, что ты натворил? — сказал отец. — Где я возьму эти деньги? — он встал, резко снял пальто и повесил его в коридоре на вешалку, перешагнув через злополучную дорогу и опять вернулся.

Я молчал.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Понимаю, — прошептал я.

— Пятьсот марок! — тихо сказал отец. — Понимает ли твоя медная голова, что это за сумма?

— Понимаю, — сказал я, хотя вовсе этого не понимал. Я только понял, что это, наверное, очень много.

Мне стало тоскливо и страшно, из глаз у меня брызнули слезы, и я открыл было рот, чтобы заплакать...

— Замолчать! Не смей плакать! Чтобы я не слышал ни звука! Он еще тут будет плакать!

Звуки застряли в моем горле.

— Полюбуйтесь на этого новоиспеченного буржуя! — отец взмахнул рукой в мою сторону, как будто в комнате было полно народу, а не только он да мама, которая молчала с убитым видом: — Ты вел себя как самый отвратительный буржуй! Понимаешь?

— Понимаю, — сказал я еле слышно.

— Ничего ты не понимаешь! — воскликнул отец. — Миллионер! Рокфеллер! Сильнее ты не мог меня ос-

корбить, чем этим твоим поступком! — он повернулся к маме: — Ну, что ты скажешь об этом юном буржуре? — Отвратительно! — развела мама руками. — Что я могу еще сказать...

— Более чем отвратительно! — сказал отец. — Пусть сидит тут и думает о своем поступке... Пойдем!

Они встали и вышли.

Гость

И в этот самый неприятный для меня момент появился кто-то? Гизин папа! Он свалился как снег на голову, хотя я его давно ждал, давно хотел с ним познакомиться, и он давно хотел к нам зайти, как говорила мама, она его уже несколько раз где-то видела, и отец его видел, а я все не видел, и вдруг он пришел в этот злополучный момент, когда, как вы сами понимаете, мне вообще никого не хотелось видеть! Даже Гизиного папу!

После того как меня отчитали, я сидел один, мрачный, посреди своих бесчисленных игрушек. Родители пили на кухне чай, я слышал, как они там разговаривали. «Что теперь будет? — думал я. — Где Иосиф возьмет эти проклятые марки? А если он их не достанет? И его посадят в тюрьму? Что тогда? Что будет с нами?» — слезы неудержимо полились из глаз, я уже не мог их сдерживать, я бросился на диван, лицом в подушку. Потом я затих, как затихает рыба, выброшенная на песок. Я лежал и думал. «Как все в этом взрослом мире полно загадок! — думал я. — Особенно здесь, за границей! Устраивают своими рекламами какую-то ловушку. Уж если вы так свои игрушки навязываете, то давайте их бесплатно! А то говорят, автомобиль — подарок, а сами потом столько денег требуют! Какой же это подарок, если он связан с такими неприятностями!» — я даже пихнул автомобиль ногой...

Я вспомнил, как отец назвал меня буржуем. Мне опять стало бесконечно стыдно, слезы опять подступили к горлу, но тут я услышал дверной звонок... «Фрау Аугуста!» — подумал я. Ее только не хватало!

Я слышал, как мама пошла открывать, как открылась и захлопнулась дверь и раздались громкие восклицания... Голос гостя был раскатистый и басовитый, это был голос мужчины, а вовсе не фрау Аугусты! Но мне было все равно!

Гость с мамой прошли на кухню, и там продолжались восклицания, смех и веселый разговор. Потом все направилось в мою комнату, шаги приблизились к двери, она открылась и на мгновение все замолчали.

— Na Jura, schau doch, wer gekommen ist! Посмотри, кто пришел! — сказала мама. — Это Вернер — Гизин папа!

Я открыл глаза и увидел Гизиного папу! Он стоял в дверях, высокий, чуть не касаясь дверной притолоки, худощавый и стройный. На загорелом лице сверкала ослепительная улыбка. Глаза сияли голубизной, а спутанные волосы падали на высокий лоб, как спелая солома. Он был очень похож на Гизи — такой же точеный нос, и лоб, и губы — только волосы не черные, а желтые.

— Guten Abend! — сказал он, перешагивая огромными ногами через коробки, разбросанные по полу, и протянул мне руку. Я мрачно пожал его большую ладонь. Он сел рядом со мной на диван.

— Какой-то ты сердитый! — сказал он. — Гизи писала, что ты веселый, а ты вон какой сердитый!

Я молчал, глядя прямо перед собой.

— У него сегодня неприятность! — сказал отец, входя в комнату.

И они с мамой, перебивая друг друга, рассказали про железную дорогу. Они рассказывали смеясь, Гизин папа хохотал, откинувшись к стене. «Чего это они смеются?» — думал я. От этого мне было еще обиднее.

— Миллионер! — закончил отец. — Ты видишь перед собой новоиспеченного миллионера!

— Так надо его экспроприировать! — смеялся Вернер.

— В том-то и дело, что это миллионер без денег! — смеялся отец.

— А что такое — экспроприировать? — спросил я.

— Это значит: потрясти денежный мешок! — объяснил Вернер. — Отнять у миллионера деньги!

— Для чего?

— Для нашего общего дела: в пользу народа!

— А вы отнимали? — спросил я.

— Приходилось! — улыбнулся Гизин папа.

— Помнишь ту операцию? В девятнадцатом? — спросил отец.

— Да, — сказал Гизин папа. — Золотые времена!

— Почему золотые? — спросил я.

— Потому что была революция в Германии. Баварские Советы...

— А почему сейчас не Советы?

— Потому что нас победили фашисты, — сказал Вернер. — И кое-кто предал...

— Кто предал?

— Кое-кто...

Я задумался.

— Так вы Иосифа давно знаете? — спросил я.

— О, очень давно! — воскликнул отец. — Тебя еще не было на свете! И Гизи не было! — он хлопнул Гизиного папу по спине. И тот его хлопнул по спине. Потом опять отец хлопнул. А потом опять Вернер. Мама смотрела на них с улыбкой.

— Ну, вот что! — сказал Вернер. — Раз игрушки показаны, надо их оплатить! Ты их, конечно, оплатишь?

— Конечно, оплачу! — развел руками отец. — Куда денешься?

— Мы вот как решим, — сказал Вернер. — Сейчас, Иосиф, заплатишь ты, а когда Юра вырастет, он тебе эти деньги отдаст! Заработает и отдаст! Идет? — спросил он меня весело.

— Идет! — сказал я.

Вернер встал.

— А теперь давайте соберем дорожку! Раз она здесь, надо ее собрать! И играть в нее! Можно я буду с тобой играть?

— Можно! — обрадовался я, соскакивая на пол.

— Давайте играть все! — сказал Вернер. — И ни слова больше о политике! Надо отдохнуть! Это же игрушки для взрослых — твоя дорожка!

— Как — игрушки для взрослых?

— Очень просто! Это такая замечательная игрушка, что в нее могут и взрослые играть!

И мы стали собирать мою дорожку.

Привет от Вернера!

Помню: в густом табачном дыму, как в синем тумане, плавают столики, головы жующих и хохочущих людей, оплывающие янтарными сосульками свечи с огненными язычками, вокруг которых мерцают разноцветные сияния, пронзенные прямыми, как оранжевые спицы, лучиками... Лучики движутся: прищуришь глаза — они удлинняются, впиваясь в дымный воздух, откроешь глаза — съезжаются возле самой свечки... В ушах звенит от гомона голосов, смеха, звона ножей и вилок, от плача скрипок и визга цыган на маленькой эстраде в глубине зала. Поют по-русски, и говорят по-русски, и даже смеются по-русски... Мы сидим в середине зала за круглым уютным столиком, накрытым крахмальной скатертью. Стол уставлен разными вещами в стеклянной посуде: калачи, икра, семга, соленые грузди... И еда-то вся своя, русская, какой я в Берлине еще не видал! Но на сердце у меня неспокойно, на душе противно, несмотр-

ря на то, что сижу я очень удобно — на подушке, которую подложил в кресло официант (он, кстати, тоже говорит по-русски) — противно, несмотря на всю эту вкусную русскую еду, и — главное! — несмотря на то, что говорят и поют по-русски. От этого даже еще противней, оттого, что все по-русски говорят, потому что все эти люди вокруг нас — наши враги! Это белые эмигранты, бывшие царские офицеры и заводчики, дворяне и не дворяне — разный сброд — все те, которых Революция вымела из нашей страны в семнадцатом году. «Бывшие люди», — как говорит отец.

Я сижу в костюме, который сшил мне Зусман, с салфеткой на груди, и отец в зусмановском костюме, тоже с салфеткой, а мама в шикарном немецком платье, со взбитой прической, такая красивая-красивая, что на нее нельзя не смотреть! Мы изображаем из себя знатке кого? — добропорядочных немцев! И говорим только по-немецки! И делаем вид, что по-русски ничего не смыслим! Просто бред какой-то! Но так велел отец.

Это он сказал мне дома, когда мы сюда собирались. Он сказал, что мы пойдем в белоэмигрантский ресторан, что это так надо, для дела надо, что больше он ничего мне сказать не может. Что надо просто идти и изображать добропорядочных немцев. И не задавать вопросов — говорить на отвлеченные темы... О погоде, например, можно говорить, о дожде, о солнце, об игрушках — об игрушках, пожалуйста, говори сколько хочешь!

Вот я и говорю:

— Josef! — но отец не слышит меня через стол из-за цыганского хора. Он о чем-то быстро говорит по-немецки с мамой, из чего я тоже не могу ни слова понять.

— Иосиф! — повторяю я громче.

— Да?

— Очень хорошая сегодня была погода, когда мы гуляли в Груневальде! — я это по-немецки говорю, с набитым семгой ртом, и улыбаюсь.

— Ja, sehr gutes Wetter! — улыбается отец.

— Und gestern war auch gutes Wetter! — говорю я, «и вчера тоже была хорошая погода!»

— Да, — говорит отец, — и вчера тоже! — он понимающе подмигивает мне, как заговорщик заговорщику.

И я подмигиваю отцу и говорю:

— Наверное, завтра тоже будет хорошая погода!

— Ну, ладно, хватит! — говорит отец. — Помолчи немного!

Ну, вот вам и пожалуйста! Конечно, скучно все о погоде говорить, но о том, что думаешь, ведь нельзя! Проклятый ресторан! Называется «Родина»! Какая же это Родина, если это просто яма, подвал! Мы спускались сюда по обшарпанной лестнице. Довольно грязный ресторанчик. Пол каменный замусорен. И свечные огарки коптят, и скатерть в рыжих пятнах — противный ресторанчик!

— Вон, видишь, — говорит отец, наклоняясь к маме и кося глазами в сторону, — это Конради!

Мне становится жарко! Тот самый Конради, который убил Воровского! Тот самый Конради разгуливает здесь как ни в чем не бывало! Он сидит где-то позади меня, я пытаюсь обернуться, но отец стучит ножом по столу и строго смотрит на меня.

— Не вертись! — говорит он. — И не смотри никому в лицо!

Я сижу как на иголках! Я спиной чувствую этого Конради. И зачем мы только сюда пришли!

— Звее-е-зды и в сердце мо-о-е-ем! — тянут конец песни цыгане и под шум рукоплесканий сходят с эстрады.

«О каких они звездах поют? — думаю я. — У меня-то, я знаю, какие звезды в сердце! У меня красные пятиконечные звезды! А у них, наверное, белые и не пятиконечные!»

Бородатые цыгане в красных рубахах и сапогах и смуглые цыганки в ярких пестрых платьях, в шальях с кис-

точками, золотозубые, с золотыми серьгами в ушах и браслетами на запястьях, скрываются толпой за занавеской. На эстраду выскакивает какой-то юркий человечек в черном фраке с болтающимися сзади фалдами. Он кланяется залу, прикладывая руку к сердцу. Раздаются жидкие хлопки.

Человечек садится к роялю верхом на круглый стульчик и, взмахнув руками, ударяет по клавишам: «Как страшно вспоминать! — поет он высоким плаксивым голосом. — Что где-то есть страна-а! Которая для нас как будто бы мертва-а!»

Пьяные голоса в разных концах зала начинают ему подпевать: «...я вернусь, я вернусь в край родимый, где березы льют слезы весно-ой!»

— П-жалте! — говорит над моим ухом официант, ставя на стол тарелку с красным дымящимся борщом.

Толстый румяный человек за соседним столом пялит на меня пьяные глаза. Он немец — я слышал, как он говорил с официантом по-немецки. И лицо у него белобрысое, немецкое, я не могу этого объяснить, но сразу видно, что немец. И чего он пялит на меня глаза? — думаю я и отворачиваюсь.

Человечек на эстраде уже играет какой-то танец, и в середине зала начинают танцевать парочки. Пьяный немец встает и идет прямо к нашему столику нетвердыми шагами, бессмысленно улыбаясь. Он подходит к маме и наклоняется над нашим столом... На мгновение его лицо становится серьезным и совсем не пьяным.

— Привет от Вернера! — говорит он быстро по-немецки и добавляет по-русски: — Добрый вечер!

Показалось мне или он действительно все это сказал? Нет, конечно! Он же пьян, даже качнулся! Странный какой-то пьяный! Я смотрю на него во все глаза...

— Разрешите, мадам? — бормочет пьяный заплетавшимся языком.

Он приглашает маму танцевать! Сдурел он, что ли? Сейчас отец ему задаст! Но отец кивает маме, и она встает! И идет с этим пьяницей танцевать! Что это отец — испугался, что ли? Я чувствую, что краснею, и у меня набухают глаза...

— Что это ты такой надутый? — тихо говорит отец.

— Зачем она пошла с этим... с этим пьяным дураком! — выпаливаю я по-русски. Я совсем забыл, что это нельзя. Я чуть не плачу...

— Hör' auf! Сейчас же прекрати! — сердито шепчет отец, а сам улыбается. — Это наш товарищ и вовсе не пьяный...

Я смотрю на отца растерянно-вопросительно.

— Выше голову! — говорит отец. — На нас смотрят! — он весело улыбается, но в голосе звучат железные нотки.

«Вот оно что! — думаю я. — Отец сказал «товарищ» по-немецки: «Genosse!» А немец сказал: «Привет от Вернера!» Как это я сразу не сообразил! Это же от Гизиного папы привет! Вот это дела! Здорово! Вот так дела!»

Я смотрю на маму: она кружится в толпе танцующих, обнявшись с этим таинственным немцем. И совсем он не пьяный, он здорово танцует!

Мне становится весело: значит, мы не одни здесь! Недаром мы сюда пришли, недаром! Да, да, недаром!

Музыка смолкает, и человек на эстраде встает, кланяясь публике, и танцующие расходятся по своим столикам. Наш новый товарищ ведет маму под руку и опять у него пьяные глаза и противная улыбка... И опять он покачивается! Просто удивительно! Но теперь меня не проведешь, дудки! Я весело улыбаюсь этому хитрому немцу, когда он подводит маму к столу, «сейчас поговорим», — мелькает у меня в голове, но отец не обращает на немца никакого внимания! Даже не смотрит на него! И мама на него не смотрит! Как будто его рядом и нет! Она просто садится и сует отцу под стол свой платок... Я же вижу, как отец берет платок и кладет его в карман! А немец глупо кланяется маме,

громко говорит «благодарю вас, мадам!» и уходит из зала... На прощанье он молниеносно подмигивает мне, но так молниеносно, что я опять сомневаюсь: не показало ли это?

— Все в порядке, — говорит мама, — товарищ еще в тюрьме, но на днях они его вытащат...

— А тот раз не вышло? — спрашивает отец.

— Тот раз не вышло! — быстро говорит мама. — Подменили надзирателя! Там, в письме, все сказано...

Возле эстрады шум — несколько пьяных что-то наперебой говорят пианисту... Потом длинный, худой, с усиками, протягивает деньги, и пианист берет их с поклоном.

— Господа! «Богом хранимый!» — кричит длинный, оборачиваясь в зал. Раздаются хлопки, шум...

— Черт, — говорит отец, — придется задержаться...

Черный человечек садится к роялю и начинает играть очень громко. Все встают, отодвигая стулья, и отец встает. «Вы сидите!» — говорит он нам с мамой.

— Богом хранимый державный, — запевае зал, — властитель великой страны! — все поют вразнобой, некоторые ревут, как быки, выпятив животы во фраках...

— Царстуй, наш царь православный! — ревет зал.

«Какой там царь, если его уже нет! — думаю я. — Ведь царя расстреляли! Мне отец говорил! А они поют «царстуй!» Дураки какие-то!»

Когда песня кончается, мы рассчитываемся с официантом. Он спросил у отца: «Вы какими будете платить — долларами или марками?» — и отец сказал: «Марками»...

Мы берем у швейцара свои пальто и поднимаемся вверх по грязной выщербленной лестнице. На улице уже темно, нас охватывает морозный воздух. В черном небе тускло горят рекламы, потому что туман и изморозь. Противная зима в Берлине! Снега нет, а такой холод. Мокрый, пронизывающий. Бегут машины, прохожие спешат, подняв воротники. В конце улицы они растворяются в сером тумане, в извечном тумане, который так часто сопровождает мое детство!

Отец берет меня за руку:

— Теперь побеседуем! — говорит он. — Должен сказать, что вел ты себя хорошо, но не очень...

— Почему?

— Чуть не расплакался, как баба, когда мать пошла танцевать!

— Приревновал, — смеется мама.

— Зачем вы тогда меня брали! — обижаюсь я.

— Не надо было бы, не брали бы! — строго говорит отец. — У нас был семейный немецкий ужин, понятно?

— А кто этот...

— Подожди, — перебивает отец. — И вопросы ты задавал невпопад, и сбился один раз на русский... А этого немца, которого ты сегодня здесь видел — предупреждаю: никогда и нигде не узнавай! Ты его не знаешь, ясно?

— Почему?

— Потому что «потому» кончается на «у!» — смеется отец.

— А он сказал: «Привет от Вернера!» — значит, он знает Гизино папу?

— Конечно, знает... А потом, это пароль...

— Теперь я знаю пароль! — радуюсь я.

— Пароль меняется каждый день, так что считай, что ты его не знаешь! — смеется отец.

На бегах

В тот примечательный день я отправился с родителями на берлинский ипподром Карлсхорст.

В тот день, который я запомнил подробно на всю свою жизнь, погода в Берлине была на редкость морозной и солнечной. Свежевыпавший снег лежал тонким слоем на асфальте, на деревьях и на крышах до-

мов. У нас в Москве такой снег можно увидеть только в самом начале зимы, у нас это называется «первый снег», а в Берлине такой первый снег можно видеть всю зиму, потому что он там не лежит в сугробах на асфальте, а то и дело тает — и выпадает снова. Народу на улицах было мало, но праздничное настроение все равно чувствовалось. Оно было в чистом небе и солнце, в этом сверкающем снеге, в витринах магазинов, украшенных нарядными елками. И среди немногочисленных прохожих встречались люди, тащившие под мышками елки. В витринах елки стояли пушистые, расправив в воздухе свои темно-зеленые лапы, увешанные игрушками. А под мышками прохожих елки были еще будничными, лапы у них были опутаны веревками, и такие елки напоминали издали большие зеленые свечи. Мне тоже должны были купить елку, после бегов, сказала мама, а пока я шел по заснеженной улице, полный смутного ожидания чего-то интересного...

На бегах зато было народу полным-полно! Люди толпились и суетились у входа и возле касс, втекая с улицы рекой. Мы купили билет и программу, а потом долго стояли у входа, и отец все время смотрел на часы и на людей, сновавших вокруг. В воздухе стоял гул голосов, прерываемый откуда-то ударами колокола. Все спешили в глубину, и я тоже тянул отца за руку, но он все чего-то ждал, глядя по сторонам. Я это потом понял, чего он ждал, а тогда я просто нервничал, что все спешит, а мы стоим на месте.

Вдруг отец облегченно улыбнулся — куда-то в толпу — и сказал: «Пошли!» — и мы, наконец, двинулись. Мама шла впереди, задумчиво кутаясь в свою пушистую черную шубу, а я вприпрыжку рядом с отцом, держа его за руку. Длинная многоярусная трибуна была забита народом! Люди сидели на скамьях и стояли в проходах с белыми программками в руках, и все смотрели на посеребренное снегом зеленое огромное овальное поле... Там по краю тянулись темные беговые круги, и по ним туда-сюда бегали поджарые лошади с перебинтованными ногами. В двухколесных легких колясках красовались жокеи, то есть наездники, в пестрых разноцветных камзолах и кепочках с длинными козырьками. Одеты они были пестро и все по-разному, чтобы их можно было хорошо различать издали.

Мы нашли себе на скамейке местечко и уселись, и я стал смотреть на лошадей. Они грациозно бежали по дорожкам, одни медленней, другие быстрее, с развевающимися по воздуху гривами и хвостами, выгибая шеи. Мне только не нравилось, что они бегали так далеко и казались такими маленькими! Покататься бы самому на такой лошади, вот было бы здорово! А то сиди тут и смотри, да еще так далеко вверху, среди этого сонмища людей, которые все разом что-то быстро говорят и в результате ничего не поймешь!

— Erlauben Sie? — услышал я над собой голос: «Вы разрешите?»

— Да, да! — сказала мама. — Пожалуйста! Какой-то толстый дядька, с рыжими волосами из-под шляпы и большой рыжей бородой, уселся рядом. Раздались удары колокола, шум голосов усилился, и многие встали.

— Мальчику, наверно, не видно, — сказал рыжий дядька, — хочешь встать на скамейку? — спросил он меня.

Мне действительно стало плохо видно, по-

тому что некоторые загораживали мне поле своими спинами, и я сказал:

— Хочу!

Обычно мама не любила, когда со мной заговаривали посторонние, и я подумал, что она скажет: «Не надо! Ребенку и так хорошо», — но этому дядьке мама улыбнулась и сказала:

— Конечно, пусть встанет!

Я посмотрел на дядьку: что-то в его лице удивило меня! Особенно в глазах! И еще в голосе... Глаза и голос показались мне странно знакомыми. И вместе с тем он был мне совершенно не знаком!

Я встал и хотел было залезть рядом с дядькой на скамейку, но он вдруг сказал:

— Становись-ка лучше на барьер, я тебя подержу! — он поднял меня и поставил на барьер.

Внизу, под барьером, была глубокая яма — там был выход нижнего яруса.

— Смотри не упади! — крикнула мама.

— Я держу его крепко, мадам! — откликнулся дядька.

— Спасибо, — сказала мама.

И он, правда, держал меня крепко, обхватив сзади руками. Я смотрел на поле — лошади не спеша сбегались со всех сторон в левый угол. Особенно мне понравилась там одна: черная, как ночь, и тоненькая-тоненькая! Похожих лошадей я видел у папы на палехской табакерке. У этой вороной тоже была маленькая голова, длинная шея и ноги. Жокей был одет в белый камзол с красными шашками. Мне теперь было все очень хорошо видно.

— А ты играешь, малыш? — громко спросил меня дядька.

— Конечно, играю! — сказал я. — Дома, в железную дорогу...

Стоявшие рядом посмотрели на меня и засмеялись. «Чего это они смеются?» — подумал я.

— Да нет, здесь, на бегах? Ты поставил на какую-нибудь лошадь?

— Чего поставил? — не понял я.

Рядом опять засмеялись.

— Сейчас я тебе объясню! — быстро сказал дядька. — Ты можешь выбрать какую-нибудь лошадь и поставить на нее — купить билет! И если она придет первой, ты выиграешь! Понял?

— Понял, — сказал я.

Я очень удивился.

— Фати не купил тебе билета? Или мутти?

— Нет, — сказал я.

— Говори быстрее, какая лошадь тебе нравится!

— Вон та! — сказал я весело. — Вон та, черная!

— Эта не придет первой! — прошамкал рядом старичок в пенсне. — Она сделает проскачку! Она всегда делает проскачку, — программка в руках старичка мелко тряслась.

— Посмотрим! — весело сказал мой дядька. — Эй, молодой человек! — крикнул он кому-то.

К нам подбежал мальчишка лет тринадцати.

— Я вас прошу, молодой человек, — сказал мой дядька. — Купите мне, пожалуйста, билет на девятый номер, за три марки, — и он протянул мальчику деньги. — Только быстро!

Мальчишка сейчас же скрылся.

— А он не сбежит? — спросил я.

— Не сбежит! — успокоил меня дядька. — Он здесь так подрабатывает: бегает всем за билетами...

Я обернулся — родители сидели позади и смотрели на нас, а вовсе не на поле.

— Я сейчас выиграю! — крикнул я им. — Моя лошадь — черная и придет первой!

— Напрасно вы его балуете! — сказала мама, обращаясь к веселому дядьке.

— Ничего, мадам! Пусть мальчик разок выиграет! — сказал он.

Я опять стал смотреть влево — там, на кругу, лошади сбились в кучу, переступая ногами. Всадники сидели на них чуть пригнувшись, ожидая сигнала.

В объятиях рыжего дядьки я чувствовал себя удобно, я был теперь на целую голову выше соседей! Дядька наклонился ко мне совсем близко, и его борода защекотала мне ухо. Я чуть-чуть отстранился... и вдруг я почувствовал, что рукой дядька залезает ко мне в карман! Честное слово! Я хотел было обернуться, как вдруг его борода опять защекотала мне ухо и он быстро зашептал, жарко дыша:

— Смотри вперед и не оборачивайся! Эту коробку, которую я кладу в твой карман, передашь отцу! Не оборачивайся! Это я! Я танцевал с твоей мамой в ресторане... Смотри вперед!

У меня прямо голова закружилась! Если б он меня не держал, я, наверно, упал бы в эту яму под барьером! В этот запасной выход! Так вот это кто! Конечно, это он! Те же глаза и голос! Только откуда борода и усы?

— Господин! — крикнул позади мальчишка. — Вот ваш билет!

— Спасибо! — громко сказал таинственный незнакомец, товарищ отца, наш друг, обнимая меня одной рукой, а другой протягивая мне билет. — Вот, возьми!

— Спасибо! — сказал я, оборачиваясь.

Он смотрел на меня, ласково улыбаясь, и вдруг подмигнул — как тогда в ресторане.

И тут я быстро наклонился к его уху — так, чтоб никто не заметил, и прошептал:

— Привет от Вернера!

— И тебе привет! — прошептал он и громко добавил: — Смотри, смотри! Начинается!

Я взглянул на поле и увидел, что лошади уже мчатся по кругу, приближаясь к нам! Первой бежала ярко-рыжая лошадь с янтарной гривой, за ней белая, а моя, черная, шла в середине вместе с другими, сбившимися в кучу...

— Смолл-мисс ведет! Смолл-мисс! — зашамкал рядом со мной старик.

И другие тоже закричали:

— Смолл-мисс! Смолл-мисс!

Смолл-мисс промчалась мимо трибун вихрем, далеко обогнав других лошадей, остальные тоже промчались мимо нас цепочкой, и моя черная, которую звали Тироль, в середине цепочки.

— Моя отстает! — крикнул я вне себя от волнения.

Кто-то ехидно хмыкнул.

— Тироль всегда отстает! — прошамкал рядом старик. — Не на ту поставили!

— Еще посмотрим! — весело сказал «Привет от Вернера».

Лошади скакали теперь по другую сторону поля и были плохо видны — стали совсем малюсенькими. Они опять сбились в кучу и трудно было разобрать — где мой Тироль... Но впереди была все та же Смолл-мисс.

— Смолл-мисс сделала проскачку! — крикнули сбоку.

— Не может быть! — прошамкал старик и даже приуныл на цыпочках, держась трясущимися руками за барьер. «Наверно, он поставил на Смолл-мисс!» — подумал я.

— Проскачка! — опять крикнул кто-то.

— А что это — проскачка? — спросил я.

— Сбилась в галоп! — сказал «Привет от Вернера».

Все должны идти рысью, видишь — только рысью...

— А если проскачка?

— Выбывает из игры!

— Ваша Смолл-мисс выбыла из игры! — сказал я старичку.

— Сам ты выбыл из игры! — разозлился старик.

Он все еще стоял на цыпочках, теперь у него был открыт рот, и губы тоже тряслись. Он щурился сквозь пенсне — наверно, плохо видел. Мне его даже стало немножко жалко.

— Тироль идет! — закричал вдруг кто-то.

— Тироль! Тироль! — закричали и зашептались вокруг. В голосах звучали удивление и растерянность.

Уцепившись одной рукой за воротник своего друга, я весь вытянулся вперед, влево — лошади бежали там поперек поля, приближаясь к нам. Еще один поворот — и они поскачут вдоль трибуны... Впереди мчалась теперь белая лошадь, с наездником в зеленом камзоле. Смолл-мисс была где-то далеко позади, и все остальные шли в середине кучей... Но из этой кучи вырвался на голову мой Тироль!

— Тироль! — закричал я. — Тироль, дорогой!

Я не отрывал взгляда от лошадей. Тироль медленно, чуть заметно и вместе с тем быстро отрывался от других! Вот он уже на полкорпуса впереди других! А вот он уже оторвался совсем и медленно настигает белую лошадь! Тироль как будто не бежит, а летит по воздуху над землей. Шея вытянута, голова вперед, грива и хвост по ветру! Лошади идут голова к голове...

— Тиро-оль! — ору я, подпрыгивая на барьере.

Голова Тироля с оскаленными зубами выплывает вперед... как в кино... и вдруг сильные руки ставят меня на пол, «Привет от Вернера» сам вскакивает на барьер, взмахнув, как птица, руками, и проваливается туда — через барьер — в яму... Над моим ухом оглушительно верещит свисток... Что такое?

— Что такое? Was ist das? Что? Was? Was? Was?

— Verdammt! Проклятье!

— Где он? Wo ist er?

Все расступаются, какое-то черное пальто отталкивает меня и свешивается через барьер, рядом еще двое в таких же черных пальто и котелках... люди вокруг стоят кольцом... они молча сторонятся...

— Er ist weg! Verdammt noch ein Mall! Ero нет! Проклятье!

Трое кидаются в толпу, к выходу. Я ошеломлен. Что такое? Отец незаметно берет меня за руку.

— Пошли, — говорит он тихо.

Мы пробираемся к выходу.

— А где... — начинаю я.

— Молчи! — говорит отец и тащит меня.

Я иду сам не свой. Мы выходим в кассовый зал. В зале тихо. Люди стоят кучками, переговариваясь. Но тех не видать. И нашего друга тоже...

— Где мама? — говорю я.

— Я здесь!

— Скорей в машину! — говорит отец.

Мы идем к выходу на улицу. Отец взмахивает рукой, и к нам подъезжает такси. Мы садимся: отец впереди, я с мамой сзади. В голове у меня свистки, крики, мелькание лошадей, прыжок через барьер... Все смешалось в моей голове! А выигрыш?

— А выигрыш? — говорю я.

— Помолчи, — говорит отец.

Я понимаю, что сейчас говорить неудобно. Из-за шофера. Зачем это он прыгнул? Его хотели арестовать, вот что! Но он убежал! Убежал! Ловко же он убежал! Мне становится весело! И тут я вспоминаю про коробку — маленькую коробку — в кармане штанов... Я щупаю ее рукой: вот она! Сейчас ее, конечно, передавать нельзя. Из-за шофера. О, это очень непростая коробка! Там должна быть какая-то записка, привет от Вернера, вот что! А все-таки жаль выигрыш! Интересно, сколько это я выиграл? А может, я ничего не выиграл? Может, опять вырвалась белая лошадь?

Мы доезжаем до какого-то угла и выходим.
И сейчас же входим в маленькое пустое кафе. Черные стены с красными цветами, красные занавески, красные мраморные столики. Мы садимся в углу. Сразу подбегает улыбающаяся официантка.

— Коньяк, кофе, пирожное и сбитые сливки... — говорит отец.

Официантка убегает.

— Это удивительно, как они его выследили! — тихо говорит отец.

— Ничего удивительного! — говорит мама.

— Он король конспирации! — говорит отец.

Официантка ставит заказ на стол и опять убегает.

— А у меня... — начинаю я.

— Молчи! — говорит отец.

— А у меня...

— Ты не можешь помолчать?

— Коробка! — говорю я.

— Какая коробка?

— Вот, — я кладу на мраморный столик маленькую железную коробку... Она круглая, из-под леденцов.

Отец чуть не опрокинул свой кофе!

— Откуда у тебя эта коробка?!

— Это он мне дал! — говорю я гордо.

— Это другое дело! — отец радостно улыбается. — Значит, все в порядке! Что же ты сразу не сказал?

И мама улыбается. Они прямо сияют — отец и мама. Вот какая важная эта коробка!

— Там что — леденцы? — спрашиваю я.

— Леденцы! — смеется отец.

В коробке действительно леденцы! Отец вытаскивает из-под конфет белую, сложенную четырехугольником записку, а коробку отдает мне. Я сразу кладу в рот леденец. И запиваю его кофе. Очень вкусно!

— Молодец ты! — говорит отец, прочитав записку. — У меня прямо от сердца отлегло...

— А этот — «Привет от Вернера» — убежал? — спрашиваю я.

— Наверно, убежал, — говорит отец. — Это мы проверим! Но теперь ему надо будет нырнуть...

— Куда нырнуть?

— В глубину! — смеется отец.

— Как рыба?

— Как рыба! — смеется отец.

И мама смеется. И я, конечно, тоже смеюсь.

— Меня еще интересуют две вещи, — говорю я.

— Какие? — улыбается отец.

— Первое — борода! Он что, наклеил бороду?

— Конечно, — говорит отец. — Не могла же она вдруг вырасти! А второе что?

— А второе — мой выигрыш! Выиграл я или нет?

— Да черт с ним, с этим выигрышем! — говорит отец.

— Может, первым пришел Нокдаун? Белая лошадь? — спрашиваю я.

— Нет, Тироль пришел первым! — говорит отец. — Когда они перешли черту финиша, Тироль был впереди на целую шею! Это я видел!

— И я видела! — говорит мама.

— А сколько я выиграл?

— Ты хочешь получить свой выигрыш? — спрашивает отец.

— Ну да!

— Это невозможно! — качает он головой.

— А сколько я выиграл?

— Наверное, много! — говорит мама. — На Тироля никто не ставил, значит, сумма приличная!

— Да, — говорит отец. — Марок семьсот, а то и больше!

— Семьсот! — выпаливаю я.

Я даже не могу себе представить, как это много... Сколько можно купить игрушек на эти деньги, подумать только!

— А почему их нельзя получить?

— Должен сам понимать! — говорит отец. — Назад возвращаться нельзя! Да еще за такой суммой! Это значит — обратить на себя внимание! Раз они там напали на след...

— Кто — они?

— Тайная полиция! Помнишь тех субчиков в котелках?

— Помню, — говорю я, и мне становится не по себе.

— Надо думать о деле! — говорит отец. — Дело прее выше всего!

— Какое дело?

— Партийное, — тихо говорит отец.

«Вот тебе и на! — думаю я. — Столько выиграл, а получить не могу! Я бы мог вернуть отцу деньги за железную дорогу — пятьсот марок! И еще осталось бы! Но — партийное дело! Партийное дело прее выше всего!»

— Ты не грусти! — говорит отец. — Дело не в деньгах! Все-таки ты выиграл — это раз! Это чего-нибудь да стоит! А потом... — он опускает руку в карман. — Вот тебе двадцать пять марок — купи себе что-нибудь! Что хочешь! Вот это и будет твой выигрыш!

Моя первая елка

Елку мы купили через несколько дней — замечательную большую елку!

Дома мы ее сразу распаковали и установили в углу моей комнаты. Она расправила свои широкие пушистые лапы и обняла весь угол! В квартире сразу запахло смолой, хвоей, Москвой! Нашей подмосковной дачей запахло, вот чем! Эта елка была нам очень дорога, особенно мне, потому что это была моя первая елка, к тому же вдали от Родины. Теперь надо было ее наряжать! Но тут было одно «но»...

Дело в том, что елочных игрушек в магазинах продавалось множество — стеклянные шары и бусы, и разные фигурки животных, и еще фигурки богородицы с младенцем Иисусом на руках, белые восковые ангелочки с крыльями, картинки с изображением яслей, в которых родился Христос, и так далее. Все это в Германии вешали на елку или ставили под елкой на пол. Все это было не для нас. Но нам тоже хотелось повесить на елку что-нибудь очень важное, не просто какую-нибудь морковку или яблоко из марципана — это мы купили, — а что-нибудь особенное, что напоминало бы нам о Москве, о Советском Союзе. Допустим, изображение Кремля со Спасской башней! Или серп и молот.

Или красную звезду. И тогда мы с мамой решили сделать это сами.

Мы взяли бумагу, краски, ножницы и клей и работали целый день не покладая рук. Я в основном рисовал, а мама клеила и помогала мне развешивать. На ветках мы повесили золотые серпы и молоты, и длинную гирлянду красных флажков, тоже с серпами и молотами в уголках, а внизу, под елкой, рядом с Дедом-Морозом я поставил изображение Кремля со Спасской башней. Кремль я нарисовал на бумаге, потом наклеил его на картон, а мама его вырезала, и он стоял у стены, как живой! А на самой макушке елки мы укрепили большую красную пятиконечную звезду! В общем, елка получилась на славу, настоящая советская елка! Еще мы повесили на нее разные стеклянные шары и бусы, и позолоченные орехи, и конфеты, и фрукты и овощи из марципана, и укрепили на ней сверху донизу маленькие разноцветные свечки. Вечером, когда стемнело, мы их зажгли, потушив люстру, — и наша елка засияла, как в сказке! Она мерцала и переливалась всеми цветами радуги! Ведь огоньчки на ней были живыми, это был живой огонь, который тихонечко потрескивал и колебался, отражаясь в стеклянных игрушках, и в стеклянной посуде на столе, и в зеркале шкафа, и в темном зимнем окне... Вся комната наполнилась этим таинственным праздничным живым светом, тихим потрескиванием свечей — словно они о чем-то шептались — и запахом подмосковных лесов! Я крикнул «ура» и бросился танцевать возле елки!

В тот день я долго не ложился спать. Потому что я был очень возбужден елкой. А потом предстояла рождественская ночь, и были гости. Первой пришла фрау Аугуста. С первого взгляда ей наша елка очень понравилась, старушка даже ахнула и всплеснула руками. Потом фрау Аугуста подошла поближе и опять ахнула, но уже не восторженно, а как-то тихо и растерянно. Ее смутили наши игрушки — красная звезда, и серпы и молоты, и Кремль под елкой.

— А где же ангелочки? — вырвалось у нее.

— Мы же не верим в бога, фрау Аугуста! — крикнул я. — Мы же большевики!

— Na, ja! — прошептала фрау Аугуста, то есть «ну, да!» — Это ваша звезда? — спросила она.

— Это наша красная звезда! — сказал я. — Пятиконечная! Пять концов этой звезды говорят о том, что коммунисты скоро победят во всем мире, во всех пяти частях света!

— Na, ja, — сказала фрау Аугуста.

— А вот это серп и молот! — объяснял я. — Я сам раскрасил! Это наш символ мирного труда!

— Na, ja, — повторила она.

— А вот это наш московский Кремль! В нем работает правительство! Там возле Кремля, в Мавзолее, спит Ленин. А перед Мавзолеем бывает парад!

— Вот что! — склонилась над Кремлем фрау Аугуста. — Это ваш самый главный дворец?

— Самый главный! — подтвердил я.

— Na, ja, — пробормотала она опять и села в кресло.

А потом пришел Вернер. Он, конечно, совсем по-другому отнесся к нашей елке, хотя тоже был немцем и с детства воспитывался на этих немецких елках. Он сразу сказал:

— Вот это елка! Это я понимаю! Это первая настоящая елка в моей жизни!

Я очень обрадовался и сказал:

— И в моей!

Праздники кончились. Улица опять стала деловой и скучной, только у нас дома по вечерам продолжала сиять елка, потому что приближался старый русский Новый год и мой день рождения. Так что мы праздновали еще две недели. Четырнадцатого января мне должно было исполниться целых семь лет! Осенью я дол-

жен был идти в школу, но не в Берлине, а в Москве, потому что мы вскорости должны были вернуться в Москву. И я очень хотел в Москву! Иногда мне очень хотелось увидеть наш дом на Кузнецком, и памятник Воровскому, и Кремль! Мне хотелось увидеть Гизи, и Вовку, и даже Ляпкина-маленького. Я скучал по дому. Там ведь я чувствовал себя свободнее. И проще. И друзей у меня там было больше. Здесь у меня не было друзей, кроме Вернера.

Вернера я все время звал с собой, в Москву. Я говорил ему, что обещал Гизи привезти его с собой. И Вернер, конечно, очень хотел приехать. Но он говорил, что это не так просто. Он говорил, что у него здесь партийная работа, что он не может просто потому, что ему хочется, повидать Гизи, и Москву, и Кремль — взять и поехать! Сейчас его место здесь, где он работает для нашего общего дела. И еще он говорил, что принадлежит не себе, а партии, немецким рабочим, а партия его сейчас никуда отпустить не может. Когда-нибудь он непременно приедет! Неизвестно только когда!

У Вернера сейчас очень много работы, говорила мама. Где-то там началась крупная стачка, и Вернер руководил этой стачкой. На одном заводе уволили рабочих, товарищи вступились за них и тоже бросили работу. Тогда хозяева завода вызвали штрейхбрехеров, чтобы не останавливать завод — чтобы эти предатели работали, — но рабочие выставили у ворот завода пикеты и штрейхбрехеров прогнали! Их пытались провезти в полицейских машинах, под охраной, но все равно ничего не вышло — рабочие их так и не пропустили. Очень много рабочих забастовало, вот в чем дело. Они были сильны! Они требовали возвращения своих товарищей на завод и повышения зарплат. Переговоры с хозяевами завода затянулись, потому что хозяева не хотели уступить, и рабочие не хотели уступать — нашла коса на камень, как говорится. Там шла целая война между рабочими с одной стороны, хозяевами и полицией — с другой. Многие рабочие голодали, и, главное, голодали их дети, потому что отцы и матери долго не получали зарплат. Семьям бастующих помогали рабочие других заводов, и МОПР им помогал, — помните, я рассказывал вам про МОПР? Я ведь сам был членом МОПР'а. Эта помощь была очень важна, потому что благодаря ей рабочие могли держаться, а они должны были держаться как можно дольше, чтобы победить хозяев, чтобы выиграть!

Потому-то мы Вернера теперь и не видели — где-то он там выступал на митингах, стоял в пикетах, дрался с полицией, а по ночам урывками спал на столах в стачечном комитете. Жизнь у него была нелегкая, можете себе представить! Не говоря уже о том, что каждую минуту его могли арестовать.

Стачка все продолжалась, шли дни, наступила весна. Отец приходил из посольства поздно. А мы с мамой пропадали по целым дням в Груневальде.

Снег в парке уже почти весь сошел, он лежал синими тенями только кое-где под деревьями. Солнечные лужайки были покрыты зеленым ежиком травы, деревья одевались в сине-зеленую дымку, а глубокие овраги были полны грязной талой воды. Зато в аллеях было чисто, они были посыпаны свежим песком и арко желтели на солнце.

Черный цыпленок

Накануне Первого мая Вернер вдруг пришел к нам поздно вечером. Отец еще не приходил с работы, мы с мамой были одни. Я уже лежал в кровати, готовый заснуть, как вдруг раздался звонок, потом щелкнул замок, и я услышал тихие голоса.

— ...und Jura? — услышал я голос Вернера.

— Er schläft schon, — сказала мама. — Он уже спит!

— Я не сплю! — крикнул я весело.

— Aha, — рассмеялся Вернер. — Der ist aber schlau! Вот хитрец!

Вернер был теперь редкий гость, и очень хотел меня видеть, и поэтому мама тоже была рада, что я не сплю. Они сразу вошли в комнату. Вернер был в черном костюме с красной гвоздикой в петлице. «Это он ее прицепил в честь Первого мая!» — подумал я. Я знал, что гвоздика — революционный цветок. И в руках у Вернера был маленький яркий букет красных гвоздик. Он вручил его маме.

— С наступающим! — сказал он.

Вид у Вернера был усталый, но веселый. Он похудел и уже немного загорел на своих весенних митингах. Под глазами лежали синие тени, как снег в Груневальде, обветренные скулы выступали резче, бледные губы плотно сжаты, а волосы на голове были как солнце.

— Давно я хотел тебя видеть, — сказал он, — но все не мог.

Я молчал. Мне почему-то стало грустно — может быть, потому, что вид у него был такой усталый.

— Долго еще продлится эта стачка? — спросила мама.

— Конец близок, — сказал Вернер. — И мы должны победить.

Он улыбнулся.

— Дело вот в чем, — продолжал он, все еще улыбаясь; улыбка в его глазах разгоралась, освещая тонкое лицо внутренним светом: — Дело вот в чем — вы, наверное, скоро уедете?

— Да, — сказала мама. — Очень скоро... Иосифа отзывают.

— Я тут принес один пустячок, — Вернер полез в карман. — Для Гизи...

Он достал маленький сверток, что-то завернутое в тонкую шелковистую бумагу.

— На-ка, разверни! — протянул он его мне. Я долго разворачивал шуршащую бумагу — ее было много — и в самой середине этого вороха оказался маленький пушистый цыпленок! Он был совсем черный, с розовым клювиком! И еще там лежал железный ключик: цыпленок был заводной...

— Какой смешной! — сказал я. — Черный!

— Черные цыплята тоже бывают, — сказала мама. — Правда, редко!

— Я знаю! — сказал я. — Я видел у Вани на даче! Мне этот цыпленок напоминает Гизи, — сказал Вернер. — Такой же черненький, как она...

И я тоже увидел, что этот цыпленок похож на Гизи! — Заведи-ка его! — сказал Вернер.

Я взял ключик, нащупал в боку у цыпленка граненый железный стерженек и завел. Потом я поставил его на тумбочку возле кровати, и цыпленок стал весело танцевать! В животе у него тихо жужжало, а он переступал по стеклу розовыми лапками, взмахивал куцыми крылышками и вертел головой.

Я смотрел на этого смешного цыпленка, а видел перед собой Гизи, и наш дом на Кузнецком, и памятник Воровскому... Я как-то сразу почувствовал, что мы уезжаем!

Когда цыпленок затих, Вернер сказал мне:

— Прошу тебя передать его Гизи! Когда-то мы с ней увидимся, просто не знаю! И еще передай привет Москве, — сказал он. — Ну, а теперь спи!

— Я не хочу спать! — сказал я. — Я тебя так давно не видел!

— Может, мы немножко посидим здесь? — спросил Вернер, глядя на маму.

— Конечно! — встрепетулась она.

Мама быстро сварила кофе, поставила дымящийся кофейник и чашки под лампой на тумбочке, и они с Вернером устроились рядом в креслах. Они разговаривали, а я закутался в одеяло и слушал.

— Нелегкий будет завтра день, — сказал Вернер. — Сошло бы все гладко...

Он имел в виду первомайскую демонстрацию.

— Все будет хорошо! — сказала мама.

— Полиция на ногах, — сказал Вернер. — Всюду шпики. И фашистские молодчики тоже что-то затевают...

— Где сбор? — спросила мама.

— Мы распустили слух, что сбор у Тиргартена... но это нарочно! Мы соберемся у вокзала и пройдем здесь, мимо вас...

И тут я заснул. Просто не понимаю, как это я так быстро заснул! До сих пор не могу себе этого простить!

Когда я утром проснулся, в комнате было тихо и пусто. Только на тумбочке, освещенной лучом майского солнца, стоял грустный черный цыпленок: у него был такой вид, как будто он пришел сюда сам и никакого Вернера не было...

Первое мая

Первое мая началось торжественно и вместе с тем пусто.

Мы стояли на балконе у фрау Аугусты.

Улица была пустынная, она словно ушла в себя, в свои подворотни и дома, приглушенная и настороженная. Ожидание демонстрации было разлитое в воздухе, в холодном первомайском солнце, в наспуленных карнизах домов. В этом ожидании не было торжественности, торжественность была в нас!

Я с утра повязал красный галстук, который мне подарили в Кремле, а отец вдел в петлицу гвоздику из вернеровского букета. И мама прицепила к платью гвоздику. А фрау Аугуста не прицепила, но она ведь не праздновала Первое мая! С минуты на минуту внизу по улице должен был пройти Вернер со своими рабочими. Мы очень волновались. Фрау Аугуста, немного возбужденная, стояла рядом. Она говорила, что сочувствует рабочим и жалеет Вернера. «Не надо всех этих демонстраций и политики! — говорила она. — Вернер такой способный человек, зачем ему со всем этим связываться! Он всегда нашел бы себе работу у порядочного дельца! Много ли человеку надо!..» Так говорила фрау Аугуста. Она ничего не понимала в Революции. И в жизни рабочих. И в том, что человеку надо много, очень много: в высшем смысле, конечно. Она не понимала всего этого, и мне было ее немножко жаль.

На балконе было прохладно, дул ветер, но мы не уходили. Я смотрел сквозь железную решетку на вылизанную ветром улицу. Фрау Аугуста все о чем-то тихо говорила, излагала какие-то свои мелкобуржуазные мысли. А мы молчали. Мама сказала, что с фрау Аугустой надо вообще говорить поменьше.

Я вспомнил, как начинается Первое мая у нас, в Москве. Я вспомнил разукрашенные дома и предпраздничное оживление на улицах. И разноцветную иллюминацию по вечерам, которую мы всегда ходили смотреть в центр. И парад на Красной площади. Я часто ходил с родителями на парад, на трибуны возле Мавзолея. В Москве Первое мая было веселым и радостным, а тут...

И вдруг мы услышали песню! Это пели рабочие, их еще не было видно, они шли еще где-то там, за домами, левее, а песня, как это всегда бывает, опережала их, неслась впереди, над пустой мостовой:

Drum links! Zwei, dreil
Drum links! Zwei, dreil
Wo dein Platz, Genosse, ist?
Rein dich rein und die Arbeiter-
Einheitsfront,

Weil du auch ein Arbeiter bist!

Песня звучала все громче, чрезвычайно энергично, в ритме шагов:

И — левой! Два! Три!
И — левой! Два! Три!

Приходи, товарищ, к нам!
Ты войдешь в наш единый
Рабочий фронт,
Потому что рабочий ты сам!

Обхватив прутья решетки, прильнув к ним лицом, я впился глазами в конец улицы... Там полыхнуло красным, и я увидел человека с красным флагом. За ним показался маленький оркестр — барабанщики и флейтисты. А дальше уже вливалась в улицу темная масса голов, над которыми колыхались плакаты — белые буквы на красном. Рабочие шли сомкнутой колонной, по четыре в ряд. Они приближались к нашему дому. Гулкие шаги сотен ног заполняли пространство. В едином с ними ритме звучали флейты и барабаны.

Кое-где на балконах и в окнах домов показались люди. Другие окна, наоборот, с треском захлопывались. Какой-то мужчина на балконе напротив приветственно поднял кулак навстречу рабочим. В первых рядах колонны тоже взметнулись кулаки:

— Rot Front! — ответила колонна.

Я тоже поднял кулак и восторженно закричал:

— Rot фронт! — и мой голос потонул в общем крике.

Я узнал человека с флагом — он смотрел на меня, прямо в глаза мне!.. В вытянутых руках он держал древко, и алое полотнище, колыхаясь, осеняло спутанные золотые волосы.

— Это Вернер! Смотрите! — крикнул я. — Смотрите!

— Ах! — всплеснула руками фрау Аугуста. — Это ужасно!

«Что ужасно? — промелькнуло у меня в голове. — Почему? Это прекрасно!»

— Фашисты! — сказал отец.

Я посмотрел вправо — куда смотрели отец, и мама, и фрау Аугуста — и увидел фашистских молодчиков, выбегавших из подворотен и подъездов... они что-то кричали и размахивали камнями и палками, а позади слезали с автомобилей полицейские в высоких касках, с дубинками в руках.

— Auseinandergehen! — прогремела в рупор команда. — Разойдись!

— Wir fürchten Karabiner, Gummiknüppel,
Schako nicht! Wir gehen drauf und dranh!
Rot Front!* — запели рабочие.

Фашисты и полицейские бросились на рабочих одновременно...

В мгновение все смешалось — внизу шел бой! — я видел сверху головы и плечи, — руки, наносившие удары — над толпой мелькали черные дубинки полицейских, палки, камни фашистов — рабочие кулаки — звенели стекла — я увидел Вернера с флагом — потом руку с пистолетом — раздался выстрел, и Вернер упал, — и я заплакал, сжимая пальцами ржавые прутья, прижимаясь к ним лбом — меня тянуло вниз, в эту бездну, где два полицейских тащили Вернера по камням, оставляя кровавый след — мама пыталась разжать мои пальцы — «немедленно! немедленно!» — кричал отец, оттаскивая меня за плечи, — а я плакал, вцепившись в прутья балкона...

Отцовская песня

Через два дня были похороны Вернера. Я тоже был на похоронах. И мама. Отец взял нас с собой.

С похорон мы вернулись усталые. Надо было очень много пройти — по городу, а потом за городом, и стоять на кладбище во время митинга. Всю дорогу нас сопровождала полиция, но все сошло спокойно.

* «Мы не боимся карабинеров, дубинок, полицейских касок! Мы наступаем! Rot фронт!» — песня немецких коммунистов тридцатых годов.

Вернувшись домой, мы долго вспоминали эти похороны, переживали их снова. Мы вспоминали, как шли за черным гробом, утопавшим в красных гвоздиках. Мы шли сзади, а впереди блесст медными трубами оркестр. Он все время играл «Реквием». Этот реквием написал Моцарт — великий немецкий композитор. Это великая музыка, в ней сказано все о человеческой смерти. И о жизни.

Мама все время плакала. И многие плакали. Но отец не плакал. И я тоже. Я думал о живом Вернере, и о Гизи, и о черном цыпленке, и — почему-то о Воровском.

Так мы сидели дома и вспоминали этот ясный весенний день на кладбище, дымчатую зеленую листву на деревьях, свежие комья сырой земли возле открытой могилы. И выступления рабочих — друзей Вернера.

Мы вспоминали безмолвные ряды полицейских, оцепивших кладбище. И вездесущих шпиков в черных пальто и котелках, сновавших вокруг.

Когда гроб опустили в могилу, все стали бросать туда горсти земли. Тогда мы тоже прошли вперед и бросили по горсти.

Мы это все снова переживали, сидя дома, в комнате отца. За окном быстро темнело, надо было ужинать. Но ужинать мы не могли.

Мы говорили о Гизи, о ее маме и о том, что вот — они даже не смогли приехать на похороны! И о том, что мы скоро поедем домой, и все им расскажем, и я передам Гизи цыпленка.

Я достал сверток и развернул цыпленка, и поставил его на стол... и он вдруг затанцевал! В нем еще сохранился завод! Но от этого танца мне стало страшно!

— Как я его передам? — сказал я. — Мне будет страшно его передавать!

— Надо передать, — сказал отец. — Именно ты должен его передать!

Мама взяла затихшего цыпленка и погладила его по голове.

— Как Вернер странно его принес! — сказала она. — Как будто он уже тогда чувствовал...

— Подождите, — сказал отец. — Я спою песню...

Отец запел, почти не растягивая слов, совсем тихо:

О чем эта песня
В степи у огня?
Как сына отец
Поднимал на коня!

Как вместе полями
Скакали они,

Смеялись и пели
В счастливые дни...

Обычная песня,
С обычным концом:
О доле казачьей,
О сыне с отцом.

О чем эта песня
За тихим столом?
О том же коне
С опустевшим седлом.

Поникшие с гривы
Висят поводья.
Отец не вернется
Домой никогда.

Бесстрашно с врагами
Рубился казак!
Что смерть его встретит —
Не думал никак...

О чем эта песня
В полынних кустах?
То клятва звучит
На сыновних устах.

Сын в юные руки
Берет поводья —
Он в битву помчался!
Так было всегда...

Так было когда-то,
И будет опять:
Что сын за отца
Должен песню кончать...

Мы с мамой сидели и слушали, глядя в темное окно,
а потом я спросил:

— Откуда эта песня?

— Это старая песня! — сказал отец. — Ее пел мой
отец — твой дедушка...

— А ты ее пел про Вернера?

— Про всех нас, — сказал отец. — И про Вернера
тоже...

— А кто же будет кончать его песню? — спросил
я. — Если у него сына не было?

— Зато у него Гизи! — сказал отец.

— Но она же дочка!

— Иные дочери бывают похрабрее сыновей! — ска-
зал отец. — А теперь пошли спать!

«Интересные слова он сказал!» — думал я, засыпая.
Я тогда еще не знал, что все так и будет!

Сон

Ночью ко мне пришел памятник Воровскому, как тог-
да, в Москве.

Я не удивился, когда он вошел в комнату, большой и
взъерошенный, несмотря на то, что из камня. В пет-
лице у него была черная с красным ленточка.

— Это у тебя траур по Вернеру? — спросил я.

Он кивнул и сел ко мне на кровать, как тогда.

Я не удивился, но все же спросил:

— Как ты приехал? А Москва? Теперь ты будешь сто-
ять здесь?

— Нет, это мгновенье, — сказал Воровский. — Никто
не заметит, что я здесь...

— А как тебе удалось перейти границу?

— Это потому, что я — твои воспоминания, — сказал
Воровский. — Ты обо мне думаешь, вот я и пришел.
И на похоронах Вернера я тоже был... Я был с вами
незримо. Потому что ты обо мне думал.

— Да, — сказал я.

— Вот и уходит твое детство! — сказал вдруг Воров-

ский. — И писем ты мне больше писать не будешь! —
он улыбнулся каменной улыбкой.

Мне стало как-то неловко. Я действительно не со-
бирался ему больше писать. Хотя теперь-то я знал все
буквы!

— Я же был тогда маленький! — сказал я. — Но я
тебя все равно не забуду! И Вернера!

— Мы всегда будем с тобой: там, куда уходит твое
детство... — сказал Воровский. — А все же мне будет
грустно без твоих писем!

— Ты говоришь, что мое детство уходит? Куда?

— В воспоминания! — сказал Воровский. — Все на
свете уходит в воспоминания. И надо жить так, чтобы
эти воспоминания были хорошими, чтобы ты мог ими
гордиться...

— Чего уж тут хорошего! — сказал я. — Вернера уби-
ли! И тебя тоже!

— Разве ты не гордишься Вернером? — спросил он.

— Горжусь! — сказал я. — Но тяжело, когда...

— Вот то-то и оно! — перебил меня Воровский. —
Даже тяжелыми воспоминаниями можно гордиться! И
учиться на них, чтобы не оплошать, когда пробьет твой
час...

— Я не оплошаю! — сказал я.

— В этом я уверен, — кивнул Воровский.

И я кивнул.

— Главное — быть смелым и бороться за наше об-
щее дело, как говорил Вернер... Тогда никакие воспоми-
нания не будут страшны. Никакой конец, даже трагиче-
ский... Он все равно будет хорошим и светлым!

— Как у тебя?

— Как у нас, — сказал Воровский.

— И у меня?

— У тебя еще все впереди! — улыбнулся Воров-
ский. — Твое детство только начинает от тебя уходить.
Оно уже сделало первый шаг и стоит у порога... Ско-
ро ты вернешься в Москву и пойдешь в школу, а по-
том в институт... или в армию... тебя ждут большие де-
ла! И надо, чтобы в этих делах главным была Револю-
ция!

— Война?

— Не обязательно! Но может быть и война... Хотя
Революция может быть и без войны: учиться, сомневать-
ся, искать, ненавидеть и любить — это тоже Революция!
Ну, мне пора...

— Когда ты вошел, тебя никто не заметил? — спро-
сил я.

— Они спят! — сказал Воровский. — Я всех видел...

Спит Гизи здоровым сном неведения: она еще ничего
не знает! Спит Вовка, и ему снится сон о пионерском
слете. Спит Вернер в свежей могиле, и ему уже ничего
не снится! И я сам сплю! Но не спят часовые Револю-
ции! Потому что живет наше общее дело...

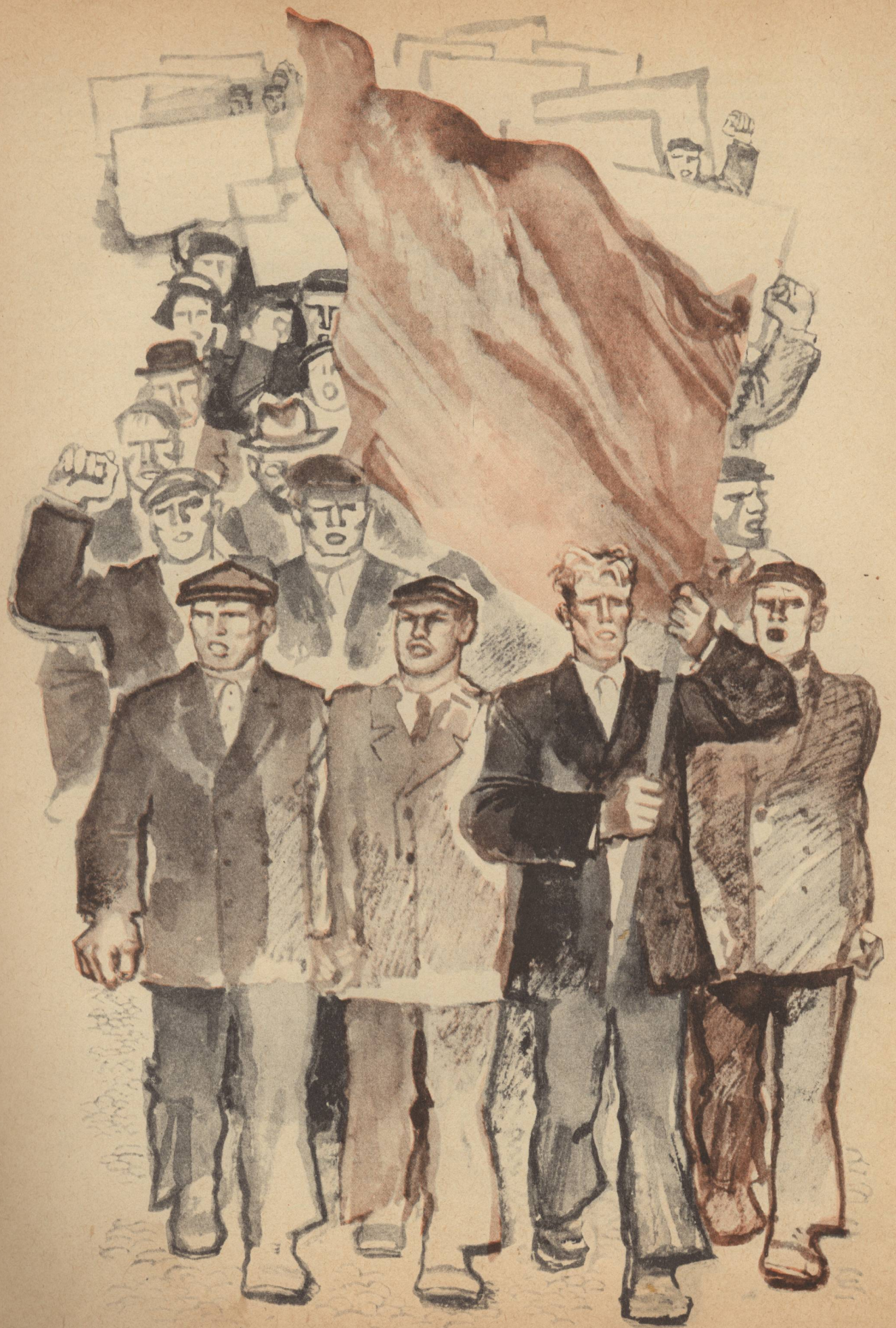
Воровский все это говорил, как стихи, все тише и
тише, пока не замолк, не исчез в темной берлинской
ночи...

Я начинал эту повесть в тумане и кончаю ее тоже в
тумане: в тумане времени.

В этом тумане я вижу, как мы уезжаем из Берлина,
где уже дышит лето, и приезжаем в Москву, где нас
опять встречает весна.

Я вижу, как в вечер приезда я вручаю Гизи цыплен-
ка — посмертный подарок отца. Гизи молча берет его,
глядя на меня огромными глазами, и уходит за ширму.
И там долго плачет. И мы не мешаем ей плакать...

Так закончилось мое первое детство, мое безжуж-
жащее утро. Настоящее утро и день — еще не начинались.
А кончились они много-много позднее. Детство ведь
бывает очень долгим. И время там идет медленно. По-
том, когда вы вырастаете, оно помнится быстро! Сейчас,
например, мое время летит, как на Луну ракета... хотя
я сам живу медленно. А у вас, ребята, наоборот: сами
вы живете быстро, а ваше время движется медленно,

только еще набирая скорости! Пусть ваше детство будет медленным и прекрасным. Как безоблачное утро в тумане. И никогда не спешите с ним расстаться, несмотря на то, что порой нам так хочется этого. Пусть оно идет медленно и получше запомнится вам. Чтобы было потом что вспоминать.

Эпизод, или взгляд в будущее

Несколько слов о судьбе героев этой повести.

Лучше всех, пожалуй, сохранился памятник Воровскому. Он стоит все там же, перед тем же домом, хотя в доме уже давно не Наркоминдел. Когда я случайно бываю рядом, я захожу во двор моего детства и долго смотрю на Воровского, и кажется, что он мне подмигивает. Хотя я понимаю, что это мне только кажется. И во сне он ко мне тоже больше не приходит. Сейчас мне снятся другие сны, все больше война.

Родители мои умерли — Иосиф и мама — и многие умерли, которые жили на страницах этой книги. Ведь столько было с тех пор, о чем я еще не написал!

Зусман умер, и Жарикова умерла, так и не дождавшись, что Вовка станет художником. Между прочим, художником он не стал, мой самый лучший друг Вовка. Зато он остался моим другом. Мы с ним иногда переписываемся, когда нам очень трудно, или, наоборот, когда очень хорошо, а иногда — раз в несколько лет — он бывает у меня в Москве. И я у него несколько раз был: это очень далеко, за полярным кругом. Там Вовка работает орнитологом на биостанции: изучает птиц. У него очень милая жена, которая иногда в шутку зовет его по фамилии: Зусман, и двое мальчиков, таких же рыжих, как он, и очень похожих на него в детстве. Так что вместо одного Вовки у меня сейчас три! Художником мой друг не стал, может быть, потому, что на войне ему оторвало правую руку. Но делает он свое новое дело так же увлеченно, как все, чем занимался в детстве. И так же мне с ним интересно, как было когда-то. И так же он знает обо всем на свете. И так же я могу на него положиться, как когда-то, когда он заступался за меня во дворе.

Несколько слов о Гизи — о моей далекой и самой первой любви... И тогда, когда я еще называл свою любовь дружбой, и позже, когда мы учились в разных школах и виделись лишь иногда, потому что наши мамы стали реже общаться — жили мы в разных концах Москвы, — и тогда, изредка встречая ее и зная, что и она знает, что я ее люблю, но опять стесняясь, как в самом начале нашего знакомства, я в глубине своих мыслей всегда о ней думал... Такая она была веселая, и скромная, и красивая! Один только раз я встретил ее невеселой. Это было в самом начале войны...

Я случайно встретил Гизи на площади Пушкина, в толпе возле столба, на котором содрогался черный репродуктор. «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» После этих слов репродуктор замолчал, суровая толпа людей еще некоторое время молча стояла под ним, потом стала медленно расходиться. Мы с Гизи тоже пошли по площади. Мы пошли к памятнику Пушкина и там сели на лавочку.

Гизи была все такой же яркой и красивой, как в далеком детстве. Но фарфоровый румянец исчез, сейчас она стала смуглой, высокой и стройной девушкой. Мы вспомнили, как я учил ее пить рыбий жир, и Гизи улыбнулась. Но улыбка получилась невеселой, и глаза

смотрели сурово... Ведь она была немкой! Невесело было быть немцем в те годы, да и сейчас еще невесело, когда вспомнишь, что почти весь немецкий народ поверил в своего сумасшедшего Гитлера и ринулся с ним на целый мир. Я говорю «почти», потому что оставались среди немцев такие люди, как Гизи, которым было все это особенно тяжело. Они переживали это, как свою трагедию.

Мы долго говорили с Гизи в тот страшный день, сидя на лавочке возле печального Пушкина. Гизи говорила мне о том, как ей тяжело. Что ей кажется, что все москвичи смотрят на нее с презрением и ненавистью. Какие-то люди во дворе, где она сейчас жила, обозвали ее фашисткой. Она сказала, что понимает этих людей, хотя ей и больно. Она еще докажет, какими должны быть настоящие немцы! — сказала Гизи. В тот год она только что кончила десятый класс, как и я. Мы с ней оба были комсомольцами. Я был допризывником и ждал со дня на день повестку в армию. Гизи не ждала повестки, девочки ведь невоеннообязанные, но она сказала, что сегодня же пойдет в военкомат и поговорит с начальником. Что она подаст заявление, чтобы ее взяли на фронт, ведь она знает немецкий и могла бы быть переводчиком. Она сказала, что в Москве есть друзья ее отца, коммунисты, и они ей помогут. А еще лучше стать разведчиком, сказала Гизи. Я сказал, что тоже хотел бы стать разведчиком, или летчиком, но не знаю, куда меня возьмут.

Долго мы говорили в тот день, говорили в последний раз — больше я Гизи не видел. Страшная война раскидала нас в разные стороны. Я потерял след Гизи, хотя долго разыскивал ее — и во время войны, и после, навел на нее разные справки, — но все было бесполезно. Совсем недавно я случайно узнал о ее судьбе...

Вскоре после той нашей встречи, когда фашисты были уже под Москвой, Гизи поступила в разведшколу. Взяли ее туда как дочь погибшего немецкого коммуниста. Гизи проучилась там несколько месяцев, а потом ее забросили в тыл врага со специальным заданием. Она должна была пробраться в гестапо и стать переводчиком у немцев. Гизи все прекрасно удалось. Целый год она успешно работала у врага, где-то на юге, бесстрашно передавая нашей разведке важные сведения. Присутствовала она и при допросах наших пленных. Один раз, во время допроса, один из пленных, учившийся вместе с Гизи в десятилетке, узнал ее! Он решил, что она предательница... С кулаками кинулся он на нее вне себя от гнева и невольно все выдал. Судьба Гизи была решена: после страшных пыток ее расстреляли. По документам, которые попали мне в руки, я увидел, что Гизи держалась перед фашистами храбро, что она никого не выдала и умерла героически.

Гизина мама умерла на второй год войны, далеко от Москвы и Берлина — в казахстанских степях. Наверно, она умерла от горя, узнав о гибели Гизи.

Так погибла вся их семья.

Это очень страшно, когда погибает вот так целая семья. Когда от целой семьи, как от кустика, не остается ничего: ни одного цветочка, ни одного побега, ни даже сухого корешка! Как будто этой семье вовсе и не было! Но она была — свидетель тому моя книга.

Много прекрасных людей погибло за эти годы. Они погибли для того, чтобы лучше жили мы с вами, — говорим мы себе, и это так! Но эта мысль не излечивает. Есть в этих словах неразрешимая печаль. Печаль для всего человечества.

ВОТ ТАК ШТУКА!

Всемирное обозрение
всяческих технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

**ВЫПУСК
ТРИНАДЦАТЫЙ**

ОДЕЯЛО ИЗ МЕТАЛЛА

Весит одеяло всего пятьдесят пять граммов и умещается в кармане. Его сделали чехословацкие текстильщики. Они покрыли стеклянную ткань пленкой из полиэфира. А на пленку нанесли тончайший слой алюминия.

Под одеялом очень тепло, потому что металл в сочетании с полиэфирной пленкой и стеклянной пряжей задерживает до девяноста процентов тепла.

Если перевернуть одеяло вверх металлом — под ним можно спать на самом солнцепеке: металлическая поверхность отражает тепловые лучи.

ЩИТЫ ИЗ БУМАГИ...

Обычно в северных районах вдоль автострад и железных дорог устанавливают щиты, которые защищают магистрали от сугробов. Делают щиты из дерева.

В Финляндии, в научно-исследовательском центре целлюлозно-бумажной промышленности, построили противоснежный щит из бумаги. Это не обычная бумага, а так называемый крафт. Для прочности его еще покрыли с двух сторон пластическими массами и укрепили сеткой из стеклянного волокна.

Сезон испытаний показал, что бумажные щиты очень надежны. К тому же они в два раза дешевле, чем деревянные.

Новым изобретением финских специалистов заинтересовались во многих странах, где зимой часто идет снег и метут метели.

БУМАГА ИЗ ТЮЛЬПАНОВ

Тюльпаны распускаются не на лугах, а на деревьях — такую картину можно увидеть на опытных участках Тбилисского научно-исследовательского института лесной промышленности.

Необыкновенные деревья, достигающие высоты шестьдесят метров, попали в нашу страну из Южной Америки. У них красивая и прочная древесина, которая идет на отделку мебели, облицовку кают пароходов и купе вагонов. Но особенно хороша бумага, получаемая из тюльпанных деревьев.

...И МОСТ

Сначала по мосту осторожно проехал пятитонный грузовик. Потом одновременно промчались шесть грузовых автомобилей.

Мост с честью выдержал оба испытания. В Соединенных Штатах Америки через высохшее русло реки перекинут этот необычный мост. Он сделан целиком из листов бумаги, клеенных особым клеем. В нем нет ни одного болта, ни одного гвоздя.

— Наш мост очень надежен, — говорят американские физики, которые делали для строителей расчеты на прочность и следили за склейкой конструкций.

КИРПИЧИ ИЗ МУСОРА

Битая посуда, консервные банки, обрывки газет, проволока, — все, что мы называем мусором, как ни странно, годится для строительства домов. Японские инженеры разработали новый способ производства кирпича. Обыкновенный мусор обрабатывается на прессе при температуре выше ста градусов — получают прочные блоки. Они покрываются со всех сторон цементной массой, которая не дает проникнуть воздуху внутрь кирпича и разрушить его.

Конечно же, новые кирпичи не такие прочные, как старые, или как железобетонные панели. Поэтому из них строят одноэтажные здания: жилые дома, склады, летние кинотеатры, киоски.

У НАС В ГОСТЯХ

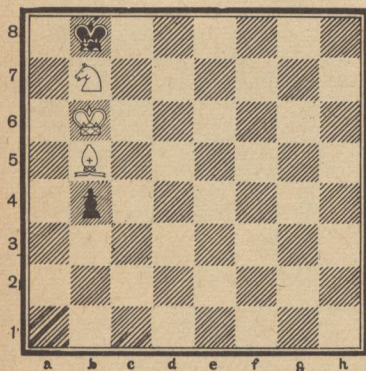

В АРЧЕБЕКЕ побывал барон Мюнхаузен...

— Устал! Только что с планеты Пульга. Чудом жив остался! Представляете, адмирал? Президент этой планетишки позволил себе ухмыльнуться, когда я намекнул, что в решении задач не имею равных. Я, конечно, возмутился:

«Как! Вы не верите мне, Мюнхаузену?! Да я за любое слово ручаюсь! И с любой задачей справляюсь за минуту!»

«За минуту? Прекрасно! Тогда вот (диаграмма) — мат в 4 хода. Не ре-

шите за минуту — извините, будем вас немножко казнить за обман. У нас такой закон.

Он засек время... И что вы думаете, адмирал? 32 секунды и — готово! 1. Cd7 Кра8 2. Кс5 Крв8 3. Каб+ Кра8 4. Сс6X. Блестяще, а? Однако президент заявил, будто это неверно! «Чепуха! Почему?!» — вспылил я.

«Ваша идет 2. Кс5, а наша тогда бьет 2...bc. Шах!»

«Как bc?! Как шах?! Черные пешки всегда ходят вниз!»

«Черные пешки всегда ходят вверх! Только вниз! Только вниз!»

«Не знаю где, но на Пульге — только вверх. Пульжане! Он обманул! Его требуется немножко казнить!»

— Представляете ситуацию, адмирал! Пришлось пустить в ход оружие не шахматное... Но этот президент — каков негодяй? Подсунуть мне неразрешимую задачу! Ведь если...

— Она решается, барон, — задумчиво произнес Ферзьбери.
— Конечно! При пешке, идущей вниз! Но...

— И при пешке, идущей вверх, барон, — так же тихо продолжал шахмат-адмирал. — Смотрите...

Доблестные рыцари, какой мат в 4 хода показал адмирал?

ОЛИМПИЙЦЫ, К БОЮ!

Шахматные рыцари! Олимпийский штаб получил и выносит на ваш суд два письма.

«В моей задаче белые дают мат в три хода, — пишет Юра Селявкин из Воронежа. — Попробуйте найти! Вот ее позиция — белые: Kph8, Ла1, Лh1, Сg3(4); черные: Кра8, пп. a7, b7 (3).»

Автор другого письма — Коля Зиновьев из Усть-Каменогорска. «Кто решит мой этюд?» — спрашивает он и предлагает отыскать путь белых к победе в положении — белые: Кра5, Фh2, Ke1 (3); черные: Кре4, Фе3 (2).

Как ваше мнение, рыцари?

Шашечные рыцари!

Чтобы увеличить вашу сумму олимпийских очков, вы должны указать победные комбинации в двух концовках.

А. (Валерий Хорин, Ижевск) — белые: a5, b2, b4, c3, c5, e1, g1 (7); черные: a7, b8, e3, e5, f4, f6, g3 (7).

Б. (Сережа Мальцев, Токаревка). — белые: a1, b2, c3, e1, e3, f2, g1 (7); черные: a5, b4, d6, f6, g3, h4 (6).

К выполнению боевого задания — приступите!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

«БЕЛЫЕ ДЕЛАЮТ НИЧЬЮ»

Отважные рыцарята АРЧЕБЕКА! Три наших рыцаренка — девочки Тая, Лена и Ира — соревнуются с чужой командой. После волейбола они продолжают прерванную партию. Запись положения вы обнаружите на рисунке, а вот как нашим девочкам, имеющим всего коня и пешку против ферзя, спастись на ничью — должны найти вы!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Шахматы. А. 1. Kb3! Б. 1. Ce2! d3 2. Кре3.

Шашки. А. 1. bc3! 2. cb4! 3. ab2! 4. ab4 5. bc5 6. gh6X. Б. 1. ab4 ba1 2. fe3! 3. ed4 4. cd2 5. gf2X.

За каждую верно решенную вами задачу впишите в свой «Листок учета» по 5 очков.

КИОСК „МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Много ли различных позиций может возникнуть при игре в шашки?

— Один известный математик подсчитал:

«Если в СССР ежедневно будет играть в шашки все население, включая младенцев и дряхлых стариков, каждый по 20 партий в день, то они смогут исчерпать все число возможных шашечных положений не ранее как за 60 000 триллионов лет! Это при условии, что в их игре не будут повторяться одинаковые партии».

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-олимпийцам и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 15 сентября.

§ 2. На конверте (левый верхний угол) указывать свой пароль и помечать «АРЧЕБЕК, № 6». В одном письме посылать только один рапорт.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Оформление
Р. Попова

Год издания 16-й

Савельич — так звали на «Канопусе», нашем рыболовецком траулере, тралмейстера.

Работа у тралмейстера нелегкая. Часть дня он проводит в трюме. Там у него свой отшкур, — помещение, где хранятся всевозможные сети, тросы, буй, кухтыли, корзины с ярусами, — ярус это снасть такая со множеством острых крючков, — грузила, блоки, рукавицы брезентовые, багры...

Все это Савельич просушивал, чистил, смазывал, считал, сортировал.

Но самым ответственным делом у Савельича было — ярус поставить, а потом, спустя полдня, его выбрать, то есть поднять. Да не пустой. С рыбой, конечно.

А рыбу Савельич ловить умел. Знал, какую снасть, на какой глубине, с какой наживкой ставить. На лету-

чих рыб, скажем, или анчоусов — мелкие сети. На мечеобразных рыб — ярусы. И если ярус Савельич ставил, то разворачивал его, сообразуясь с ветром, с течением, с высотой солнца... И вкусы рыб хорошо знал. Если тунца ловить — кальмар наживка, мак-

релей — мороженая сайра. А акула клюет на куски мяса. Словом, были у Савельича свои секреты. И главное, опыт. Хорошо ловилась рыба...

На здоровье Савельич не жаловался, хотя и был на «Канопусе» старше всех. И вдруг — заболел...

А на маленьких рыболовецких судах, надо вам сказать, врача нет. Врач не положен, как говорится, по штату. Считается, что рыбаки — люди здоровые. Недаром поликлиника в порту дает за них гарантию на год!

И вот заболел Савельич. Лежит в своей каюте и охает.

Послали мы срочно запрос-радиограмму в ближайший порт Хониара, что на острове Гуадалканал, чтобы нас приняли и оказали больному помощь...

Через три дня добрались до порта и там Савельичу сделали операцию. А долечиваться отправили мы нашего тралмейстера самолетом в Москву... И снова ушли в океан. Вот тут-то мы и поняли, что такое — тралмейстер на рыболовецком судне... Не ловилась у нас без Савельича рыба... Ни тунец, ни макрель, ни парусник...

Сейчас Савельич совсем здоров. И снова ловит на морях рыбу.

Софья Степаньяни

СУДОВАЯ БИБЛИОТЕКА

Я в доме у самого моря
Живу.
Здесь волны колышут
Морскую траву.

Здесь яркими стайнами
Бродят мальки,
А ночью, как звезды,
Горят светлянки.

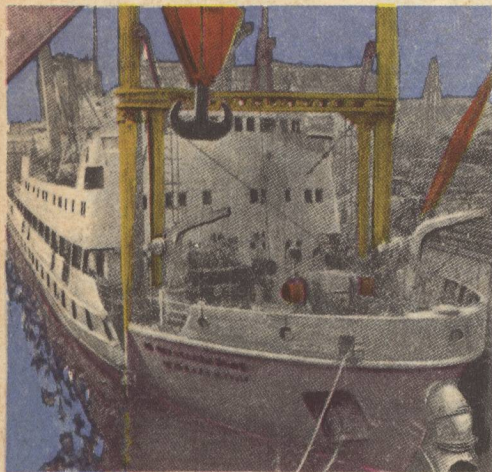
В заливе байдари
Скользят чередой,
Как белые чайки
Над синей водой,

И ночью и днем,
Исчезая вдали,
В заморские дали
Плывут корабли...

Этими стихами начинается книга Виталия Коржикова «Морской сундучок». Чего там только нет! Стихи про маяк, про кораблик, про старый катер, про медузу, про морскую иглу, про кита, про осьминога, про золотую рыбку... Много чего еще есть в морском сундучке, да ведь всего не перескажешь. Прочесть самому надо... Выпустило в свет «Морской сундучок» издательство «Детская литература».

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

словно заброшенные памятники. А иной раз даже с их верхушки не увидишь моря.

И фарватеры мелеют, и акватории — водные пространства портов. А кораблям для плавания нужна глубина. Хотя бы те семь футов под килем, что желают кораблю на прощание...

Чтобы акватории портов на Каспии углублять, чтобы фарватеры расшищать, в Баку построили самый мощный в мире морской землесос. За час он поднимает со дна 1500 кубических метров грунта и грузит на баржи. А баржи отвозят грунт к берегу. Землесос двигается и вперед, и назад, и даже боком. Судно это назвали — «50 лет Советскому Азербайджану».

Мелеет Каспийское море, уходит вода от берега. И старые маяки стоят

бокком. Судно это назвали — «50 лет Советскому Азербайджану».

С ВЫСТАВКИ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

РЫБАЦКИЙ ПОСЕЛОК,

этот рисунок нам прислал Игорь Трапицын из Брянска.

Всем-всем ребятам, живущим на севере нашей страны, особенно в отдаленных деревнях и поселках.

К вам обращаются «Морская газета» и телевизионный клуб «Всемирный следопыт». Если в ваших семьях хранятся старинные рукописи, в которых рассказывается о плаваниях поморов, напишите в нашу газету.

Не трогайте и никуда не передавайте эти рукописи. Что делать с ними, вам сообщит Хранилище древних русских рукописей (Пушкинский дом, Ленинград), с которым мы держим связь.

Ждем сообщений!

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

(повесть в картинках и фотографиях о подлинных событиях и находках, а также об инструментах и приборах, которыми пользуются подводные археологи).

1. В Мессинском проливе аквалангисты нашли останки старинного корабля, потерпевшего крушение. Аквалангисты утверждали, что видели не менее двухсот амфор и две бронзовые статуи в полный рост.

2. Профессор Франко Колоссимо заявил журналистам, что начал формировать экспедицию к месту крушения старинного корабля. — Мы применим, — сказал профессор, — самую дорогую и сложную подводную археологическую технику. Я надеюсь на интересные находки.

3. В Мессинский пролив вышло экспедиционное судно «Виразон». Ученые спешили: скоро начнется Сезон Мутных Течений, и тогда любая техника будет бессильна.

Продолжение следует

ЯПОНСКИЕ ЗАМЕТКИ

Владимир Торопыгин

Рисунки Е. Претро

УЛИЦЫ ТОКИО

Из аэропорта Ханэда к центру города ведет скоростная автострада. Она на высоких столбах, так что обзор хороший и влево, и вправо. За окнами мелькают четырехэтажные и пятиэтажные стандартные дома с лоджиями. Лоджии завешены бельем. Первое впечатление: в Токио стирать любят. Постепенно здания становятся более высокими. По их строгому виду можно определить: это — конторы, универмаги. Рядом со скоростной автострадой — еще две дороги на высоких столбах: монорельс и эстакада для суперэкспресса. Столбы шагают отчаянно, размахисто: через заливы и каналы, по центру улиц и площадей.

На поворотах видно то, что под автострадой: улицы. Там тоже нескончаемый поток машин...

Если даже из близлежащего района Токио вы захотите пройти в центр — в Гиндзу — пешком, вам не посоветуют: Токио не город для прогулок. Хорошо, если на вашем пути встретятся перекинутые через мостовую пешеходные мостики, но они — не на каждом перекрестке, а без них перейти улицу нелегко. Конечно, есть светофоры, есть спасительная «зебра», но рядом с ними есть и табло:

«Сегодня на улицах Токио погибло 5 человек, ранено 256». «Транспортная война!» — говорят токийцы, кивая на табло.

Машины скрипят, скрежещут, мчатся, но вот вы, наконец, преодолели их поток, вы в маленьких торговых переулках, примыкающих к Гиндзе. Из-за угла появляется человек, толкающий перед собой железную, дымящуюся тележку. Человек трубно кричит. Это продавец сладкой картошки — любимого лакомства токийцев. И все становится на свои места: Токио — это не только транспортные артерии, это еще и люди — со своими вкусами и своим бытом; где-то неподалеку грохочут автострады, но, покрывая их шум, кричит, словно поет, продавец картошки...

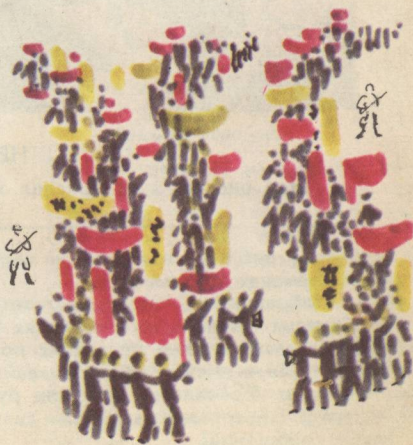
ДЕМОНСТРАЦИИ

Нельзя рассказывать про японские улицы и не упомянуть о демонстрациях: проходят они почти каждый день. Кто только не шествует в колоннах! Например, одна студенческая группировка призывает бороться с другой...

Впереди колонн — разноцветные знамена. На них — лозунги. Демонстранты маршируют цепочками, по-

ложив руки на плечи идущих впереди. Руководители колонн непрерывно кричат в мегафоны. Толпа скандирует в ответ. Иногда под эти крики цепочки вздрагивают и начинают ходить колесом. Демонстрантов окружают степенно шагающие полицейские.

Иной вид имеют колонны, про которые Фукуми — наша переводчица — говорит: «Ультралевые. Анархисты: никакой власти не признают». Эти колонны окружают полицейские,

вооруженные металлическими щитами и дубинками. Дополнительный ряд едет следом, в бронированной машине. Предосторожности полиции не напрасны: «ультралевые» иногда бросают бомбы...

Я иду рядом с колонной демонстрантов. Вечерет, загораются неоновые иероглифы. Прохожие рассматривают разложенные прямо на тротуаре товары: ботинки, зонтики, безделушки. На демонстрацию мало кто обращает внимание: демонстрация — быт...

Иное дело — большие политические шествия, скажем, такие, как за немедленное и безоговорочное возвращение Окинавы (на этом острове до сих пор располагается американская военная база). Тут уж вся улица присоединяется к демонстрантам!

КОЕ-ЧТО О ТРАДИЦИЯХ

Мы — группа советских писателей, художников и композиторов — приехали в Японию, чтобы встретиться с японскими писателями, художниками и композиторами и поговорить о роли искусства в жизни детей.

Открытие Японо-советского симпозиума по эстетическому воспитанию было назначено на девять утра. Вечером в гостиницу пришел Синсаку Тадо — директор Токийского института художественного воспитания.

— Для заседаний, — сказал Тадо-сан, — мы сняли помещение отеля «Тоси-центр». Это недешево, признаюсь вам... Поэтому мы сняли его лишь с восьми... За час вы успеете развернуть свою выставку?

— Успеем...

Восемь утра. Раскладываем книги, развешиваем рисунки. Торопимся: только бы успеть!..

Тадо-сан спрашивает:

— Хотите послушать музыку?.. Лучше пойдет работа!..

В зале появляется девушка в ярком кимоно. Она садится за кото — японскую арфу — и начинает перебирать шелковые струны. Рядом с ней — в черном кимоно — флейтист (сякухати — называется эта японская флейта). Звуки неторопливы, задумчивы, но, как ни странно, работе они, действительно, помогают. Я чувствую, что теперь не так утомительно резать на мелкие кусочки клейкую ленту и прикреплять к стене листы расцветочного ватмана...

Начинается заседание. Ораторы говорят с кафедры, а совсем рядом — на сцене — две японские девушки изготавливают букеты и ставят их в многочисленные вазы (икэбана — называется по-японски изготовление букетов).

— ...Мы должны обсудить вопрос об интернациональном и националь-

ном в искусстве, — говорит оратор.

...К вишневому сучку присоединяется желтая хризантема...

— Надо бороться с расстройством внутреннего мира людей!

...В пучке легкой травы появляется красная гвоздика...

— ...Пора составить школьные учебники так, чтобы они вбирали в себя сокровища литературы!

...Белые звездочки цветов ложатся на зеленые листья...

Удивительное дело: икэбана не мешает слушать!

Уже улетаю из Японии, я еще раз видел японскую девушку за икэбана. Это было в аэропорту в зале ожидания, перед самым выходом на летное поле. На длинных диванах сидели пассажиры: индусы, летящие в Дели; пестрая компания с рейса «Токио—Сан-Франциско»; советские летчики. Девушка ни на кого не обращала внимания, она творила свой букет. И разноголосая публика притихла, сосредоточилась, глядя на чудо из ветвей, трав и цветов. «Летите, — говорил букет, — но думайте о земле, о красоте, о людях и о жизни!»

ФУКУМИ РАССКАЗЫВАЕТ СКАЗКУ

Сидим в парке. Солнце просвечивает сквозь резные листья японского клена. Декабрь — листья красные...

Фукуми рассказывает:

— Шел рыбак по берегу моря. Видит: мальчишки поймали черепаху и бьют ее палками. Прикрикнул рыбак на

мальчишек, отобрал черепаху, отпустил ее в море.

Прошло несколько дней. Рыбак сидел в своей лодке, перебирал сеть. Слышит: «Добрый ты человек, рыбак! Спас ты меня! Отблагодарить тебя хочу, показать подводное царство!»

Догадался рыбак, что это та самая черепаха, которую он у мальчишек отобрал. «Согласен, — говорит, — покажи мне подводное царство!»

Сел рыбак на спину черепахи, и они поплыли.

Какие только чудеса не встречались им на пути: и диковинные золотые рыбы, и камни самых причудливых очертаний, и сады из водорослей и ракушек! Приплыли они к подводной царнице. Понравился цариче рыбак. Пела она для него, танцевала. Вместе гуляли они по ее царству.

Однажды встретил рыбак черепаху, про которую, по правде сказать, и думать забыл. Говорит: «Увидел тебя, про землю вспомнил... Дня три, наверное, уже там не был... Поплыли назад!»

Сел рыбак на спину черепахи, и поплыли они к земле.

А на земле никто рыбака не узнает.

Потрогал рыбак свое лицо — на нем борода и усы.

«Какое нынче число?» — спрашивает прохожего.

Тот отвечает.

«А год?»

Совсем непонятный год называет прохожий.

И понял тут рыбак, что пробыл он в подводном царстве не три дня, а триста лет...

В ГОСТЯХ У ЗИЕЗИ ЦУБОТА

Писатель Зиези Цубота принимает нас — советских писателей — по-европейски. Правда, как требует обычай, мы оставили свои ботинки у порога дома и сидим в тапочках, но сидим на стульях, за высоким столом. Хозяин — седовласый худенький старичок — расспрашивает нас о советских детских писателях (сам Зиези Цубота — старейшина японской детской литературы), о Горьком, Маршале, Пантелееве.

Потом поднимаемся на второй этаж. Здесь рабочий кабинет хозяина. Пол устлан циновками — татами, лежат подушки или сидения — дзабутон, рядом с низким столом — жаровня — хибати.

У Цубота-сан хорошее настроение. Он садится к столу, скрестив под собой ноги. Переводчица советской литературы Ясуэ Миякава комментирует:

— Вот в таком положении Зиези Цубота написал 250 романов и повестей...

Цубота-сан просит перевести. Ему переводят. Он залиvisto хохочет, подтверждает:

— Да, да, да...

Смеется и еще одна гостя Зиези

Цуботы — писательница Миоко Мацутани.

— Женщины у нас сидят по-другому, не так, как мужчины, — говорит Цубота-сан, — но иногда это тоже приносит успех. Вот Мацутани-сан за свои сказки получила Андерсеновскую премию...

Беседа прекращается, когда мы попадаем в комнату покойной жены писателя. У стены, в цветах, ее портрет. По буддийскому обычаю встаем на колени.

В саду Цубота-сан снова оживает:

— Жизнь моя не была легкой... всю войну — в армии: острова Тихого океана, Индонезия, плен... По-настоящему смог начать работать только в послевоенные годы. Наверстывая упущенное, жил отшельником. Да и сейчас, по правде сказать, одиноко живу. А вам очень благодарен, что приняли приглашение! Не поверите: вы — первые советские люди, с которыми я познакомился!..

Мы покидаем дом Зиези Цубота и по дороге в гостиницу думаем о многом: и о том, как интересно жить, когда по-настоящему трудишься, и о том, что надо уважать чужие обычаи, и о том, как важны новые встречи, дружба...

ИЗ ЗАПИСЕЙ НА СИМПОЗИУМЕ

Говорит Осигами-сан, преподаватель литературы:

— Я пришел на заседание нашей литературной секции прямо с демонстрации. Вопрос с Окинавой должен быть решен так, как требует народ! Это мнение большинства японских педагогов!

А теперь — тема моего сообщения: «Произведения советского писателя Виталия Бианки в японской начальной школе»...

Следующим слово получает Киуунан-сан, преподаватель литературы:

— Вчера советские коллеги рассказали о народных праздниках, посвященных Пушкину, которые происходят в селе Михайловском. Это — замечательно!

Мы боремся против детских изданий со сладенькими пошлыми рисунками!..

Мы боремся против комиксов, потому что, как правило, их содержание — прославление милитаризма!..

А теперь — тема моего сообщения: «Сказки в японской начальной школе»...

И так — все ораторы: речь каждого начинается как бы «не на тему». А почему, собственно, не на тему? И Окинава, и Пушкин, и борьба с комиксами — все это важно для японских детей!

ВТОРАЯ СКАЗКА ФУКУМИ

Сидим на скамейке, на высоком холме возле замка. Вдали — Осака, с ее многоэтажными зданиями, скоростными дорогами, огибающими дома где-то возле крыш... А внизу, под нами, наполненный водой ров, — там движутся красные спины медлительных карпов.

Фукуми рассказывает:

— Давным-давно в одной деревне жили две бабушки. По

утрам ходили они к ручью за водой. Чуть раньше — первая, чуть позже — вторая...

Вот идет по дороге первая бабушка и видит: лежит на обочине воробей, — клюв раскрыт, — словно задыхается, — да и лежит-то он не на лапах, а на крыльях, распластав их, — и дрожит.

— Что, подбили? — спрашивает бабушка.

— Подбили, — отвечает воробей.

— Плохи твои дела! — сказала — и пошла дальше.

Идет по дороге вторая бабушка. Увидела подбитого воробья, наклонилась, взяла в руки. «Постараюсь выходить»

тебя, вылечить!» — и отнесла его домой.

День и ночь спал воробей в доме у бабушки, спрятав голову под крыло, отогреваясь, а наутро повеселел, выздоровел.

Бабушка раздвинула стену: «Лети!» Улетел воробей.

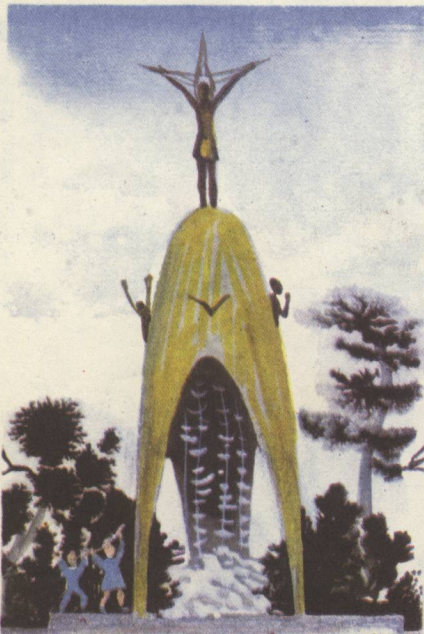
А когда пришел месяц дождей и надо было сеять рис, принес воробей бабушке зерно, да такое, что на все поле хватило, а мимо той, что не захотела лечить его, только промелькнул: «Чик-чирик!»

ЖУРАВЛИКИ

Историю Сисако Тейко из Хиросимы знают сейчас, пожалуй, все люди Земли...

После атомной бомбардировки четырнадцатилетняя девочка заболела белокровием. Однажды, в тревожную ночь, ей приснился добрый волшебник, рассказавший легенду о бумажных журавликах. «Если больной человек, — говорил волшебник, — сделает тысячу журавликов, он останется жить!» Девочка поверила в легенду и принялась мастерить разноцветных птиц. Тысячу журавликов Сисако сделать не успела: когда на ниточку было нанизано шестьсот птиц, она умерла...

Мы стоим у памятника Сисако Тейко: на высоком бетонном конусе бронзовая девочка с бронзовой птицей в руках; под сводом конуса — ниточки с бумажными журавликами.

Председатель Хиросимского отделения общества «Япония — СССР» господин Фукуи говорит:

— Вы хотите взять на память журавликов? Берите! Наши дети каждый день приносят сюда все новые и новые связки. Связок так много, что они не умещаются под конусом! Берите, берите: завтра в эту грудку прибавятся новые тысячи журавликов!.. Так — каждый день!.. Много лет подряд!..

КАВАСАКИ РИСУЕТ МОЙ ПОРТРЕТ

Мы вошли в класс, и учительница сказала:

— К нам пришли гости из Советского Союза.

Двадцать пар внимательных черных глаз посмотрели в нашу сторону.

— Давайте возьмем чистые листы бумаги и попробуем нарисовать наших гостей, — предложила учительница.

Двадцать пар рученок полезли в столы.

Я почувствовал, что на меня смотрит мальчишка из-за второго стола, — толстощекий, с короткой челкой, в ярко-красной рубашке.

Раздался звонок — мальчишка подошел ко мне, протянул рисунок. Я был изображен во весь рост. На лице значились две родинки (правильно, как в жизни!); глаза чуть суживались к переносице...

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Кавасаки. — Мальчишка был серьезен, смотрел в пол.

— Кавасаки, я увезу этот портрет в Советский Союз, — сказал я.

Кавасаки улыбнулся.

— Ты что-нибудь читал или слышал о Советском Союзе?

— Слышал...

— От кого?

— От дедушки. После войны он был там в плену. Он говорит: «Меня спасли русские врачи...» И потом, в Советском Союзе должны расти мои цветы...

— Кавасаки, я не понимаю, какие цветы?

На помощь пришла учительница:

— Весною у нас бывает праздник цветов... Каждый ученик привязывает к ниточке воздушного шара пакетик с семенами и пишет, в какую страну он его посылает... На пакетике Кавасаки было написано: «Советский Союз». Мы долго следили за тем, как летел воздушный шар... Пока он не скрылся... Мы думаем, что он долетел до вашей страны, семена упали на землю, и из них выросли цветы...

— Спасибо, Кавасаки! Аригато!..

ТРЕТЬЯ СКАЗКА ФУКУМИ

— У нас, японцев, очень много стихов и сказок о том, что человек не умирает, а перевоплощается — в деревья, в животных... Вот наши старые стихи: «Все в лунном серебре!.. О, если б вновь родиться Сосною на горе!..» Сейчас я вам расскажу самую короткую нашу сказку: «Жил-был человек. Он был космонавтом. Однажды он улетел в небо и не вернулся. Он стал Лунной, этот человек. Его звали Гагарин...»

Токио—Ленинград

ВЕСЕЛО В „ЦИРКЕ“

Если бы вам сказали «человек-птица», кого бы вы могли себе представить? Уж наверное, не толстяка-коротышку, который, победно сияя улыбкой, взлетел над двумя стульями и столом!

Этот толстяк — истинный цирковой артист. Он ловок вопреки всему на свете, даже вопреки своей невероятной толщине. Вся его поза, предельно размахнувшиеся руки и ноги как бы говорят: глядите, как я ловок! Режьте меня, а я все равно ловчее всех!

Таких жизнерадостных картинок в «Цирке» четырнадцать. Столько же, сколько и страниц: на каждой странице — картинка.

Картинки рисовал художник Владимир Васильевич Лебедев, стихи писал Самуил Яковлевич Маршак.

Было это в 1925 году, в Ленинграде.

С тех пор книжка «Цирк» не раз переиздавалась в СССР и за границей, ее хвалили А. М. Горький, высоко ценил французский писатель Р. Роллан.

О «Цирке» С. Я. Маршак и В. В. Лебедева можно рассказать столько интересного, что и целого «Костра» будет мало. А у нас только этот разворот. Но ничего, и на развороте кое-что уместится.

Вот едет ловкая «мамзель Фрикасе» на одном колесе. Ее черные волосы не падают вниз, как полагалось бы, — они будто парус, надутый ветром: так быстро движется «мамзель Фрикасе».

А рядом скользит по проволоке скрипачка, и ее движение уже нарисовано по-иному. Взгляните на тумбы, между которыми перекинута проволока. Правая несколько ниже. Зачем? А чтобы нам с вами, зрителям, дать почувствовать: дама-скрипачка отнюдь не невеста. И когда она надвигается на тумбу, та словно заранее оседает.

Посмотрим снова на веселого толстяка.

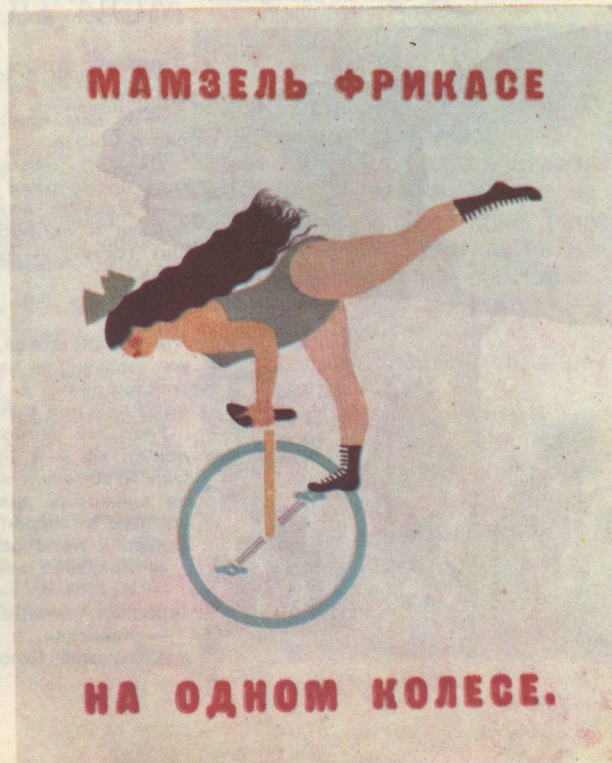
Все части его тела чуть-чуть съехали со своих обычных мест. Голова совсем закрыла шею, а живот спрятал под собой ноги. Удивляемся? Ругаем художника за то, что не по правде нарисовал? Нисколько. Нам от таких чудес еще интереснее и веселее, это ведь цирк, в цирке все возможно.

Но самое интересное здесь все-таки не это... Перед нами — фантастическая пирамида, вовсе, казалось бы неправдоподобная, а между тем крепкая! Не шатается!

Как Лебедев убеждает нас в ее устойчивости? Это хитро задуманный, основанный на особенностях нашего зрения, фокус: оба стула, заставляя стол удерживаться на одной ноге, тянутся в одну сторону — влево. А клоун, в свою очередь, сдвинулся вправо. Вот они и тянут — каждый в свою сторону. А в итоге равнодействующая сила не дает пирамиде развалиться, пока акробат сам этого не захочет.

Мы не видим на этих рисунках ни арены, ни многочисленных зрителей, ни яркого света прожекторов. Ле-

ПО ПРОВОЛОКЕ ДАМА

ИДЕТ КАК ТЕЛЕГРАММА.

**ПОДБРАСЫВАЕТ СРАЗУ
И ЛОВИТ ОН ШУТЯ**

**ФАРФОРОВУЮ ВАЗУ,
БУТЫЛКУ И ДИТЯ.**

бедев опускает второстепенные детали, которые могут отвлечь от главного.

Так же экономно работает он и с цветом. Если подсчитать, сколько красок использует художник, то окажется, что их совсем немного. Он обходится в основном всего четырьмя цветами — красным, синим, зеленым, желтым. И — белым! Цветом незакрашенного бумажного листа!

Смотрите: белозубая улыбка негра не нарисована, просто оставлена белой частью страницы. Точно так же Лебедев «покрасил» и манишку негра, и белые полосы его панталон, и ремни, охватившие слона Джумбо.

Для иллюстратора-графика важно не только нарисовать картинку в книжке, но и представить себе, как

картинки расположатся на каждой странице, как они будут сочетаться с текстом.

Вот встретились два клоуна: «Где купили вы, синьор, этот красный помидор?..» Эти стихотворные строчки — не только дополнительная информация к рисунку. Уберегите их мысленно. Вы почувствуете, что рисунок что-то потеряет. Дело все в том, что эти строчки выполняют роль своеобразного узора, окаймляющего рисунок сверху и снизу.

Книжкой «Цирк» началась славная история советской детской книжной графики. Многие лучшие наши художники учились у Лебедева и вместе с Лебедевым. Еще и теперь иные из них работают в «Костре», продолжая традиции «Цирка».

Е. Невская

**— ГДЕ КУПИЛИ ВЫ, СИНЬОР,
ЭТОТ КРАСНЫЙ ПОМИДОР?**

**— ВОТ НЕВЕЖЛИВЫЙ ВОПРОС.
ЭТО СОБСТВЕННЫЙ МОЙ НОС!**

**СТАРЫЙ ДЖУМБО ДЕЛОМ ЗАНЯТ.
СТАРЫЙ ДЖУМБО БАРАБАНИТ.**

**ПИОНЕРЫ ГОВОРЯТ —
ЗАПИСАЛСЯ ОН В ОТРЯД.**

ПОЧЕМУ?

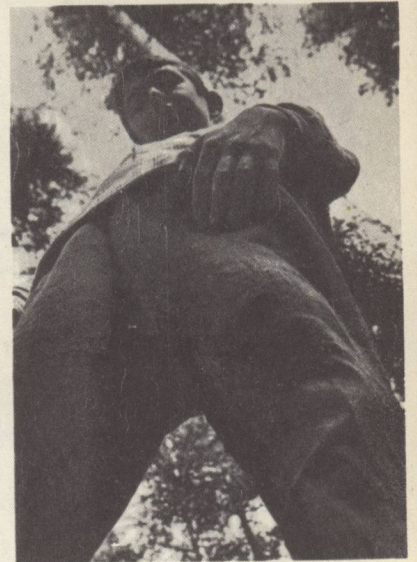
Раздел ведет писатель
Н. Сладков

Рисунки Г. Ясинского

Почему они нас боятся? — удивляемся мы. Почему в ужасе прыгают от нас лягушки, удирают ящерицы? Даже глупые птенцы шарахаются, изо всех сил работая куцыми еще крылышками. Ну, еще понятно, когда утки, зайцы, тетерева. Но другие-то почему?

Войдите в их положение. Поставьте себя на их место. Поставили?

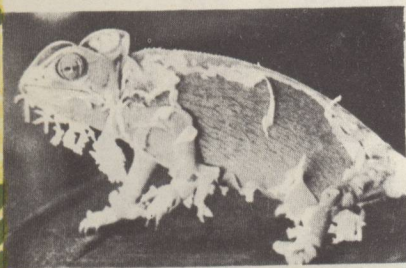
Вот таким страшным великаном увидели бы вы сами себя, если бы стали ящерицей!

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ

БУКРА

БУКРА — по-арабски «завтра». Когда продавец-африканец узнал о моем желании купить хамелеона, он сказал, что хамелеон будет у меня завтра же. Но это «завтра» тянулось целый месяц. Поэтому, когда хамелеон все же был доставлен, я тут же назвала его Букра — «завтра».

Букра спокойно устроился у меня на руке и стал уморительно вращать глазами. Один глаз у него мог смотреть вниз, другой вверх; один вперед, другой назад. Я догадалась, что ему надо, и показала ему таракана. Букра «выстрелил» в него языком, и таракан исчез в его пасти. Знакомство состоялось.

Букра оказался совсем ручным. Он следовал за мной, как котенок. Лениво подходил к креслу, карабкался по чехлу вверх и грелся на солнце. Или устраивался на столе против меня и своими преданными, — а точнее, голодными! — глазами смотрел мне в лицо. Он ждал, когда на лицо сядут мухи. Ждать приходилось недолго: мух было тут предостаточно! Когда они садились на лоб или на щеки, я наклонялась к Букре, и он моментально смахивал их своим языком. И мы оба были довольны.

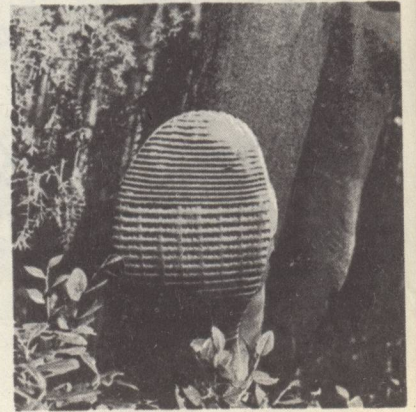
Но вдруг Букра захандрил, стал сонным и вялым. Потускнел и поблек. Даже мухи его перестали интересовать. И скоро он превратился в невообразимого оборванца. Букра линял.

Он старательно терся о ветку, счесывая лохмотья старой одежды. И уже через день снова стал нарядным и изумрудным. И снова стал вращать глазами, высматривая своих любимых мух.

В. Примакова

Как не струсить бедному птенцу, когда протянется к нему вот такие ручищи!

Чье сердце не замрет, когда над головой нависнет вот такой сапожище? А лягушкино и подавно!

Теперь снова можете стать самими собой. Теперь, наверное, вам не захочется наводить ужас на малых и слабых. Очень удобный способ: хочешь понять другого — поставь себя на его место.

Н. Сладков

ВЕСТИ ИЗ ЗООПАРКА

МЕДВЕЖЬИ НЕЖНОСТИ

Этот макет тепличного комбината построен пионерами из Центральной станции юных натуралистов Риги под руководством преподавателя Э. Шмиденберга.

На макете ребята знакомилась с работой настоящего тепличного комбината. Сейчас он стал одним из экспонатов павильона «Юные натуралисты» на Выставке достижений народного хозяйства.

Е. Синявер

МИГ

Фото А. Лухтанова

ВО ВСЮ МОЧЬ

Петь так петь!

Долбить так долбить!

Любят медведицы медвежат нянчить. Нянчит своего медвежонка и наша медведица Злюка. Ляжет на спину, возьмет дитя в лапы и начнет его разглядывать и тормошить. Маленькие медвежата необыкновенно спокойны — этикие сытые толстяки! Лежит Злюка на мягкой соломе, вертит своего детеныша в огромных, плохо гнущихся лапах. Повертела и так и этак, и вдруг в глазах ее появилась озабоченность. Злюка заметила непорядок. Ее озаботили глаза медвежонка, и она их тщательно протерла своим языком. Языком, как платком, вытерла она сыночку и ушки, и мокрый рубчатый нос.

После этого захотелось ей проверить и рот. Медвежонок, стремясь избавиться от назойливой мамы, стал

вырываться. Но ничто ему не помогло: рот его был раскрыт. Раскрыт по медвежьей, с помощью огромных когтей. Злюка с удовольствием заглянула в розовую пастишку медвежонка, где уже прорезались белые зубки.

Медвежонок был так измучен маминими нежностями и заботами, что, когда случайно выпал из ее лап на солому, то тут же мгновенно уснул. И Злюка не стала его будить.

Было это еще зимой. Медвежонок уже подрост. Но Злюка продолжает о нем заботиться.

А. Синявский

КАПЕЛЬКИ РАДУГИ

КУРОЧКА-РЯБА

Вот она — лесная курочка-ряба. Смело сидит в трех шагах. Яички, наверное, снесла. Небось не простые, а золотые: уж очень бережет!

У курочки-рябчика перышко к перышку, пятнышко к пятнышку. Как листики на земле, как трещинки на

коре. И глаза — как ягоды черники. Обмерла. Не моргнет. Не дохнет! Терпит. Вот умница: дай-ка поглажу...

Но — фррррр! — ветер в лицо и мусор в глаза. Где была рябушка, и в самом деле лукошко яичек. И не простых, а золотистых. Еще и в шоколадную крапинку.

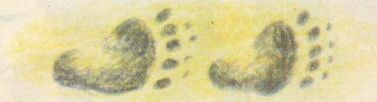

С АЛЬБОМОМ СЛЕДОПЫТА

НА ЛЕСНОЙ ТРОПЕ

Мы на бумаге пишем, а птицы и звери могут и на земле писать. Пишут ногами, носами, крыльями и хвостами. Каждый своим почерком. Но все о жизни своей. И если ты хочешь прочесть их записки, выучи грамоту ле-

са. И вот тебе первый урок: чьи это автографы? Кто прочитает — пусть нам напишет.

ПРАЗДНИК ВЕЛОСИПЕДА

Велосипед — верный товарищ. Сколько он приносит радости и пользы! Давайте устроим праздник велосипеда. Пригласим родителей, учителей, инспектора ГАИ, ребят соседней улицы, соседнего двора.

За неделю соберем ребят, объявим программу и разделимся на две команды. В командах проведем отборочные соревнования. Будем готовиться и тренироваться.

Рисунки В. Топкова

ОТКРЫТИЕ ПРАЗДНИКА

Праздник устроим во дворе или на любом ровном участке проселочной дороги.

Тоненькая мачта. Перед ней, на возвышении — велосипед, украшенный зеленью и цветными лентами.

Аккордеон или радиолка играет марш. Проезжает колонна велосипедистов. Затем велосипедисты появляются снова, в пешем строю, с велосипедами на плече.

Капитаны команд поднимают на мачту вымпел с изображением велосипеда. Тут хорошо бы произнести шуточную речь. Малыши из ближайшего детского сада торжественно выносят и кладут на судейский стол семь медалей.

Снова звучит марш. Праздник открыт.

ТОЛЬКО ПОБЕДА

Число медалей нечетное. Ничьей быть не может. Нужна только победа.

В каждом из семи упражнений команда борется за одну медаль и выставляет одного участника (всего от обеих команд 14 человек). Можно выставить и по три участника (всего 42 человека), тогда в каждом упражнении соревнуются три пары.

Вот эти семь упражнений.

Стальная нога. Стать ногой на педаль, толкнуться что есть силы о землю другой ногой. Кто проедет дальше?

Красивый почерк. Велосипедист едет с карандашом в руке, его помощник (он в зачет не входит) едет рядом, с раскрытым блокнотом. Нужно написать слова «Красивый по-

черк». Касаться блокнота можно только грифелем карандаша. Кто напишет аккуратнее?

Хитроумные механики. Снять с велосипеда заднее колесо и снова поставить на место, с правильной центровкой и затяжкой. Начало — по команде. Кто управится быстрее?

Тише едешь. Каждому участнику очерчивается коридор длиной 25 метров, шириной два метра. По команде садятся на велосипеды и едут по своим коридорам. Нельзя касаться ногой земли, пересекать боковые линии. Кто проедет медленнее?

Езда с умом. Отвечаем на вопросы инспектора ГАИ. Кто лучше знает правила движения велосипедиста?

Автопилот. Флажками обозначаем трехметровые ворота. Велосипедист едет в эти ворота с завязанными глазами, по памяти. Кто проедет ближе к центру ворот?

Волшебный руль. Проехать несколько поворотов, огибая флажки наподобие слалома. За каждый сбитый или объеханный не с той стороны флажок прибавляется время. Кто скорее?

ЗАКРЫТИЕ

Перед общим строем объявляется, какая команда победила (по числу медалей). Победителям в отдельных упражнениях вручаются грамоты на звание чемпиона двора, улицы. В заключительном параде команда-победительница едет первой.

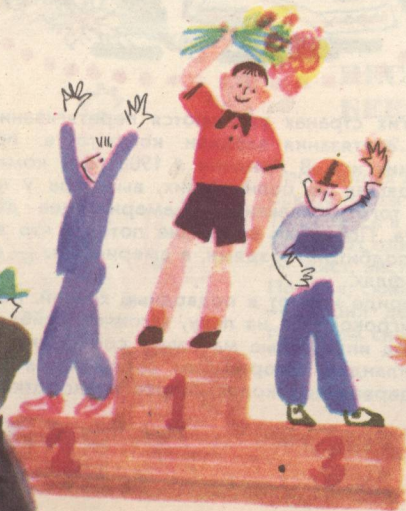
А почему бы не подумать о малышах? Заранее объявим для них конкурс на лучший рисунок о спорте. Между упражнениями устроим гонки трехколесных велосипедов. И вручим малые медали. К малой медали полагается большая конфета.

Если праздник прошел интересно, можно вызвать на матч команду соседней улицы. Борьба будет острее, правила можно усложнить.

Мы станем больше уважать велосипед, аккуратнее ездить, бережнее ухаживать за машиной.

Ровной дороги, велосипедисты!

М. Мохов

ЭТИ УПРАЖНЕНИЯ ПОМОГУТ ТЕБЕ РАЗВИТЬ ЛОВКОСТЬ

1. Возьмите палку длиной примерно 80 сантиметров. Поставьте ее вертикально на пол перед собой, прижав сверху ладонью правой руки. Оторвав руку от палки, попробуйте перешагнуть через нее правой ногой.

2. С той же самой палкой примите такое же исходное положение, что и в первом упражнении. Отняв руку от палки, сделайте поворот на 360 градусов и, не давая палке упасть, прижмите ее ладонью. Затем попробуйте проделать поворот в другую сторону.

3. Руку согните в локтевом суставе и поднимите ее так, чтобы кисть была около уха, а предплечье параллельно полу. На локоть положите три—пять монет. Быстрым движением кисти вперед-вниз, одновременно разгибая руку в локтевом суставе, попробуйте поймать в ладонь все монеты. Если не получится — потренируйтесь для начала с одной монетой.

4. Встаньте, плотно прижав пятки к стене (ноги вместе). Под левую пятку подложите спичечный коробок. Не отрывая пяток от стены, попытайтесь поднять этот коробок сначала левой, а затем правой рукой.

5. Сядьте на стул. Попробуйте без помощи рук, сгибая ноги, поставить их ступнями на сиденье.

ГОЛЫ ДЕЛЬФИНА

Ученые-зоологи утверждают, что из животного мира ближе всех по умственному развитию к человеку стоит дельфин. Это подтвердилось в матче по водному поло,

который был проведен в Гонолулу. В одной из команд играл специально подготовленный дельфин. Он забил пять голов. Однако... четыре из них — в свои ворота.

И РЕКОРДСМЕН, И ЧЕМПИОН

Английский яхтсмен Родни Патиссон в 1968 году прибыл в мексиканский порт Акапулько, где проходили олимпийские сражения парусников, с яхтой класса «Ле-

тучий голландец», имевшей самое длинное в мире непонятное название — «Суперкэлифрэджилстайкикспай-элидочес»!

— Тут ты победил, — говорили англичанину соперники, — а вот как ты себя покажешь в гонках?!

Патиссон и здесь не уступил никому: в сумме всех гонок завоевал звание олимпийского чемпиона.

ХОККЕЙ ПОД ВОДОЙ

Сколько стран — столько и разных игр и видов спорта, которые в силу образа жизни, темперамента и интересов жителей присущи только этой стране.

Во многих странах стали традиционными соревнования на звание лучшего дровосека. Победителей считают чуть ли не народными героями. Один из видов тренировок скандинавских лыжников — рубка деревьев.

Во многих странах увлекаются перетягиванием каната. Такие состязания входили когда-то в программу олимпийских игр. В Лондоне в 1908 году команда Англии, состоящая из полицейских, выиграла у непобедимого до того коллектива — американцев двухметрового роста. Победили англичане потому, что выступали в обуви, подбитой гвоздями, а американцы — в лакированных туфлях.

Во Флориде играют в подводный хоккей. Команда из четырех игроков, как на льду, загоняет шайбу в ворота.

Раз в год интересные массовые состязания проводятся в Шотландии. Спортсмены соревнуются в метании камней, деревянных колов, шаров на коротких толстых цепях.

Рисунки Ф. Немобины

ЗАЯЧЬЯ ШУБКА

В. Бензерук

Рисунок Е. Змирович

В лес пришла зима, а с нею морозы и стужи. Все зайцы надели белые шубки. Тепло.

Только один—Молодой Заяц—еще в сером скачет. Скачет и дрожит от холода. Пожалел его Старый Заяц и принес ему шубку.

—На, переоденься, теплей будет.

Обрадовался Молодой Заяц, надел новую шубку, а старую под можжевельовый куст закинул.

—Повесь на видном месте, чтобы потом не пришлось искать,—посоветовал Старый Заяц, а Молодой только лапкой махнул:

—Когда еще там весна!

Шли дни за днями, и не успел Молодой Заяц оглянуться, как в лес пришла весна. Все зайцы надели летнюю одежду, скачут веселые.

Один только Молодой Заяц никак не может вспомнить, под какой куст свою шубку кинул. Жарко ему в лесу.

Присел Молодой Заяц под дерево, хотел отдохнуть в холодке, а голодный после зимы Волк тут как тут. Стоит, зубами щелкает. Кинулся Заяц наутек, а Волк говорит:

—Не уйдешь! Белого отовсюду видно.

Бежал, бежал Заяц, пока не выбился из сил. Присел перевести дух, огляделся вокруг, и показалось ему это место знакомым.

„А не тут ли я свою шубку бросил?—подумал он.—Надо поискать, пока Волк не догнал“.

Заглянул Молодой Заяц под можжевельовый куст, а там—его шубка. Быстренько схватил он шубку, переделался и спрятался.

А тут и Волк на поляну выскочил.

—Куда же это Заяц подевался? Только что здесь был...—и бросился дальше.

А к Молодому Заяцу подошел Старый.

—Пусть тебе это будет наукой на всю жизнь. Запоминай, куда осенью свою шубку кладешь, чтобы весной не приходилось искать.

А тот уже и сам это понял.

Переводы Мих. Еремينا

В этом номере гость Уголька — белорус Весёлка из журнала «Весёлка». Как сделать «Уголек», смотри в «Костре» № 1.

ЕНОТ — ПИЛОТ

В. Бобков

Из лозы он сплел кабину,
Стрекозу запряг в корзину
И летает над болотом.
Был енотом — стал пилотом.

ПЕСЕНКА БЕКАСОВ

С. Кацуба

Пробудился лес в апреле.
Всюду песни зазвенели.
Три бекаса в день погожий
Все поют одно и то же:
— Аист, аист-долгонос,
Почему, скажи, ты бос?
— Мерил день-деньской болото,
И совсем сносились боты.

Рисунок Н. Громыко

ПЕСЕНКА ПАРОВОЗА

Я бегу, бегу, бегу—
С рельс сойти я не могу—
А хотел бы паровоз—
Побродить среди берез—
Я бы вместе с вами мог—
Ворошить траву и мох—
Дым валил бы из трубы—
Собирал бы я грибы—

гу-гу-гу!

гу-гу-гу!

воз-воз-воз!

вёз-вёз-вёз!

ох-ох-ох!

ох-ох-ох!

бы-бы-бы!

бы-бы-бы!

бы-бы-бы!

бы-бы-бы!

бы-бы-бы!

Но бегу я и бегу—
С рельс сойти я не могу—
А под вечер буду рад,
Отвезти вас всех назад—

гу-гу-гу!

гу-гу-гу!

буду рад

буду рад

в детский сад.

Слова А. Вольского
Рисунок В. Посчастьева

КАРАНДАШ

М. Казаков

Поймала мышка кошку,
А рыбка рыбака,
И сделалась дорожкой
Глубокая река.

Рисунки В. Посчастьева

Созрели в огороде
Лопата и топор.
С коровой волк заводит
Сердечный разговор.
На елочке не шишки,
А яблочки висят.

За ручку дочь-малышка
Отца ведет в детсад.
Растут сугробы летом.
В снегу алеет мак.
А выдумал все это
Мой карандаш-чудак.

ГОЛОС ЗА ВОЛСЕМЬЮ МЯМИ ПЕЧАТЯМИ

В этом лабиринте из семи concentрических окружностей Кащей Бессмертный спрятал семь сундучков. В одном из них запечатана его смерть. Разумеется, в том, который труднее всего найти.

Но вы-то его найдете и увидите на нем такую надпись:

В сем ларце среди вещей
Спрятал смерть свою Кащей.
Каждый день, чтоб не скучать,
Ставил он на нем печать.
Эту сложную работу
Он заканчивал в субботу.

* * *

О, если б вы понять сумели,
Где знак какого дня недели,
И письма расшифровать,
Я знаю: мне несдобровать.

Кащей Бессмертный

Кроме этого, нам удалось узнать у Кащея лишь следующее: печать понедельника имеет на три угла больше, чем печать вторника;

печать четверга имеет на один угол больше воскресной печати.

Но и этих сведений достаточно, чтобы снять печати в порядке обратном тому, как их ставил Кащей. Когда же магическая сила семи печатей будет разрушена, останется только прочесть зашифрованные письма на сундучке и узнать, чего именно Кащей боится больше всего на свете.

Семь одноклассников живут на разных этажах семиэтажного дома.

Митя живет на два этажа ниже Пети и настолько же выше Юли.

Юля и Катя живут на соседних этажах.

Катя живет ниже Алеши, но выше Маши.

Маша живет выше Антона, но ниже Кати.

Кто на каком этаже живет!

7:5!

С таким счетом команда квартиры 64 (на коньках с полукруглыми лезвиями, капитан — «Космонавт», подарки выставлены с левой стороны елки) победила команду соседей в новогоднем состязании КОСТЕР-72.

Это выяснилось после подсчета очков, которые вы, ребята, дали лучшим костюмам и подаркам.

Призовые места заняли:

Костюмы: «ХОТТАБЫЧ» — 1 место — 3 очка (команда 64 квартиры)

«МУШКЕТЕР» — 2 место — 2 очка (команда соседей)

«РЫЦАРЬ» — 3 место — 1 очко (команда соседей)

Подарки: «ПАРУСНИК» — 1 место — 3 очка (64 кв.)

«РАКЕТА» — 2 место — 2 очка (соседи)

«ГИТАРА» — 3 место — 1 очко (64 кв.)

Все ребята, приславшие нам письма, показали себя строгими, объективными и внимательными судьями, достойными звания «БЕСПРИСТРАСТНЫЙ АРБИТР». А некоторые показали поистине электронную точность суждений.

Это АЗАТ КАЮМОВ из Нефтекамска и МАРИНА НИКИТИНА из Гурьевска Кемеровской области, которые именно в этом порядке назвали лучшие костюмы

маскарада, и РАМИН МАДИНОВ, из совхоза им. Калинина Омской области, который точно назвал три лучших подарка. Отличную внимательность продемонстрировали и те ребята, которые хотя и не совсем так распределили призы, но верно разобрались, где участники той и другой команды, и предсказали счет 7:5 в пользу 64 квартиры. Это брат Марины КОСТЯ НИКИТИН, КОЛЯ и ЛЮДА МАСЛЕННИКОВЫ из п. Качканар Свердловской области, Г. НАКИПОВ из д. Шуда Татарской АССР и ГЕННАДИЙ ТАЛАЛАЕВ, Е. Калитвенское Ростовской области. Эти ребята награждаются сувенирами.

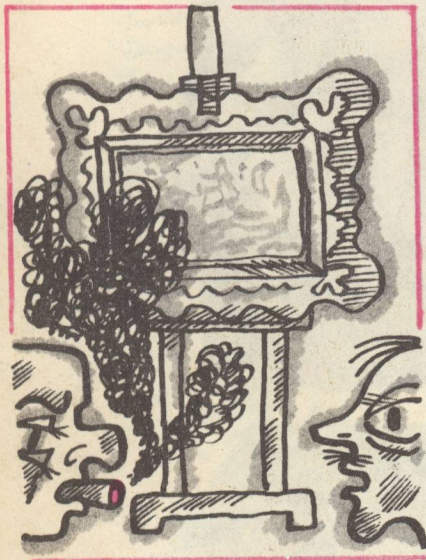

Рисунки
В. Стацинского

ТОЛСТОСУМЫ И ЖИВОПИСЬ

— Не угодно ли осмотреть картины? — спросил продавец у миллионера, приобретающего картины.

— Зачем? — удивился покупатель. — Я же не осматриваю шахты, прежде чем купить акции!

НЕ ПРЕДУСМОТРЕЛ

Известный поэт Апухтин сам был не прочь поиздеваться над собственной полнотой. Вот что рассказывал он о себе:

— Так как одного места мне маловато, при поездке на юг я запасся двумя билетами первого класса и занял два места в купе вагона. Кондуктор при обходе поезда попросил меня освободить одно место.

— Но я заплатил за два места! — воскликнул я и предъявил билеты.

— Так-то оно так, — сказал кондуктор, — но только место по вашему второму билету находится в другом вагоне.

* * *

Как известно, богачи покупают картины, чтобы потом хвататься «своим» шедевром. При этом они, как правило, ничего не смыслят в живописи и нередко попадают на удочку мошенников, подсовывающих им подделки.

Известный русский ученый и знаток искусства Бенуа, осматривая коллекцию одного миллионера, воскликнул:

— Послушайте, я бы на вашем месте не покупал те картины, копии которых находятся в Эрмитаже и Лувре!

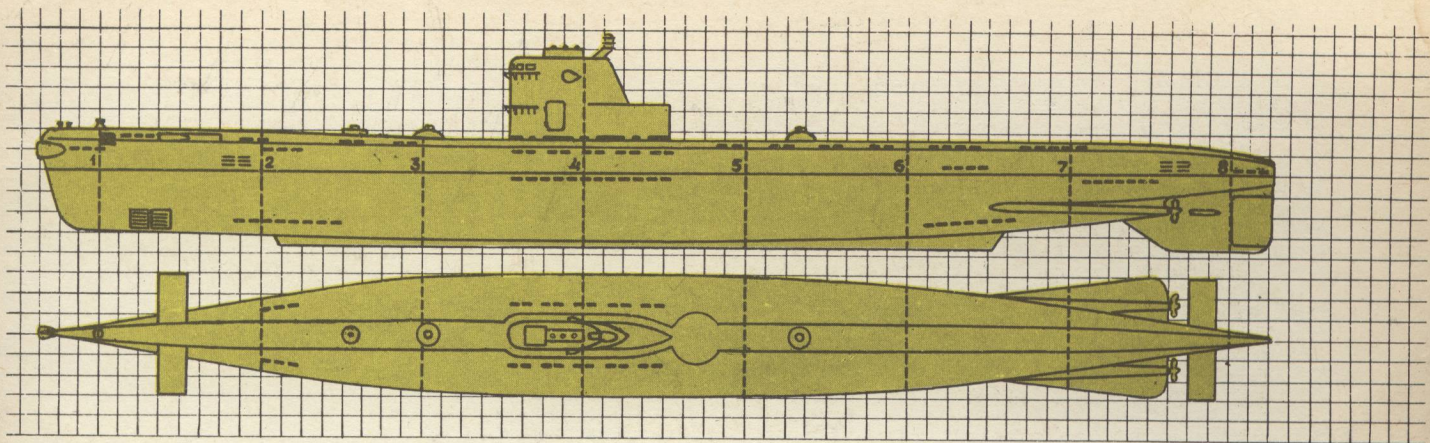

СОДЕРЖАНИЕ

У студентов есть своя планета рассказывают участники комсомольских строек оформление В. Прошкина	2
Братья Сорокины повесть Б. Никольского рисунки И. Латинского	6
Отвечаем на твой вопрос беседа М. Мамедова рисунок А. Коковкина	16
К 90-летию со дня рождения Г. Димитрова	18
Зажигалка рассказ М. Демиденко рисунки Н. Кустова	20
Летчик-испытатель стихи Н. Евстифеева рисунки А. Гетманского	23
Товарищ Саркис и его отряд очерк В. Арро рисунки А. Худякова	24
Привет от Вернера роман Ю. Коринца рисунки А. Слепкова	27
Вот так штука	46
Арчебек шахматы и шашки	47
Морская газета	48
Японские заметки В. Торопыгина рисунки К. Претро	50
Весело в „Цирке“ объясняет Е. Невская	54
Зеленые страницы ведет писатель Н. Сладков	56
Праздник велосипеда советы М. Мохова рисунки В. Топкова	58
Спорт	60
Уголёк журнал для малышей	61
За семью печатями головоломки рисунок И. Казаковой	63

Главный редактор В. В. Торопыгин
Редакционная коллегия: Т. В. Захарова,
Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафткульев, А. И. Пан-
телеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Поройков,
Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахар-
нов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Теремин-
ская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза,
Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора).
Художник-редактор Технический редактор
М. С. Беломлинский В. И. Мецатунова
Корректор В. А. Маевская
Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37
телефон 14-57-76

М-172300. Подписано к печати 26/IV 1972 г.
Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ № 2165. Цена 25 коп.
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР. Ленинград, Кронверкская ул., 7.

ПОДВОДНАЯ

ЛОДКА

„СЕВЕРЯНКА“

«Северянка» — научно-исследовательское судно, изучает морские глубины, течения и жизнь обитателей моря.

Чтобы изготовить модель этой лодки, выпилите из фанеры шаблоны — они помогут обработать корпус. Для корпуса понадобится брусок липы, осины или березы. Его размечают по линиям чертежа на сетки. Затем аккуратно обрабатывают ножом и стамеской. Сторона клеточки на сетке равна 1 см.

Все неровности корпуса зашпаклюйте и модель прошкурьте.

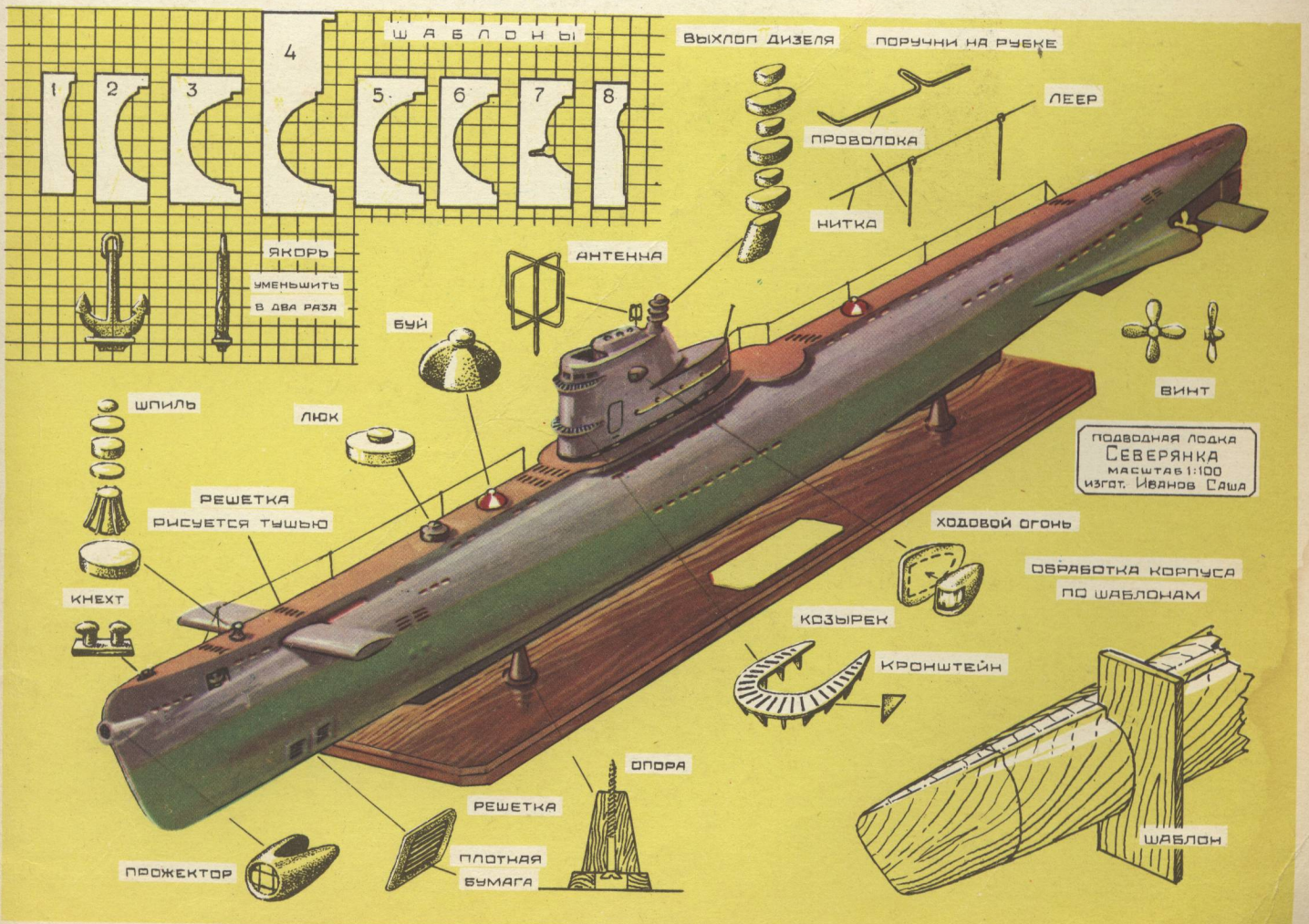
Из фанеры выпилите киль и плавники, приклейте их к корпусу. Модель раскрасьте по рисунку.

Винты выстругайте из дерева и покрасьте бронзовой краской. Якоря, кнехты и люк — черной.

Не забудьте укрепить модель на подставке и прикрепить табличку с ее названием и своей фамилией.

Эта модель «Северянка» стендовая, она не плавает. На соревнованиях оценят, насколько хорошо изготовлена такая модель.

И. Секретарев

—Коварная река и лес дремучий
Тебя погубят. Подрасти сперва!

Сын бодр и весел... Вот редчайший случай,
Когда бывает мама неправа.